

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дагестанский научный центр
Институт социально-экономических исследований

№ 7 (69), 2016

Ежемесячный
научный
журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Выходит с 2004 года

Издается по решению Ученого Совета
Института социально-экономических
исследований ДНЦ РАН

Периодичность – ежемесячный. Свободная цена

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ**

Петросянец В.З. — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

директор Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н., профессор, академик РАН

иностранный член РАН, д.т.н., профессор

директор Института проблем рынка РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН

заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН,

д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, академик РАЕН

директор Института экономики НАН Республики Армения им М. Котаняна, д.э.н., член-корреспондент НАН

директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, д.э.н., профессор

руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-

политических исследований РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН

Заместитель Председателя Совета Федерации РФ, к.ф.н.

Начальник Отдела общественных наук РАН – заместитель академика-секретаря ООИ РАН по научно-

организационной работе, д.э.н., профессор

директор Института экономики НАН Республики Армения им М. Котаняна, д.э.н., член-корреспондент НАН

Республики Армения

директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, д.э.н., профессор

директор Института информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН, д.т.н., профессор

заведующая кафедрой «Национальная и региональная экономика», проректор ФГБОУ ВПО «Дагестанский

государственный университет», д.э.н.
генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ), заведующий кафедрой

«Прикладная политология», первый проректор ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве

Российской Федерации», к.полит.наук, доцент

директор Омского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В.

Плеханова», к.ю.н., д.э.н., профессор

декан факультета прикладных коммуникаций, заведующий кафедрой «Теория коммуникации» ФГБОУ ВПО

«Санкт-Петербургский государственный университет», д.полит.наук, д.э.н., профессор

заведующая кафедрой «Государственное и муниципальное управление» филиала ФГАОУ ВПО «Северо-

Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске, д.э.н., профессор

профессор кафедры «Экономика производства и статистика» Северо-Кавказская государственная гуманитарно

-технологическая Академия, д.э.н., профессор

профессор, доктор геогр. наук, Институт Восточных Языков и Цивилизации, Франция, г. Париж

директор юридических наук, профессор Юридического факультета Токийского университета

д.э.н., профессор

к.э.н.

д.т.н., профессор

д.э.н., профессор

д.э.н., профессор

д.г.н., профессор

д.э.н.

д.э.н.

к.ф.н., доцент

к. ф.-м.н., доцент

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

ответственный секретарь

тех. редактор

составитель (дизайн-верстка)

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи и массовых
коммуникаций Российской Федерации
(Роскомнадзор). ПИ №ФС77-58168
от 29 мая 2014 года

Макаров В.А.

Акаев А.А.

Цветков В.А.

Клейнер Г.Б.

Римашевская Н.М.

Рязанцев С.В.

Умаханов И.М.-С.

Аносова Л.А.

Арутюнян В.А.

Локосов В.В.

Иванов П.М.

Магомедова М.М.

Симонов К.В.

Метелев С.Е.

Большаков С.Н.

Киселева Н.Н.

Кубанов А.М.

Жан Радвани

Кимитаката Матсузато

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дохолян С.В.

(главный редактор)

Гимбатов Ш.М.

(зам. главного редактора)

Абдулаев Ш.-С.О.

Ахмедуев А.Ш.

Гасанов М.А.

Мудуев Ш.С.

Бейбалаева Д.К.

Кутаев Ш.К.

Абдулагатов З.М.

Зоидов К.Х.

Багомедов М.А.

Деневизюк Д.А.

Курбанов К.К.

Петросянец Д.В.

Чернышов М.М.

Садыкова А.М.

Гитиномагомедова П.А.

Джамилев А.М.

*Материалы журнала отражают точку зрения авторов
и не являются официальной позицией Института.*

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна

Адрес редакции: 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского 75

Наш сайт в Интернете: www.rppe.ru

Тел. 62-45-16, 62-66-86, 8-928-800-222-0

© НП «Редакция журнала «Региональные проблемы преобразования экономики»

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами АПК и сельское хозяйство

Варганова М.Л. Необходимость обеспечения прогнозирования безопасности регионального продовольственного рынка в новых экономических условиях.....	4
Наминова К.А. Современное состояние страхования рисков сельскохозяйственных организаций с государственной поддержкой в России	13
Подречнева И.Ю., Баранов А.В., Баранова Н.С. Использование иммуногенетических маркеров групп крови для характеристики и оптимизации системы подбора в новых заводских семействах костромской породы	20
Гасанов М.А. Исследование влияния производственной инфраструктуры на экономику АПК региона	27

Управление инновациями

Симонов К.В., Петросянц Д.В., Махмутова Е.В., Корнилова А.С. Инновационная развилка: социальный запрос или элитарный проект?	34
---	----

Региональная экономика

Идзиева М.К. Влияние производственных и инвестиционных эффектов на рост валового регионального продукта.....	42
---	----

Экономика труда

Полищук Е.А. Приоритетные направления регулирования рынка труда молодежи Республики Крым.....	48
--	----

Экономика народонаселения и демография

Шахбанова М.М., Абдулагатов З.М. Типы социальной идентичности в массовом сознании дагестанских народов: состояние и динамика	55
---	----

Экономика природопользования

Курганов С.Д. Развитие малых и средних предприятий в России и Китае	68
--	----

TABLE OF CONTENTS

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

Economics, organization and management of enterprises, branches, complexes

Agribusiness and agriculture

VARTANOVA M.L. THE NEED TO PROVIDE FORECASTING OF SECURITY OF CAPACITY OF THE REGIONAL FOOD MARKET IN THE NEW ECONOMIC CONDITIONS.....	4
NAMINOVA K.A. THE MODERN STATE OF INSURANCE RISKS OF AGRICULTURAL ENTERPRISES WITH THE STATE SUPPORT IN RUSSIA.....	13
PODRECHNEVA I.Y., BARANOV A.V., BARANOVA N.S. THE USE OF IMMUNO-GENETIC MARKERS OF THE BLOOD TYPE TO CHARACTERIZE AND OPTIMIZE THE SYSTEM OF SELECTION IN THE NEW BREED FAMILIES OF THE KOSTROMA BREED.....	20
GASANOV M.A. A STUDY OF THE IMPACT OF PRODUCTION INFRASTRUCTURE ON THE ECONOMY OF THE AIC OF THE REGION.....	27

Innovation management

SIMONOV K.V., PETROSYANTS D.V., MAKHMUTOVA E.V., KORNILOVA A.S. INNOVATIVE DIVERGENT PATHS: A SOCIETAL DEMAND OR AN ELITE PROJECT?.....	34
--	----

Regional economy

IDZIEVA M.K. THE IMPACT OF PRODUCTION AND INVESTMENT EFFECTS ON THE GROWTH OF THE GROSS REGIONAL PRODUCT.....	42
--	----

Labor Economics

POLISHCHUK E.A. THE PRIORITY AREAS OF FOCUS OF REGULATION OF THE LABOR MARKET OF YOUTH IN THE REPUBLIC OF CRIMEA.....	48
--	----

Economics of population and demography

SHAKHBANOVA M.M., ABDULAGATOV Z.M. TYPES OF SOCIAL IDENTITY IN THE MASS CONSCIENCE OF DAGESTAN NATIONS: THE STATE AND DYNAMICS.....	55
--	----

Environmental Economics

KURGANOV S.D. DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM SIZED ENTERPRISES IN RUSSIA AND IN CHINA.....	68
--	----

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами

АПК и сельское хозяйство

ВАРТАНОВА МАРИНА ЛЬВОВНА

к.э.н., доцент, начальник отдела аспирантуры Московского психолого-социального университета, доцент кафедры «Экономика и финансовое право» ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет», E-mail: 11marina11@mail.ru

НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЕМКОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЫНКА В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В настоящей статье представлен всесторонний анализ необходимости обеспечения прогнозирования методов безопасности регионального продовольственного рынка в новых экономических условиях. Прогнозирование включает в себя предвидение и аргументированное представление о потенциальных и вероятных состояниях исследуемого объекта в будущем, об альтернативных путях и времени его реализации, основных направлениях развития, перспективах спроса, предложения и цен. Всесторонний анализ необходимости прогнозирования безопасности продовольственного рынка СКФО позволяет утверждать, что на основе полученных результатов возможно обосновать приоритетные направления развития рынка, что может послужить основой для формирования и реализации комплексной системы регулирования регионального продовольственного рынка. Прогнозирование и прогнозные результаты могут послужить началом по разработке стратегии развития продовольственного рынка СКФО, ориентиром для повышения эффективности и конкурентоспособности предприятий АПК, применением и адаптацией современных методов управления.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, государственное регулирование, емкость, продовольственная безопасность, региональный продовольственный рынок, прогнозирование, продовольствие, прогноз, развитие, регионы, методы прогнозирования, население.

VARTANOVA MARINA LIVOVNA

Ph. D., associate Professor, head of Department of postgraduate study of the Moscow psychology-social University, associate Professor of Department "Economy and Finance" FGBOU VPO "Russian state social University", E-mail: 11marina11@mail.ru

THE NEED TO PROVIDE FORECASTING OF SECURITY OF CAPACITY OF THE REGIONAL FOOD MARKET IN THE NEW ECONOMIC CONDITIONS

Abstract. The present manuscript provides a comprehensive analysis of the need to provide for forecasting of methods of security of the regional food market in new economic conditions. The forecasting includes the foresight and a substantiated idea about potential and probable states of the studied site in the future, about alternative ways and time of its implementation, the main areas of focus of development, prospects of demand, suggestions and prices. A thorough analysis of the need of forecasting the security of the food market of the North Caucasian Federal District allows to state that based on the results developed it is possible to substantiate the priority areas of focus of development of the market which may serve as the basis of forming and implementing a complex system of regulation of the regional food market. Forecasting and forecasted results may serve as the start of designing a strategy of development of the food market of the North Caucasian Federal District, a reference point to increase effectiveness and competitiveness of enterprises of the AIC, use and adaptation of modern methods of management.

Keywords: the agro-industrial complex, state regulation, capacity, food security, the regional food market, forecasting, food, a forecast, development, regions, methods of forecasting, population.

В настоящее время одной из основных проблем России является обеспечение населения экономически доступными качественными продуктами питания с учетом медицинских норм потребления.

На продовольственном рынке сложилась ситуация, для которой характерны: скачкообразность развития, низкая конкурентоспособность отечественных продуктов питания, рост цен, снижение спроса, увеличение объемов низкокачественной продукции, слабо развитая инфраструктура, большое количество посреднических структур.

Обоснование концепции развития регионального продовольственного рынка в новых экономических условиях требует четкого представления о сущности, функциях, составных элементах и механизмах регулирования продовольственного рынка, его роли и месте в социальной рыночной экономике.

Функционирование экономики на основе рыночных принципов связано с большим количеством неопределенностей. Такое состояние вызывает необходимость поиска субъектами рынка различных способов, позволяющих адаптироваться к рыночным условиям, и предвидение будущих ориентиров деятельности. В данной ситуации наиболее приемлемым вариантом является использование методов прогнозирования.

Проблемы регулирования региональных продовольственных рынков и обеспечения продовольственной безопасности в России обусловлены огромными размерами государства, различием природно-климатических условий, экономической, демографической ситуациями и территориальным размещением населения.

Поэтому наряду с продовольственным рынком и продовольственной безопасностью страны в обязательном порядке должны рассматриваться продовольственные рынки и безопасность ее субъектов, несущих непосредственную ответственность перед населением за достаточность обеспечения его качественным продовольствием.

Проблема продовольственной безопасности на рынке тесно связана с технологиями производства продовольствия, наличием информации о безопасности продукта. «Проблему безопасности и качества продуктов питания можно отнести к зонам "провалов" продовольственного рынка, а, следовательно, их обеспечение к числу общественных благ, поставляемых государством» [4].

С точки зрения экономической теории благосостояния, «проблема безопасности и качества продовольствия относится к числу специфических особенностей функционирования аграрного рынка, обуславливающих его равновесие в Парето неэффективном состоянии. Это, в свою очередь, является экономической основой необходимости государственной политики вмешательства в аграрную сферу и возможности перераспределения финансовых ресурсов общества на ее развитие» [4].

Прогнозирование включает в себя предвидение и аргументированное представление о потенциальных и вероятных состояниях исследуемого объекта в будущем, об альтернативных путях и времени его реализации, основных направлениях развития, перспективах спроса, предложения и цен. Задачи, связанные с прогнозированием, решаются на основе определенной методики, с привлечением проверенной и достоверной информации.

Прогнозирование емкости рынка заключается в обосновании посредством различных методов совокупных объемов потребления конкретной группы товаров или услуг в определенном временном периоде.

Процесс прогнозирования основан на установлении прогноза функционирования данного, конкретного рынка, который (прогноз) базируется на обнаружении закономерностей и характерных особенностей его становления, анализе существенных факторов, обуславливающих его развитие, следовании объективности и научной добросовестности при интерпретации полученных данных. Прогноз рынка охватывает четыре этапа, к ним относятся [6]:

1. Определение объекта или предмета прогнозирования.
2. Выбор метода прогнозирования.
3. Установление способа или процедуры разработки прогноза.
4. Проверка правильности прогноза.

Обозначенные этапы являются важнейшими пунктами в научном предвидении или прогнозировании, особенно это касается установления объекта прогнозирования, который и является

наиболее важным элементом.

Немаловажной частью прогноза является определение метода прогнозирования, который заключается в том, чтобы на основе определенной методологии провести экономико-статистическую обработку информации о состоянии изучаемого объекта, а затем преобразовать ее в информацию о вероятном состоянии и поведении объекта в прогнозном периоде времени.

В связи с тем, что в научной литературе упоминается около ста различных методов прогнозирования, выбор того метода, который подходит данному объекту, установление соответствия объекта и метода является важнейшей основой для получения более достоверной информации о текущих, возможных и зарождающихся тенденциях развития исследуемого объекта в будущем.

По мнению ряда ученых, под методом прогнозирования понимается совокупность приемов и способов мышления, позволяющих на основе анализа ретроспективных данных, внешних и внутренних связей объекта прогнозирования вывести суждения с определенной степенью достоверности относительно будущего развития объекта.

Другие исследователи дают иное определение методу прогнозирования, но наиболее четкое описание предлагает Е. А. Черныш: «Под методами прогнозирования следует понимать совокупность приемов и способов мышления, позволяющих на основе анализа ретроспективных данных, экзогенных и эндогенных связей объекта прогнозирования, а также их изменений в рамках рассматриваемого явления или процесса вывести суждения определенной достоверности относительно будущего его развития» [6].

В экономической литературе представлено три основных подхода к прогнозированию емкости рынка, каждый из которых реализуется посредством определенных методов прогнозных расчетов. Общая классификация подходов и соответствующих им методов прогнозирования емкости рынка представлена в табл. 1.

Таблица 1

Подходы и методы прогнозирования емкости рынка

Подходы к прогнозированию емкости рынка	Методы прогнозирования емкости рынка в рамках соответствующего подхода
1. Эвристический подход	1.1. Методы средней оценки по индивидуальным оценкам экспертов
	1.2. Метод оптимистических, пессимистических и вероятностных мнений экспертов
	1.3. Метод комиссии
	1.4. Метод Дельфи
	1.5. Метод сводного индекса готовности приобретения продукции целевыми потребителями
2. Экономико-математический подход	2.1. Трендовые модели
	2.2. Через кривые жизненного цикла
	2.3. Факторные модели:
	2.3.1. Однофакторные модели: - через коэффициенты эластичности - через кривые Энгеля и Торнквиста
	2.3.2. Многофакторные модели
3. Нормативный подход	3.1. Метод нормативных бюджетов потребления:
	3.1.1. Метод прожиточного минимума
	3.1.2. Метод бюджета достатка
	3.1.3. Метод рационального бюджета

В нашем исследовании мы не ставим задачу полного обзора всех существующих методов с их достоинствами и недостатками, наша цель — на основе определенных методов, а вернее,

экономико-математического моделирования, уточнить состояние емкости рынка продуктов питания и разработать прогноз развития продовольственного рынка СКФО.

«Комплексный анализ продовольственной безопасности в функциональной и субъектно-объектной структурах продовольственного рынка в узком смысле как проблемы агропромышленного сектора и в широком как макроэкономической проблемы, связанной с эффективностью общественного производства, уровнем и дифференциацией доходов населения, безработицей и т. д., показывает, что продовольственная зависимость той или иной страны возникает прежде всего в результате низкой эффективности ее национального агропродовольственного комплекса, но может наступить и при монокультурном экспорте, падении темпов экономического роста, обострении проблемы внешнего долга, нестабильности курса национальной валюты»[4]. Таким образом, «продовольственную безопасность страны определяют многие экономические факторы, в том числе и не связанные напрямую с развитием агропромышленного комплекса» [4].

Емкость продовольственного рынка является важным показателем общего состояния продуктового обеспечения населения региона. Под емкостью рынка, как правило, понимается объем реализации на нем товара в течение определенного времени, обычно одного года. Емкость продовольственного рынка определяется «на основании спроса и предложения, объемов вывоза и ввоза этих товаров, а также их производства по всем категориям товаропроизводителей» [3].

Емкость рынка зависит от степени освоения данного рынка, эластичности спроса, от изменения экономической конъюнктуры, уровня цен, качества товара и затрат на рекламу, характеризуется размерами спроса населения и величиной товарного предложения, имеет количественную и качественную определенность, выражается в стоимостных и натуральных показателях. Она (емкость) формируется под влиянием различных факторов, которые подразделяются на социально-экономические и специфические.

К первой группе факторов относятся [3]:

- структура и объем товарной продукции;
- ассортиментный состав и качество предлагаемой продукции;
- объем импортной продукции на рынке;
- доля доходов населения, используемых на приобретения продуктов питания;
- уровень цен и покупательская способность населения;
- уровень соотношения цен на товары;
- численность населения региона и его социальный и половозрастной состав;
- состояние инфраструктурной сети;
- уровень насыщенности рынка различными продуктами питания;
- территориально-географическое месторасположение рынка.

Вторая группа факторов определяет развитие рынка отдельных товаров, который характеризуется специфичностью, то есть присущими только ему свойствами, например, рынок рыбы и рыбопродуктов и рынок овощей.

Нужно отметить, что вся совокупность отмеченных факторов работает во взаимодействии или в противодействии друг с другом.

В научной литературе и практических исследованиях различают потенциальный и реальный уровень емкости рынка. Потенциальный уровень определяется личными и общественными потребностями и отражает адекватный им объем реализации товаров.

Наиболее важным элементом при определении потенциального уровня емкости рынка является число покупателей, которым необходим данный товар и которые смогут его купить. Если при физическом наличии товара потребитель не желает его приобрести, то емкость рынка равна нулю. Но если у покупателя есть желание приобрести товар, но нет денег, то емкость рынка не равна нулю.

Для расчета уровня потенциальной емкости рынка используются различные параметры, которые характеризуют число потенциальных потребителей, совокупный спрос на продукцию, возможный объем товара в натуральном и стоимостном выражении.

Фактический уровень емкости рынка определяется по фактически реализованной продукции. Расчет фактической емкости рынка продовольственных товаров может быть выполнен с

учетом пересчета продуктов переработки в исходную сельскохозяйственную продукцию.

«Оценка емкости внутреннего рынка проводится за определенный период времени, с учетом собственного производства, экспорта и импорта данного товара, а также переходящих остатков на следующий временной период» [5].

Путем установления разницы между потенциальной и фактической емкостью рынка можно определить его перспективность, дать производителям и потребителям ориентиры возможных тенденций развития рынка данной продукции.

При расчете емкости рынка в качестве исходной информационной базы используют статистические балансы производства и использования продукции, данные по однопрофильным предприятиям и информацию из статистических сборников. Используя предлагаемый способ расчета, можно определить потенциальную и фактическую емкость продуктов, находящихся и реализуемых на рынке. С учетом такого положения составлен прогноз емкости рынка основных продуктов питания по всем субъектам округа и представлены сводные показатели в целом по СКФО по тем же продуктам. Основной задачей явилось определение основных прогнозных тенденций и трендов развития исследуемых рынков.

Рассмотрим, какие результаты были получены по продуктовым рынкам, каким представляется и может стать продовольственный рынок СКФО к 2020 году. Начнем наш анализ с рынка мяса и мясопродуктов, его емкости и тенденциях развития (табл. 2.).

Таблица 2

Прогноз развития емкости рынка мяса и мясопродуктов СКФО до 2020 года

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Фактическое потребление в расчете на душу населения, кг	44	48	49	51	53	55	57	59	61	62	64	66	68	70
Уровень потребления, по сравнению с нормами %	55,1	59,3	60,5	62,9	65,4	68,0	70,4	72,8	75,3	77,7	80,1	82,6	85,1	87,5
Численность населения, тыс. чел.	9187	9267	9353	9439	9493	9507,8	9537,4	9563,0	9585,6	9605,8	9624,1	9640,8	9656,1	9670,3
Производство мяса, тыс. т	366,7	377,7	400,9	410,2	445,4	437,3	444,16	450,1	455,3	460,0	464,2	468,1	471,7	475,0
Емкость рынка, тыс. т:														
- реальная	409,7	444,8	458,2	481,4	503,1	526,5	548,8	571,14	593,5	615,8	638,2	660,5	682,8	705,2
- потенциальная	744,2	750,6	757,6	764,6	768,9	776,2	782,5	788,9	795,2	801,6	807,9	814,2	820,6	826,9
Неудовлетворенный спрос, тыс. т	334,5	306,8	299,4	283,2	256,8	259,8	253,1	247,3	242,2	237,6	233,5	229,7	226,2	222,9
Насыщенность рынка, %	55,1	59,3	60,5	62,9	65,4	67,9	70,3	72,7	75,2	77,6	80,0	82,4	84,8	87,3

Источник: расчеты автора

Как показывает таблица 2, на рынке мяса и мясопродуктов СКФО ожидаются положительные тенденции, к 2020 году можно наблюдать повышение уровня потребления продукта на душу населения, которое увеличится на 32,4 % по сравнению с 2007 годом. Емкость рынка будет возрастать и достигнет уровня насыщенности в 87,3 %, до полного удовлетворения будет ощущаться нехватка продукции в объеме 222,9 тыс. т.

В то же время нужно отметить, что самостоятельно хозяйствующие субъекты округа не смогут независимо удовлетворить необходимую потребность, о чем свидетельствуют показатели объемов производства мяса. Хотя и наблюдается их рост, тем не менее они не становятся самодостаточными.

В субъектах СКФО положение на рынке мяса и мясопродуктов будет складываться по-разному, но общей характерной особенностью является то, что они сами не смогут заполнить

всю емкость рынка.

Прогноз развития рынка молока и молокопродуктов, так же как и рынок мяса и мясопродуктов, характеризуется позитивными изменениями, которые позволяют повысить уровень потребления молочной продукции. Рассмотрим прогноз и особенности развития этого рынка.

Прогноз развития рынка молока и молочной продукции СКФО характеризуется тем, что также имеет положительный тренд. Но в отличие от рынка мяса и мясопродуктов уровень насыщенности рынка имеет более высокий показатель.

Такой результат является итогом позитивных изменений, происходящих в молочном подкомплексе субъектов округа, особенно в КЧР, КБР и СК. В субъектах округа имеются потенциальные возможности для удовлетворения своих потребностей и вывоза части продукции за пределы своих территорий.

Прогноз и развитие рынка яиц характеризуется тем, что здесь также сохраняются те параметры развития, которые свойственны и другим продуктам рынкам — мяса и молока. Основные прогнозные показатели и особенности развития рынка яиц отражены в таблице 3.

Таблица 3

Прогноз и развитие емкости рынка яиц в СКФО до 2020 года

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Фактическое потребление в расчете на душу населения, кг	182	186	197	211	212	214,5	217,6	220,3	222,6	224,8	226,7	228,4	230,0	231,5
Уровень потребления, %	62,5	63,7	67,5	72,3	72,6	73,5	74,5	75,4	76,2	76,9	77,6	78,2	78,8	79,3
Численность населения, тыс. чел.	9187	9267	9353	9439	9493	9583	9661,4	9739,8	9818,2	9896,6	9975	10053,4	10131,8	10210,2
Валовой сбор	1514,9	1501,6	1532,8	1591,1	1571,1	1602,8	1623,0	1643,2	1663,4	1683,6	1703,7	1723,9	1744,2	1764,4
Емкость рынка, тыс. шт:														
- реальная	1677,5	1723,7	1842,5	1991,6	2012,5	2037,5	2072,3	2102,4	2128,9	2152,7	2174,2	2193,8	2211,8	2228,6
- потенциальная	2682,6	2705,9	2731,2	2756,2	2771,9	2776,3	2784,9	2792,4	2798,9	2804,9	2810,2	2815,1	2819,6	2823,7
Неудовлетворенный спрос, тыс. ц	1005,1	982,2	888,7	764,6	759,4	738,6	712,5	689,9	669,9	652,1	635,9	621,2	607,8	595,1
Насыщенность рынка	62,5	63,7	67,5	72,3	72,6	73,5	74,5	75,5	76,3	77,0	77,7	78,3	78,8	79,4

Источник: расчеты автора

По прогнозу, уровень потребления яиц в 2020 году по округу составит около 80 %, к этому времени производство вырастет на 16,5 %. Емкость рынка возрастет в 1,3 раза, показатели неудовлетворенного спроса снизятся. Однако эти положительные моменты не позволяют полностью удовлетворить потребности населения в данном продукте, и субъекты округа вынуждены будут завозить продукт извне, особенно это касается республик Дагестан, Ингушетии и Чечни. Тем не менее фактическая часть емкости рынка увеличивается, потенциальная снижается по мере насыщения рынка.

Прогноз и развитие рынка хлебопродуктов в СКФО связаны так же, как и другие рынки, производственными возможностями сельскохозяйственных производителей, экономическим состоянием населения, его платежеспособностью. Так как хлеб и хлебопродукты являются продуктами ежедневного потребления, то и рынок, где они «вращаются», не может оставаться на месте. Таблица 4 информирует о прогнозных показателях емкости рынка хлеба и хлебопродуктов и объемах производства сырья для данного продукта.

Таблица 4

Прогноз и развитие емкости рынка хлеба и хлебобудничных изделий в СКФО до 2020 года

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Факт потреш на душу населения, кг	123,4	125	125	128	128	129	130	131	133	134	135	136	138	139
Уровень потребления, %	107,3	108,7	108,7	111,3	115,3	112,6	113,7	115,8	115,8	116,9	117,9	118,9	120,1	121,1
Численность населения, тыс. чел	9187	9267	9353	9439	9493	9583	9661,4	9739,8	9818,2	9896,6	9975	10053,4	10131,8	10210,2
Валовой сбор, тыс. т	707,4	855,3	863,3	872,2	881,5	922,2	938,2	951,9	964,2	975,1	984,9	993,9	1002,1	1009,8
Емкость рынка, тыс. т:														
- реальная	1133,7	1158,4	1169,1	1208,2	1215,1	1219,9	1227,9	1234,8	1240,9	1246,4	1251,3	1255,8	1259,9	1263,7
- потенциальная	1056,5	1065,7	1075,6	1085,5	1091,7	1	1096,8	1099,8	1102,4	1104,7	1106,8	1108,7	1110,5	1112,1
Неудовлетворенный спрос, тыс. ц	-77,2	-92,7	-92,5	-122,7	-123,4	-16,3	-130,9	-134,82	-138,3	-141,4	-144,2	-146,8	-149,2	-151,3
Насыщенность рынка	107,3	108,7	108,6	111,3	111,3	112,6	113,7	114,74	115,8	116,86	117,92	118,98	120,04	121,1

Источник: расчеты автора

Исходя из данных представленной таблицы 4, можно констатировать, что рынок хлеба и хлебобудничных изделий будет функционировать стабильно и поступательно, все субъекты округа будут иметь насыщенный рынок. Эту стабильность будут обеспечивать местные товаропроизводители с некоторым «участием» поставщиков из других регионов. Уровень потребления будет чуть больше медицинских норм, емкость рынка к 2020 году возрастет на 11,5 % по сравнению с 2007 годом, неудовлетворенный спрос будет снижаться, насыщенность рынка возрастет.

Таблица 5

Прогноз и развитие емкости рынка растительного масла в СКФО до 2020 года

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Фактическое потребление в расчете на душу населения, кг	10,1	10,8	11,3	11,8	12,4	12,9	13,5	14,1	14,6	15,2	15,8	16,3	16,8	17,4
Уровень потребления, %	77,7	83,1	86,9	90,8	95,4	99,2	103,8	108,5	112,3	116,9	121,5	125,4	129,2	133,8
Численность населения, тыс. чел	9187	9267	9353	9439	9493	9583	9661,4	9739,8	9818,2	9896,6	9975	10053,4	10131,8	10210,2
Производство подсолнечник	472,2	312,2	463,9	349,3	407,7	372,59	368,41	364,84	361,71	358,93	356,44	354,18	352,11	350,21
Емкость рынка, тыс. т:														
- реальная	92,8	100,1	105,7	111,4	117,7	117,9	120,3	122,2	124,0	125,6	127,0	128,3	129,5	130,6
- потенциальная	73,5	74,1	74,8	75,5	73,5	74,7	74,8	74,9	74,9	75,0	75,1	75,1	75,1	75,2
Неудовлетворенный спрос, тыс. т	-19,3	-26,0	-30,9	-30,2	-43,6	-45,8	-51,12	-56,4	-61,68	-66,96	-72,24	-77,52	-82,8	-88,08
Насыщенность рынка, %	126,3	135,1	141,3	140	159,3	154,4	157,0	159,2	161,2	163,0	164,6	166,1	167,4	168,7

Источник: расчеты автора

Как показывает таблица 5, прогноз и развитие рынка растительного масла имеет такую же картину, что и рынок хлеба и хлебобудничных изделий, но функционирование рынка в большей степени будет обеспечивать хозяйствующие субъекты других регионов. Понятно, что для потребителя неважно, кто является производителем данного продукта, его интересует доступность (наличие), цена и качество. Если с таких позиций подходить к прогнозу и развитию рынка растительного масла, то к 2020 году уровень потребления может составить чуть больше медицинских норм.

Рассмотрим основные параметры прогноза и развития рынка растительного масла СКФО.

Как показывает таблица 5, емкость рынка растительного масла к 2020 году вырастет на 10,7 % по сравнению с 2012 годом, насыщенность рынка составит 168,7 %, спрос потребителей продукции будет удовлетворен.

Прогноз и развитие рынка овощей, судя по данным, представленным в таблице 6, имеет хорошие перспективы, об этом свидетельствует рост производства продукции во всех субъектах округа.

Прогнозные показатели развития емкости и производства овощей имеют тенденцию к росту по сравнению с 2007 годом. В 2020 году производство овощей возрастет на 42,3 %, а емкость рынка увеличится на 43,6 %. Начиная с 2017 года рынок может полностью удовлетворить потребности населения округа в овощах.

Таким образом, можно констатировать, что емкость продовольственного рынка СКФО будет иметь тенденцию к росту, будет происходить систематическое увеличение объемов производства продукции. В то же время потребности в некоторых продуктах питания на уровне медицинских норм не будут удовлетворены, это означает, что существует резерв потребления.

Анализируя полученные отклонения при прогнозе, мы пришли к выводу о том, что разработанную модель и полученный с ее помощью прогноз можно считать достоверным.

Таблица 6

Прогноз и развитие емкости рынка овощей в СКФО до 2020 года

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Фактическое потребление в расчете на душу населения, кг	126,3	138	140	150	158	165,1	172,6	180,2	187,7	195,2	202,8	210,3	217,9	225,4
Уровень потребления, %	62,5	68,3	69,3	74,3	78,2	81,7	85,5	89,2	92,9	96,6	100,4	104,2	107,9	111,6
Численность населения, тыс. чел.	9187	9267	9353	9439	9493	9583	9661,4	9739,8	9818,2	9896,6	9975	10053,	10131,8	10210,
Производство	1297,00	1333,00	1474,10	1559,20	1662,30	1654,2	1689,12	1719,38	1746,07	1769,94	1791,5	1811,2	1829,39	1846,2
Емкость рынка, тыс. ц: - реальная	1160,3	1278,5	1309,4	1415,9	1499,9	1498,5	1529,1	1555,6	1579	1599,9	1618,9	1636,1	1652,0	1666,7
- потенциальная	1855,8	1871,9	1889,3	1906,7	1917,6	1935,7	1951,6	1967,4	1983,3	1999,1	2014,9	2030,8	2046,6	2062,5
Неудовлетворенный спрос, тыс. ц	695,5	593,4	579,9	490,8	417,7	422,2	397,6	376,2	357,4	340,6	325,3	311,4	298,6	286,8
Насыщенность рынка, %	62,5	68,3	69,3	74,3	78,2	81,7	85,4	89,2	92,96	96,7	100,4	104,1	107,9	111,6

Источник: расчеты автора

Всесторонний анализ необходимости прогнозирования безопасности продовольственного рынка СКФО позволяет утверждать, что на основе полученных результатов возможно обосновать приоритетные направления развития рынка, что может послужить основой для формиро-

вания и реализации комплексной системы регулирования регионального продовольственного рынка.

Прогнозирование и прогнозные результаты могут послужить началом разработки стратегии развития продовольственного рынка СКФО, ориентиром для повышения эффективности и конкурентоспособности предприятий АПК, применением и адаптацией современных методов управления.

Литература

1. Гомелько Т. В. Особенности регулирования продовольственного рынка в зарубежных странах / Горный информационно-аналитический бюллетень. — 2008. — № 9.
2. Гомелько Т. В. Межрегиональные и межотраслевые связи на продовольственном рынке Центрального Федерального Округа / Российское предпринимательство. — 2008. — № 2.
3. Гомелько Т. В. Емкость продовольственного рынка: факторы, методы оценки / Гомелько Т. В., Никитина А. А. // Журнал «Вестник». — 2009, выпуск 1.
4. Дохолян С. В., Ибрагимов М.-Т. А. Методические подходы к оценке состояния ПБ региона // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2010. — № 4.
5. Продовольственное обеспечение населения — первостепенная стратегическая задача // Экономика сельского хозяйства России. — 2010. — № 12.
6. Рябова Т. Ф. Методология оценки критериев продовольственной безопасности страны / Т. Ф. Рябова // Пищевая промышленность. — 2009. — № 12.
7. Таймасханов Х. Особенности развития продовольственных рынков в условиях реформирования аграрной сферы экономики / Terra Economicus. — 2009. — № 3.
8. Тимченко Е. Ю. Маркетинговые стратегии поставщиков продовольственных товаров на потребительских рынках республик Северного Кавказа / Е. Ю. Тимченко // Экономические науки. — 2009. — № 61.
9. Файзуллин Г. Г. Современные организационно-правовые основы государственного управления продовольственным рынком / Аграрное и земельное право. — 2010. — № 3.

References:

1. Gomelko T. V. Inter-regional and inter-industry linkages in the food market of the Central Federal District / Russian entrepreneurship. 2008. No. 2.
2. Gomelko T. V. The Capacity of the food market: factors, methods of assessment / Gomelko T. V., Nikitina A. A. // Journal «Vestnik». 2009. Issue 1.
3. Gomelko, T. V. Peculiarities of regulation of the food market in foreign countries / Mining information — analytical Bulletin. 2008. No. 9.
4. Dokholyan S. V., Ibragimov M.-T. A. Methodological approaches to assessment of PB in the region // Regional problems of transformation of the economy. 2010. No. 4.
5. Food security of the population — the primary strategic goal // Economics of agriculture of Russia. 2010. No. 12.
6. Ryabova T. F. Methodology of the assessment criteria of food security / T. F. Ryabova // Food industry. 2009. No. 12.
7. Taymaskhanov Kh. Peculiarities of development of food markets in the conditions of reforming of the agrarian sector of economy / Terra Economicus, 2009. No. 3.
8. Timchenko E. Y. Marketing strategies of the suppliers of food products in the consumer markets of republics of the North Caucasus / E. Y. Timchenko // Economic science. 2009. No. 61.
9. Faizullin G. G. Modern organizational and legal basis of state control of food market / Agricultural and land law. 2010. No. 3.

НАМИНОВА КЕРМЕН АНТОНОВНА

доцент кафедры мировой экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Россия, г. Астрахань
e-mail: kermen.09@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СТРАХОВАНИЯ РИСКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКОЙ В РОССИИ

Аннотация. Цель работы: проанализировать основные параметры развития системы страхования рисков сельскохозяйственных организаций с государственной поддержкой в России в современных условиях. Методы исследования: статистические, аналитические. Результаты работы: проведенный анализ показал, что система страхования рисков сельскохозяйственных предприятий в условиях государственной поддержки не в полной мере обеспечивала эффективную защиту интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей, их защиту от крупномасштабных природных рисков. Область применения результатов: положения и выводы автора могут явиться теоретической и эмпирико-фактологической базой для решения задач эффективного управления процессом страхования сельскохозяйственных организаций на современном этапе. Выводы. В работе выявлены причины неэффективного финансирования системы страхования рисков сельскохозяйственных предприятий за счет средств федерального бюджета, концентрируется внимание на проблеме отказа в выплатах подавляющему числу товаропроизводителей, ущерб которых хотя и значителен, но не достиг критического порога. Автор приходит к выводу, что необходима качественно новая система сельскохозяйственного страхования с действенной государственной поддержкой.

Ключевые слова: страхование, риски сельскохозяйственных организаций с государственной поддержкой, страховая сумма, страховая премия, страховое возмещение.

NAMINOVA KERMEN ANTONOVNA

Ph.D., assistant professor of "World Economy and Finance"
FGBOU IN "Astrakhan State University", Astrakhan, e-mail: kermen.09@yandex.ru

THE MODERN STATE OF INSURANCE RISKS OF AGRICULTURAL ENTERPRISES WITH THE STATE SUPPORT IN RUSSIA

Abstract. The goal of the study: to analyze the main parameters of development of the system of insurance of risks of agricultural organizations with state support in Russia in modern conditions. The methods of study: statistical, analytical. The results of the study: the analysis performed showed that the system of insurance of risks of agricultural enterprises in the conditions of state support has not fully provided for an effective protection of interests of agricultural producers, their protection from large scale natural risks. The area of use of the results: the author's provisions and conclusions may be the theoretical and empirical-factual basis to solve the tasks of effective management of the process of insurance of agricultural organizations at the contemporary stage. Conclusions. The study has found the reasons for ineffective financing of the system of insurance of risks of agricultural enterprises from the funds of the federal budget, concentrates its attentions on the problem of refusal of payments to the majority of product producers whose damages, though significant, have not reached the critical mass. The author comes to the conclusion that a fundamentally new system of agricultural insurance is necessary, together with a coming with efficient state support.

Keywords: insurance, risks of agricultural organizations with the state support, an insured amount, an insurance premium, an insurance reimbursement.

В России проблема обеспечения населения продуктами питания и промышленности все еще стоит остро. В решении этой острейшей проблемы принимают участие все формы хозяйствования — сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйства населения и другие организационно-правовые формы хозяйствования. Для решения данной проблемы в том числе необходимо сделать больший упор на развитие механизма страховой защиты сельскохозяйственного производства. Как показывает практика, страхование как эффективный инструмент передачи рисков имеет большое значение для повышения финансовой устойчивости и поддержания доходности сельскохозяйственных предприятий.

Государственной поддержке подлежит страхование урожая сельскохозяйственных культур (зерновых, зернобобовых, масличных, технических, кормовых, бахчевых культур, картофеля, овощей, виноградников, плодовых, ягодных, орехоплодных насаждений, плантаций хмеля, чая) и посадок многолетних насаждений (виноградники, плодовые, ягодные, орехоплодные насаждения, плантации хмеля, чая). Конкретный перечень видов (групп) сельскохозяйственных культур и посадок многолетних насаждений на соответствующий год определяется ежегодным Планом сельскохозяйственного страхования, утверждаемым Минсельхозом России. При этом на страхование принимаются только культуры, в том числе многолетние насаждения, сорта которых внесены в Государственный реестр селекционных достижений и которые допущены к использованию в регионе возделывания.

В настоящее время сельское хозяйство обеспечено страховой защитой в области растениеводства не более чем на 17,7 %, в области животноводства — 16,6 %.

В таблице 1 представлена динамика страхования урожая сельскохозяйственных культур с государственной поддержкой за 2009–2014 годы.

По данным таблицы 1 видно, что количество организаций, заключивших договоры страхования, подлежащие субсидированию, то уменьшалось, то увеличивалось. Максимальное значение наблюдалось в 2009 году и 2014 году — 5 742 и 5 827 хозяйств соответственно, абсолютный прирост составил 85 хозяйств, или на 101,48 %. В 2010 году показатель составил 3 919 организаций, в 2011-м и 2012-м годах наблюдался рост хозяйств, принимающих участие в данном сегменте страхования. Но в 2013 году ситуация изменилась, и здесь мы наблюдаем снижение показателя с 51145 организаций до 4663 хозяйства. Причинами такой ситуации является кризисное финансовое состояние хозяйств (сельскохозяйственных и фермерских). Так, с 2003 года и по состоянию на 1 января 2015 года в программе финансового оздоровления приняли участие 13254 сельскохозяйственных товаропроизводителя.

Общая сумма реструктуризированной просроченной задолженности составила 87 млрд руб. Всего 1723 участника завершили программу с суммой реструктуризации просроченной задолженности, которая составила 2,3 млрд руб., в том числе досрочно 991 организация. В настоящее время в программах финансового оздоровления участвуют 3395 сельхозтоваропроизводителей, в том числе 104 фермерских хозяйства. Общая сумма реструктуризированной задолженности составляет 7,3 млрд рублей, из нее 3,3 млрд руб. — задолженность по налогам и сборам.

Ввиду подобного состояния можно констатировать, что страховые тарифы по сельхозстрахованию многим хозяйствам являются неподъемными. Неэффективность системы страхования сельскохозяйственных рисков в силу определенных причин и обстоятельств отражается на тенденции отказа большинства сельхозпредприятий от агрострахования.

Посевная площадь на протяжении всего анализируемого периода имела тенденцию к увеличению, кроме 2012 года. В 2014 году посевная площадь составила 72,6 млн га, что на 7,9 млн га больше, чем в 2009 году. Но удельный вес посевной площади застрахованных культур в 2014 году составил 17,7 %, что на 0,5 % меньше, чем в 2009 году. Тогда посевная площадь сельскохозяйственных культур по договорам страхования с государственной поддержкой, принятым на субсидировании, составила 12,9 млн га в 2014 году против 11,8 млн га в 2009 году (таблица 2).

Таблица 1

Динамика страхования урожая сельскохозяйственных культур с 2009–2014 годы, млн руб.

Показатели	Годы						Изменение 2014/2009 года	
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	(+;-), млн руб.	%
1. Количество организаций, заключивших договоры страхования, подлежащие субсидированию	5 742	3 919	4 452	51145	4663	5827	85	101,48
2. Посевная площадь, млн га	64,7	67	70,8	69,7	71,7	72,6	7,9	112,21
3. Количество субъектов РФ, принявших участие в страховании	62	61	62	60	60	62	0	100
4. Количество страховых организаций, осуществляющих страхование урожая сельхозкультур с государственной поддержкой	64	49	54	36	42	44	-20	68,75
5. Страховая сумма, млн руб.	119127	87983	136573	175473	183152	212584	93457	178,45
6. Сумма уплаченной страховой премии, млн руб.	9184,4	8805,8	13735,9	9699,9	10653	12265,2	3080,8	133,54
7. Субсидии, перечисленные из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ, млн руб.	3597	4296,3	5889,5	5307,7	5256	6072,1	2475,6	168,83
8. Выплаченное страховое возмещение, млн руб.	4480,4	6392,4	3865,4	2181,5	1454,5	1544,7	-2935,7	34,48

Источник: рассчитано и составлено автором по [6]

Таблица 2

Соотношение посевной площади сельскохозяйственных культур по договорам страхования с государственной поддержкой и общей посевной площади*

Показатели	Годы						Изменение 2014 /2009 годах (+;-)
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
1. Посевная площадь, всего, млн га	64,7	67	70,8	69,7	71,7	72,6	7,9
2. Удельный вес посевной площади застрахованных культур, %	18,2	13	20,1	18,5	16,3	17,7	-0,5
3. Посевная площадь сельскохозяйственных культур по договорам страхования с государственной поддержкой, млн га (стр.1*стр.2)/100	11,8	8,7	14,2	12,9	11,7	12,9	1,1

*Источник: рассчитано и составлено автором

Количество субъектов РФ, принявших участие в страховании, в 2014 году равнялось 62 ед., это самое максимальное значение. За все время количество субъектов РФ максимально уменьшалось не более чем на 2 ед., как это произошло в 2012-м и 2013-м годах.

На рынке сельскохозяйственного страхования в области растениеводства в России в 2014 году работали 44 страховые организации, входящие в два объединения агростраховщиков — союз «Единое объединение страховщиков агропромышленного комплекса "Национальный союз агростраховщиков"» и Ассоциация агропромышленных страховщиков "Агропромстрах"».

Сопоставляя общую сумму уплаченной страховой премии с общей страховой суммой, можно отметить, что средний тариф по договорам сельхозстрахования с государственной под-

держкой составил: в 2009 году — 7,71 %, в 2010 году — 10,01 %, в 2011 году — 10,06 %, в 2012 году — 5,53 %, в 2013 году — 5,82 %, в 2014 году — 5,77 % от страховой суммы.

В 2014 году произведено выплат страхового возмещения по договорам сельхозстрахования с государственной поддержкой на сумму 1544,7 млн руб., средний уровень выплат составил 68 % заявленных убытков. Таким образом, несмотря на бюджетное субсидирование, действующая система сельхозстрахования с государственной поддержкой требует значительных затрат от самих сельхозпроизводителей.

19 декабря 2014 года постановлением Правительства Российской Федерации № 1421 [3] в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы были внесены изменения, касающиеся в том числе и объема финансирования по сельскохозяйственному страхованию в области растениеводства и животноводства (таблица 3).

Фактически в 2014 году субсидии, перечисленные из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ на компенсацию части начисленной страховой премии по заключенным договорам, составили в целом 6072,1 млн руб., в том числе 4931 млн руб. из федерального бюджета и 1141,1 млн руб. из регионального бюджета.

Очевидно, что выделяемые субсидии из двух уровней бюджета в 2014 году были на порядок выше по сравнению с 2013 годом. Но Государственной программой развития сельского хозяйства на 2014 год был заложен объем субсидий в размере 6200 млн руб., в том числе из федерального бюджета — 5000 млн руб. и регионального — 1200 млн руб. Таким образом, фактические показатели не совпадают с запланированными в размере 127,9 млн руб.

Таблица 3

Объемы финансирования по сельскохозяйственному страхованию в области растениеводства и животноводства за счет средств федерального бюджета, тыс. руб.

Наименование	2013 году	2014 году	2015 году	2016 году	2017 году
Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции сырья и продовольствия на 2013–2020 годы, утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 года № 717 [4]					
Основное мероприятие «Управление рисками в подотраслях растениеводства»	5000000	5260000	5260000	5517740	5782591,52
Основное мероприятие «Управление рисками в подотраслях животноводства»	1000000	1000000	1500000	354498,75	1419514,69
Уточненный объем средств, согласно постановлению Правительства Российской Федерации № 1421 от 19 декабря 2014 года, в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы [3]					
Основное мероприятие «Управление рисками в подотраслях растениеводства»	5000000	4997000	4997000	6997000	7782591,5
Основное мероприятие «Управление рисками в подотраслях животноводства»	1000000	950000	1425000	1286773,9	1419514,7

На наш взгляд, это могло произойти по двум основным причинам:

1. Отсутствие системного подхода в части обоснованности предоставляемых субсидий Министерством сельского хозяйства России.

2. Неточный механизм расчета размера субсидии.

С 2013 года стало осуществляться оказание государственной поддержки по договорам

сельскохозяйственного страхования в отношении сельскохозяйственных животных в соответствии с положениями Федерального закона от 25.07.2011 года № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон "О развитии сельского хозяйства"» [1].

В соответствии с Планом сельскохозяйственного страхования на 2014 год, утвержденного приказом Минсельхоза России от 31.10.2013 года № 399 [5], государственная поддержка в 2014 году осуществлялась при страховании крупного рогатого скота (за исключением телят в возрасте до 2 месяцев), мелкого рогатого скота (за исключением козлят и ягнят в возрасте до 4 месяцев), свиней (за исключением поросят в возрасте до 4 недель), лошадей, лошаков, мулов, ослов (за исключением молодняка в возрасте до 4 месяцев), верблюдов (за исключением верблюжат в возрасте до 4 месяцев), оленей (за исключением молодняка в возрасте до 4 месяцев), кроликов, пушных зверей (за исключением молодняка в возрасте до 4 месяцев), птицы яйценоских пород и птицы мясных пород, цыплят-бройлеров, семей пчел. В таблице 4 представлена динамика страхования сельскохозяйственных животных.

Таблица 4

Динамика страхования сельскохозяйственных животных с государственной поддержкой в 2013–2014 годах, млн руб.

Показатели	Годы		Изменение 2014/2013 году	
	2013	2014	(+;-), млн руб.	%
1. Количество заключенных и просубсидированных договоров страхования, всего, шт., в том числе по страхованию:	410	567	157	138,3
- КРС;	328	411	83	125,3
- МРС;	19	77	58	405,3
- свиней;	48	106	58	220,8
- лошадей;	0	129	129	0
- оленей;	0	1	1	0
- кроликов, пушных зверей;	0	1	1	0
- птицы;	15	48	33	320,0
- семей пчел.	0	13	13	0
2. поголовье застрахованных животных, условные головы	1 728 688	4 311 696	2 583 008	249,4
3. Удельный вес застрахованных животных, %	7	16,9	9,9	241,4
3. Количество субъектов РФ, принявших участие в страховании	38	57	19	150,0
4. Количество страховых организаций, осуществляющих страхование сельхозживотных с государственной поддержкой	28	31	3	110,7
5. Страховая сумма, млн руб.	37567,5	70134	32566,5	186,7
6. Сумма уплаченной страховой премии, млн руб.	417,1	813,6	396,5	195,1
7. Субсидии, перечисленные из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ, млн руб.	206,5	393,2	186,7	190,4
8. Выплаченное страховое возмещение, млн руб.	0	8,9	8,9	0

Источник: составлено и рассчитано автором по [6]

На рынке страхования сельскохозяйственных животных с государственной поддержкой работала 31 страховая организация, входящая в два объединения агростраховщиков — Союз

«Единое объединение страховщиков агропромышленного комплекса "Национальный союз агrostраховщиков"» (НСА) и Ассоциация агропромышленных страховщиков («Агропромстрах») в 57 субъектах Российской Федерации.

В сегменте сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой в области животноводства в 2014 году заключенных и просубсидированных договоров страхования увеличилось на 157 шт., или на 138,30 % по сравнению с 2013 годом.

Наибольший прирост данного показателя обеспечило число заключенных договоров по страхованию малого рогатого скота, более чем в 4,5 раза, а также свиней в 2,2 раза, птицы более чем в 3 раза, крупного рогатого скота на 125,3 %.

В 2014 году из общего количества страховых организаций — 31: 17 страховых организаций являются членами НСА, ими было заключено 295 просубсидированных договоров страхования, что составляет 52,0 % от общего количества заключенных и просубсидированных договоров страхования сельскохозяйственных животных в 2014 году, и 14 — организации-члены Агропромстраха, ими было заключено 272 просубсидированных договора страхования сельскохозяйственных животных, что составляет 48,0 % от общего количества заключенных и просубсидированных договоров страхования.

В 2014 году наблюдается абсолютное увеличение поголовья застрахованных животных — на 2583008 усл. единиц по сравнению с предыдущим периодом и составило 4311696 усл. головы, при этом удельный вес застрахованных животных составил 16,9 % от общего количества.

Сумма уплаченной страховой премии по заключенным и просубсидированным договорам страхования сельскохозяйственных животных с государственной поддержкой, с учетом бюджетных средств, перечисленных уполномоченными органами государственной власти субъектов Российской Федерации на расчетные счета страховщиков на основании заявлений сельскохозяйственных товаропроизводителей, за 2014 год составила 813,6 млн руб. напротив 417,1 млн руб. в 2013 году.

На возмещение части затрат по сельскохозяйственному страхованию с государственной поддержкой в области животноводства из бюджетов двух уровней было направлено 393,2 млн руб., в том числе:

- из федерального бюджета — 291,2 млн руб.;
- из регионального бюджета — 102 млн руб.

В 2013 году выплата страховых возмещений по страхованию сельскохозяйственных животных не производилась, в 2014 году она составила 8,9 млн руб.

Очевидно, что выплаты по возмещению ущерба являются достаточно низкими, основной причиной является, на наш взгляд, следующее: в основе расчета лежат катастрофические события, такие как, например, массовые эпидемии, но на деле происходящая гибель небольшого количества животных от болезней фактически не относится к списку особо опасных, из-за чего происходят отказы в выплате страхового возмещения. В определенном роде данный факт является тормозом для заключения договоров по страхованию сельскохозяйственных животных.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российская система страхования рисков сельскохозяйственных предприятий, осуществляемая с государственной поддержкой, не в полной мере обеспечивала эффективную защиту интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей, их защиту от крупномасштабных природных рисков. Очевидно, что для эффективного разрешения ситуации в данной сфере просто необходима качественно новая система сельскохозяйственного страхования с действенной государственной поддержкой.

Литература

1. *О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»: Закон РФ от 25 июля 2011 года № 260-ФЗ: [Электронный ресурс] // Гарант.*
2. *Постановление Правительства Российской Федерации № 1421 от 19 декабря 2014 года в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы // Гарант.*
3. *О внесении изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: Постановление Правительства РФ от 19.12.2014 № 1421 // Гарант.*
4. *О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохоз-*

ственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы (с изм. и доп.): Постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 году № 717 // Гарант.

5. Об утверждении Плана сельскохозяйственного страхования на 2014 год (Зарегистрировано в Минюсте России 25.12.2013 № 30799): Приказ Минсельхоза России от 31.10.2013 № 399 // Гарант.

6. Доклад о состоянии рынка сельскохозяйственного страхования, осуществляемого с государственной поддержкой, в Российской Федерации в 2014 году [Текст]: Информационная брошюра. — М. Минсельхоз России, ФГБУ «ФАГПССАП», 2015. — 40 с.: ил.

References:

1. On the state support in sphere of agricultural insurance and on introducing amendments to the Federal law «About agriculture development»: the Law of the Russian Federation from July 25, 2011 No. 260-FZ: [Electronic resource]//Garant

2. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1421 of 19 December 2014 the State program of development of agriculture and regulation of markets of agricultural products, raw materials and food for 2013-2020//Garant

3. On introducing amendments into the State program of development of agriculture and regulation of markets of agricultural products, raw materials and food for 2013-2020: RF Government Decree from 19.12.2014 No. 1421//Garant

4. On the State program of development of agriculture and regulation of markets of agricultural products, raw materials and food for 2013 - 2020 (Rev. and EXT.): regulation of the Government of the Russian Federation of July 14, 2012 № 717//Garant

5. Approval of the agricultural insurance Plan for 2014 (Registered in Ministry of justice of Russia on 25.12.2013 No. 30799): the Order of the Ministry of agriculture of Russia dated 31.10.2013 No. 399//Garant

6. Report on the state of the market of agricultural insurance, carried out with the state support in the Russian Federation, in 2014. [Text]: Information brochure-M. agriculture of the Russian Federation, FGBU «FAGPSSAP», 2015.-40 p.

ПОДРЕЧНЕВА ИРИНА ЮРЬЕВНА

аспирант ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия»,
п. Каравеево, Костромская область, e-mail: irina-podrechneva017@rambler.ru

БАРАНОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

д.биол.н., п. Каравеево, Костромская область

БАРАНОВА НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА

д.с.-х.н., доцент, ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия»,
п. Каравеево, Костромская область, e-mail: baranova-ns2@yandex.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИММУНОГЕНЕТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ ГРУПП КРОВИ ДЛЯ
ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПОДБОРА В НОВЫХ
ЗАВОДСКИХ СЕМЕЙСТВАХ КОСТРОМСКОЙ ПОРОДЫ**

Аннотация. Цель исследования. Цель наших исследований заключалась в генетической характеристике новых заводских семейств и оптимизации системы подбора с использованием *EAB* — локуса групп крови. **Метод исследования.** Исследования проведены в 2015 году в ОАО «Племзавод «Каравеево» Костромской области на животных костромской породы. Использованы материалы зоотехнического и племенного учета за период 1990-2014 годы. Антигены групп крови определяли в лаборатории Регионального информационно — селекционного центра ФГБОУ ВО Костромской ГСХА.

В заводских семействах выявлено 24 аллеля крови с различной частотой встречаемости от 0,3052 аллель *G3O1T1Y2E3'F2'* до 0,0013 аллели *B1I'O'* и *Y2I'Q'Y'*, *B2G*. Отмечено широкое распространение аллелей, характерных для костромской породы: «b»; *I1G'G'*; *O'*, *B2G2KE1'F2'O'*; *I1*; *Q1*, *B2G3QT1A1'P'* и аллелей *G3O1T1Y2E3'F2'*, *B1O3Y2A2'E3'G'P'Q'Y'* *I1O1QA1'*, *I1Y2E'1GTG''*, *B1P1Y2G'Y'* присущих ивицкой породе. У высокопродуктивных коров чаще встречаются аллели *B1O3Y2A'2E3'G'P'Q'Y'*, *G3O1T1Y2E3'F2'*, *B1G2KE'1F'2O'*, «b», *I1G'G'*, *O'* и *B1G2KY2E'1F'2O'G''*. Проведен анализ наследования маркерных аллелей родоначальницы семейства и дана оценка молочной продуктивности потомства в зависимости от наследования разных аллелей. В заводских семействах нами проанализировано девять возможных вариантов подбора родителей с учетом их генотипа по *EAB* - локусу групп крови. **Область применения результатов:** Высокие показатели отмечены у первотелок, полученных вариантами подбора *ABBB*, *ABAB* и *BCAA*. Продуктивность первотелок с вариантом подбора *ABBB* была на 781 кг (*P*0,05) молока выше, чем среднее значение по семействам. Внедрение результатов наших исследований позволят повысить продуктивные качества коров заводских семейств костромской породы. **Выводы:** Сделан вывод о перспективности применения генетических маркеров, в частности *EAB* - локуса групп крови, при характеристике и оптимизации системы подбора в заводских семействах костромской породы крупного рогатого скота.

Ключевые слова: костромская порода, заводские семейства, *EAB*-локус групп крови.

PODRECHNEVA IRINA YURYEVNA

graduate student of FGBOU VO "Kostroma state agricultural Academy", p. Karavaevo, Kostroma oblast,
E-mail: irina-podrechneva017@rambler.ru

BARANOV ALEXANDER VASILYEVICH

D. Biol.N., p. Karavaevo, Kostroma oblast

BARANOVA NADEZHDA SERGEEVNA

d. agricultural Sciences, associate Professor, FGBOU VO "Kostroma state agricultural Academy", p. Karavaevo, Kostroma oblast, E-mail: baranova-ns2@yandex.ru

THE USE OF IMMUNO-GENETIC MARKERS OF THE BLOOD TYPE TO CHARACTERIZE AND OPTIMIZE THE SYSTEM OF SELECTION IN THE NEW BREED FAMILIES OF THE KOSTROMA BREED

Abstract. *The purpose of the study.* The aim of our study was to genetic characterization of new factory collections and optimization of a selection system with the use of EAB — locus of blood groups. **Method of the study.** Research carried out in 2015, JSC Plemzavod Karavaevo Kostroma region Kostroma animal breed. The materials used zootechnical and pedigree records for the period 1990-2014 years. Antigens of blood groups was determined in the laboratory of the Regional information and breeding center of the Kostroma state agricultural Academy. In the plant families identified 24 alleles of the blood with different frequency of occurrence from 0,3052 allele G3O1T1Y2E3'F2' up to 0,0013 alleles B1'O' and Y2I'Q Y' B2G. Noted the wide distribution of alleles characteristic of the Kostroma breed: "b"; I1G'G"; O', B2G2KE1'F2'O'; I1; Q1, B2G3QT1A1'P' and allele G3O1T1Y2E3'F2', B1O3Y2A2'E3'G P Q Y' I1O1QA1', I1Y2E'1GTC", B1P1Y2G'Y' is inherent in the brown Swiss breed. High yielding cows are more common alleles B1O3Y2A2'E3'G P Q Y', G3O1T1Y2E3'F2', B1G2KE1'F2'O', "b", I1G'G", and B1G2KY2E'1F2'O'G". The analysis of the inheritance of the marker alleles and the progenitor of the family, and the estimation of milk production of the offspring, depending on the inheritance of different alleles. In the plant families we have analyzed nine possible variants of the selection of parents based on their genotype at the EAB - locus of blood groups. The scope of the results: High expression levels were observed in heifers, the resulting selection of AWW, AWAV and BCAAs. The productivity of heifers with selection of AWW was 781 kg (r0.05) milk is higher than the average for families. Implementation of the results of our research will allow to increase productive qualities of cows of factory families of the Kostroma breed. **Conclusions:** the conclusion about prospects of application of genetic markers, in particular EAB - locus blood groups, when the characterization and optimization of the system of selection in plant families of the Kostroma breed of cattle.

Keywords: Kostroma breed, factory families, EAB-locus of blood groups.

Введение

Экономические ограничения, введенные Европейским Союзом в отношении России, могут привести снижению генетического потенциала племенной базы. Назрела необходимость обратить внимание на сохранение и на эффективное использование генофонда отечественных пород скота. Костромская порода — одна из ценнейших пород крупного рогатого скота, которая характеризуется высокими удоями, оптимальным соотношением жира и белка в молоке, хорошими мясными качествами и устойчивостью к ряду заболеваний.

Повышение эффективности молочного скотоводства страны должно осуществляться за счет интенсификации, основой которой, наряду с сбалансированным кормлением, является племенная работа [1, с. 3].

Большое значение при селекции молочного скота имеет повышение устойчивости наследственных качеств коров, объединенных в семейства. Без направленного и творческого разведения маточных семейств в племенных стадах невозможен прогресс породы. Наличие семейств в племенных заводах свидетельствует о высоком уровне племенной работы и служит материалом для отбора [2, с. 3].

В последние десятилетия существенный прогресс в области селекции сельскохозяйственных животных связан с применением групп крови в качестве генетических маркеров для изучения наследственных особенностей и потенциальных возможностей животных. Многие исследователи посвятили свои труды изучению взаимосвязей продуктивных качеств животных и определенных генетических «маркеров» и отмечают, что метод генетического маркирования позволяет управлять структурой стада и увеличивать долю животных с желательными маркированными генотипами [1,4,5].

Наши исследования были проведены в 2015 г. в ОАО «Племзавод «Караваяев» Костромской области на животных костромской породы. В процессе работы использованы материалы зоотехнического и племенного учета за период 1990–2014 гг. Антигены групп крови опреде-

ляли в лаборатории Регионального информационно-селекционного центра ФГБОУ ВО Костромской ГСХА с помощью гемолитических тестов по общепринятой методике [3]. В тесте использовали 48...65 иммуногенетических сывороток, выявляющих 10 систем групп крови. Одновременно определяли достоверность записи происхождения животных.

На базе «старых» заводских семейств нами сформировано 22 «новых» ведущих заводских семейства, характеризующиеся высокой молочной продуктивностью и длительным сроком хозяйственного использования.

За основу генетической оценки были взяты аллели EAB-локуса групп крови, специфика и разнообразие которых отражает как породные, так и индивидуальные особенности животных.

Для животных костромской породы характерными являются аллели «b»; IIG'G"; O', B2G2KE1'F2'O'; II; Q1, B2G3QT1A1'P'. В связи с широким использованием в подборе бурых швицких быков их аллели G3O1T1Y2E3'F2', B1O3Y2A2'E3'G'P'Q'Y', II01QA1', IIY2E1'GTG", B1P1Y2G'Y' имеют высокую частоту встречаемости.

Количество аллелей варьирует от пяти в семействах Десны 1438, Крепкой 9911, Липы 5281 и Лесной 1679 до 13 в семействах Армы 1790 и Смолы 4831 (табл. 1).

Таблица 1

Количество аллелей EAB-локуса в заводских семействах

Семейство	Число коров, гол.	Число аллелей EAB-локуса	Возможное число В-генотипов	Семейство	Число коров, гол.	Число аллелей EAB-локуса	Возможное число В-генотипов
Акции 809	17	8	36	Лавины 3844	17	9	45
Армы 1790	24	13	91	Липы 5281	12	5	15
Барки 1438	17	7	28	Лесной 1679	15	5	15
Десны 7557	8	5	15	Лимонной 1014	12	8	36
Дольки 2219	17	10	55	Медалистки 6540	22	10	55
Европы 6813	12	7	28	Смолы 4831	33	13	91
Клеенки 928	22	9	45	Теории 9474	17	9	45
Кочки 4998	24	10	55	Ухи 3890	19	10	55
Крепкой 9911	13	5	15	Шалой 5114	16	9	45
Крутки 8350	20	8	36	Шубки 205	22	9	45
Кудряшки 4335	13	7	28	Шпильки 2004	13	7	28

Сравнение возможного и фактического числа генотипов в семействах показывает, что фактическое число генотипов у коров значительно меньше, чем теоретическое. Такое несоответствие может быть обусловлено системой племенной работы, направленной на поддержание однородности семейств.

В табл. 2 дан спектр и частота встречаемости аллелей по EAB-локусу в исследуемых семействах.

Всего в семействах выявлено 24 аллеля с различной частотой встречаемости от 0,3052 аллель G3O1T1Y2E3'F2' до 0,0013 аллели B1'O' и Y2I'Q'Y', B2G.

В стаде ОАО «Племзавод «Караваев» при выведении нового молочного типа костромского скота было использовано семья 23 быков американской селекции, а позже и их сыновей. Они привнесли в костромскую породу ранее не встречающиеся аллели B1O3Y2A2'E3'G'P'Q'Y', G3O1T1Y2E3'F2' и несколько других, характерных для бурого скота США.

Так, аллель G3O1T1Y2E3'F2' встречается во всех 22 анализируемых семействах и варьирует от 0,5000 в семействе Теории 9474 до 0,1471 в семействах Дольки 2219 и Лавины 3844.

Спектр аллелей и частота встречаемости по EAB-локусу у животных в исследуемых семействах

№ п/п	Аллель EAB-локуса	Число коров, гол.	Частота аллеля	№ п/п	Аллель EAB-локуса	Число коров, гол.	Частота аллеля
1	G ₃ O ₁ T ₁ Y ₂ E ₃ F ₂ '	235	0,3052	13	B ₂ P ₂ Y ₂ G'Y'	15	0,0195
2	B ₁ O ₃ Y ₂ A ₂ E ₃ 'G'P'Q'Y'	153	0,1987	14	I ₁	10	0,0130
3	B ₁ G ₂ KE ₁ F ₂ 'O'	65	0,0844	15	G ₂ O'	6	0,0078
4	«b»	65	0,0844	16	B ₁ I ₁ T ₁ A ₁ P'	6	0,0078
5	I ₁ G'G''	29	0,0377	17	E ₃ 'G''	5	0,0065
6	O'	27	0,0350	18	B ₁ I ₁ T ₁ A'	5	0,0065
7	B ₁ G ₂ KY ₂ E ₁ F ₂ 'O'G''	23	0,0298	19	G ₂ E ₃ F ₂ 'O'	3	0,0039
8	I ₁ Y ₂ E ₁ 'Y'G''	21	0,0273	20	O ₂	3	0,0039
9	Q	20	0,0260	21	B ₂ P ₂ T ₂ P'B''	3	0,0039
10	B ₂ G ₃ QT ₁ A ₁ P'	18	0,0233	22	Y ₂ I'Q'Y'	1	0,0013
11	I ₁ Y ₂ Y'	18	0,0233	23	B ₁ I'O'	1	0,0013
12	G ₂ D'	16	0,0208	24	B ₂ G	1	0,0013

Второй по частоте встречаемости маркерный аллель B₁O₃Y₂A₂E₃'G'P'Q'Y' также выявлен во всех заводских семействах, и его частота составляет 0,1987 или 39,7% животных от всего анализируемого поголовья. Его частота варьирует от 0,3846 в семействе Кудряшки 4335 до 0,0294 в семействе Теории 9474.

Маркерный аллель I₁Y₂E₁'Y'G'' выявлен лишь в восьми семействах из 22, и его частота изменяется от 0,3125 в семействе Десны 7557 до 0,0152 в семействе Смолы 4831.

Аллели, характерные для костромской породы, имеют частоту встречаемости ниже, чем швицкие аллели G₃O₁T₁Y₂E₃F₂', B₁O₃Y₂A₂E₃'G'P'Q'Y', и выявлены не во всех семействах.

В 17 семействах с частотой 0,0844 встречается аллель B₂G₂KE₁F₂'O', который варьирует от 0,2500 в семействе Лесной 1679 до 0,0152 в семействе Смолы 4831.

Аллель «b» встречается в 16 семействах с частотой 0,0844 и изменяется от 0,2329 в семействе Барки 1438 до 0,0208 в семействе Кочки 4998.

Аллель I₁G'G'' с частотой 0,0377 выявлен лишь в девяти семействах из 22 анализируемых.

Таким образом, широкое использование в подборе бурых швицких быков привело к увеличению их аллелей у потомков и к сокращению доли аллелей, типичных для костромской породы.

Для организации целенаправленной селекции с заводскими семействами нами проведена оценка высокопродуктивных коров по EAB-локусу групп крови.

Так, аллели B₁O₃Y₂A₂E₃'G'P'Q'Y' и G₃O₁T₁Y₂E₃F₂' встречаются у 48% высокопродуктивных животных. Аллель G₃O₁T₁Y₂E₃F₂' встречается в генотипе у 92 животных или 57%, а B₁O₃Y₂A₂E₃'G'P'Q'Y' — у 63 животных, или 40% из 160 рекордисток заводских семейств.

Аллели B₁G₂KE₁F₂'O', «b», I₁G'G'', O', B₁G₂KY₂E₁F₂'O'G'', характерные для костромской породы, имеют также высокую частоту встречаемости у высокопродуктивных животных — от 0,0969 аллель B₁G₂KE₁F₂'O' до 0,0344 аллели O' и B₁G₂KY₂E₁F₂'O'G''.

При составлении плана племенной работы необходимо знать, как наследуются маркерные аллели родоначальниц семейств и какова продуктивность коров семейств, унаследовавших те или иные маркерные аллели. Это необходимо для дальнейшего подбора быков-производителей с учетом маркерных аллелей.

В семействе Лесной 1679 из 12 коров восемь (или 66,7%) имеют продуктивность свыше 8000 кг за лактацию. Родоначальница имеет генотип по EAB-локусу B₂G₂KE₁F₂'O'/B₁O₃Y₂A₂E₃'G'P'Q'Y', частота встречаемости этих аллелей в семействе составляет 0,2500 и

0,3500 соответственно. Такая высокая частота объясняется сохранением этих аллелей во всех поколениях у потомства. Например, аллель $B_2G_2KE_1'F_2'O'$ встречается в генотипе у шести животных, а второй маркерный аллель $B_1O_3Y_2A_2'E_3'G'P'Q'Y'$ — у восьми коров. Не унаследовали аллели родоначальницы только два потомка.

На рис. дана схема молочной продуктивности коров по наивысшей лактации в семействе Лесной 1679 в зависимости от наследования маркерных аллелей.

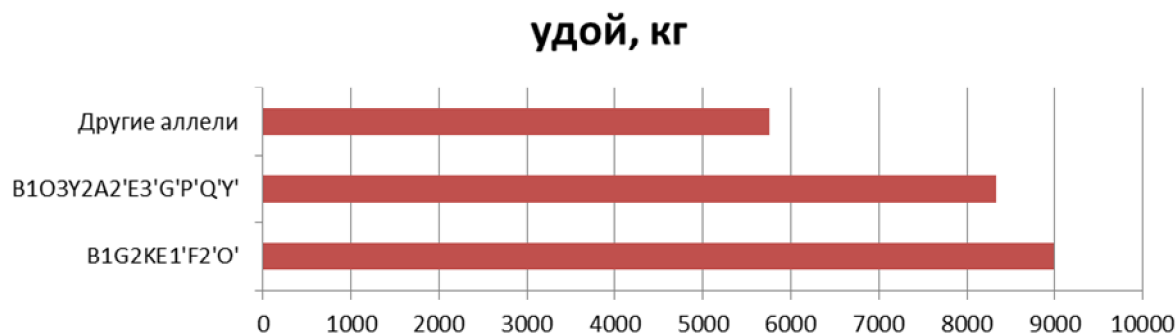

Рис. Молочная продуктивность потомков коровы Лесной 1679 с разными аллелями EAB-локуса

Данные схемы наглядно показывают значительное превосходство по молочной продуктивности животных, унаследовавших маркерные аллели родоначальницы.

Таким образом, при разведении заводских семейств следует осуществлять контроль над сохранением генетических особенностей семейств и путем отбора и подбора поддерживать их.

Для оптимизации системы разведения в заводских семействах нами проведен анализ результатов подбора с использованием иммуногенетических маркеров групп крови.

В заводских семействах проанализировано девять возможных вариантов подбора родителей с учетом их генотипа по EAB-локусу. При решении данной задачи аллели и генотипы у животных закодированы общепринятыми в генетике символами. В табл. 3 представлены данные по продуктивности первотёлок «новых» семейств в зависимости от варианта подбора по EAB-локусу групп крови.

Таблица 3

Продуктивность первотёлок семейств в зависимости от варианта подбора по EAB-локусу групп крови

№	Генотип		Число коров, гол.	1 лактация			Разница со средним по семействам		
	О	М		удой, кг	жир, %	белок, %	удой, кг	жир, %	белок, %
1	AA	AA	2	6386	3,91	3,32	+342	-0,13	+0,01
2	AA	BB	—	—	—	—	—	—	—
3	AB	BC	144	5934±104	4,04±0,02	3,30±0,02	-113	—	-0,01
4	AB	CD	182	6103±103	4,00±0,01	3,30±0,01	+55	-0,04	-0,01
5	AB	AB	6	6442±586	4,02±0,07	3,41±0,09	+395	-0,02	+0,10
6	AA	BC	20	5591±208	4,06±0,07	3,42±0,06	-456*	+0,02	+0,11
7	BC	AA	8	6216±355	4,13±0,09	3,40±0,07	+169	+0,09	+0,09
8	AA	AB	15	5540±256	4,17±0,06	3,39±0,05	-508*	+0,13*	+0,08
9	AB	BB	8	6828±395	4,07±0,04	3,29±0,05	+781*	+0,03	-0,02
Среднее по семействам			385	6047±65	4,04±0,01	3,31±0,01	—	—	—

* P < 0,05.

Из девяти вариантов подбора в семействах не встречается второй вариант (AA \times BB), когда оба родителя гомозиготны, но по разным аллелям EAB-локуса групп крови.

Наибольшую выборку в количестве 182 головы или 47,3%, составили животные семейств, полученные вариантом АВ \times CD от гетерозиготных родителей, которые различались по обоим EAB-локусам групп крови. Их продуктивность (удой, жир, белок) была на уровне средних показателей по семействам.

В то же время с данным вариантом подбора в семействе Теории 9474 из 17 коров — семь имели удои выше среднего показателя по анализируемым семействам на 1089 кг ($P < 0,05$) молока, а в семействе Ухи 3890 — 10 коров из 19 имели превосходство на 833 кг ($P < 0,05$) молока.

Высокие показатели отмечены у первотелок, полученных по пятому, седьмому и девятому вариантам подбора. Их продуктивность была на 395 кг, 169 кг и 781 кг ($P < 0,05$) молока выше, чем среднее значение продуктивности по семействам.

Наиболее удачным девятым вариантом подбора в семействе Акции 809 получена корова Алойка 6876, ее средняя продуктивность за пять лактаций составила 8196 кг молока с содержанием жира 4,00%. Мать коровы Аляпушка 2437 имела генотип по EAB-локусу групп крови $G_3O_1T_1Y_2E_3'F_2'/G_3O_1T_1Y_2E_3'F_2'$, а отец бык Крик 9194, родственной группы Мастера 106902, — генотип $G_3O_1T_1Y_2E_3'F_2'/B_1I_1T_1A_1'P'$. Алойка 6876 унаследовала от отца и матери аллель $G_3O_1T_1Y_2E_3'F_2'$.

В семействе Армы 1790 от коровы Артемиды 372 с генотипом $G_3O_1T_1Y_2E_3'F_2'/G_3O_1T_1Y_2E_3'F_2'$ и быка Рядка 3023, родственной группы Мастера 106902, с генотипом $I'/G_3O_1T_1Y_2E_3'F_2'$ получена дочь Арапка 6430. От матери она унаследовала аллель $G_3O_1T_1Y_2E_3'F_2'$, а от отца I_1 , и ее средняя продуктивность за три лактации составила 9081 кг молока с содержанием жира и 4,28%.

Низкая продуктивность отмечена при вариантах подбора три, шесть и восемь. Продуктивность животных, полученных данными вариантами подбора, ниже средних показателей по семействам на 113 кг ($P > 0,05$), 456 кг ($P < 0,05$) и 508 кг ($P < 0,05$) молока, соответственно.

Следовательно, анализ семейств с использованием генетических маркеров групп крови, в частности EAB-локуса, выявил широкое распространение аллелей $B_1O_3Y_2A_2'E_3'G'P'Q'Y'$ и $G_3O_1T_1Y_2E_3'F_2'$, присущих швицкой породе американской селекции, и сокращение аллелей, типичных для костромской породы скота. У высокопродуктивных животных отмечена высокая частота встречаемости аллелей $B_1O_3Y_2A_2'E_3'G'P'Q'Y'$, $G_3O_1T_1Y_2E_3'F_2'$, $B_1G_2KE_1'F_2'O'$, «b», $I_1G'G''$, O' , $B_1G_2KY_2E_1'F_2'O'G''$.

Анализ наследования маркерных аллелей родоначальниц в поколениях показал преимущество по молочной продуктивности у животных, унаследовавших аллели родоначальницы, что еще раз подтверждает необходимость поддержания генетических особенностей каждого семейства.

Для оптимизации системы подбора с использованием EAB-локуса групп крови в качестве генетического маркера наиболее удачными выявлены варианты АВ \times ВВ, АВ \times АВ и ВС \times АА, широкое применение которых позволит повысить генетический потенциал животных костромской породы. Проведенные исследования подтвердили эффективность применения генетических маркеров, в частности EAB-локуса групп крови, при характеристике и оптимизации системы подбора в заводских семействах костромской породы крупного рогатого скота.

Литература

1. Баранов А.В. Генетическое маркирование и его использование при совершенствовании системы разведения молочного скота: дис. док. биолог. наук: 06.02.01: Кострома, 1997. — 310 л.
2. Глуценко, М.А. Использование генетических методов при оценке заводских семейств костромской породы: автореф. дис. канд. биолог. наук: 06.02.01; п. Лесные Поляны. — 1999. — 16 с.

3. Методические рекомендации по исследованию и использованию групп крови в селекции крупного рогатого скота / П.Ф. Сороковой - Дубровины, 1974. – 40 с.
4. Ткаченко, И.В., Иммуногенетический маркер жирномолочности коров /И.В. Ткаченко, В.Ф. Гридин. // *Аграрный вестник Урала.* — 2014. – №1(119). – С. 55-58.

References:

1. Baranov A.V. “Genetic marking and its using for improvement the system of breeding dairy cattle” thesis, DSc in biology, professor: 06.02.01: Kostroma, 1997-310p.
2. Glyshenko M.A. “The using of genetic methods for estimation factory families of Kostroma breed” the summary of thesis, DSc in biology: 06.02.01; The village of Forest glade.-1999.-16p.
3. Methodical recommendations on the study and using of blood groups in selection of cattle\ P.F. Sorokina - Dybrovina, 1974.-40p.
4. Tkachenko I.V. “Immunogenetic marker of butterfat of cows”/ Tkachenko I.V., V.F.Gridin\Agrarian Bulletin of the Urals.-2014.-№1(119).-pages 55-58.

ГАСАНОВ МАГОМЕД АЛИЕВИЧ

д.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник ФГБУН
«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ЭКОНОМИКУ АПК РЕГИОНА

Аннотация. В статье проанализировано устойчивое развитие производственной инфраструктуры как фактора эффективного развития аграрного комплекса региона. Рассмотрены вопросы совершенствования государственного управления инфраструктурой в условиях инновационных преобразований. Исследованы влияния производственной инфраструктуры на экономику АПК. Отмечается, что производственная инфраструктура, являясь составной частью аграрного сектора, обеспечивает региональную связанность, свободу передвижения граждан, способствует укреплению федеральных отношений, социально-экономическому развитию территорий, росту предпринимательской активности. С учетом этого сформулированы стратегические приоритеты качественного и бесперебойного функционирования производственной инфраструктуры в целях эффективного развития аграрного комплекса в условиях модернизационных преобразований. Результаты анализа свидетельствуют о взаимосвязанном и комплексном решении поставленных вопросов, что позволит обеспечить более эффективное развитие производственной инфраструктуры АПК в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: экономика, развитие, АПК, устойчивость, показатели, управление, инфраструктура, регион, аграрный сектор, влияние, оценка, исследование, эффективность, совершенствование, приоритеты.

GASANOV MAGOMED ALIYEVICH

Doctor of Economics, professor, leading researcher FGBUN
"Institute for Social and Economic Research DSC RAS"

A STUDY OF THE IMPACT OF PRODUCTION INFRASTRUCTURE ON THE ECONOMY OF THE AIC OF THE REGION

Abstract. The manuscript analyzes consistent development of production infrastructure as a factor of effective development of the agrarian complex of the region. The issues of improving state management of the infrastructure in the conditions of innovative transformations have been discussed. The impact of the production infrastructure on the economy of the AIC has been studied. It is noted that the production infrastructure as a component of the agrarian sector provides for the regional connectivity, freedom of movement for citizens, promotes strengthening of federal relationships, social-economic development of territories, growth of entrepreneurial activity. Taking into account all of the above, strategic priorities of high quality and uninterrupted functioning of the production infrastructure have been formulated in order to effectively develop the agrarian complex in the conditions of modernization transformations. The results of the analysis give evidence that an integrated and complex solution of the issues raised will allow to provide for a more effective development of production infrastructure of the AIC in the long-term perspective.

Keywords: the economics, development, the AIC, sustainability, indicators, management, infrastructure, a region, the agrarian sector, influence, an evaluation, a study, effectiveness, improvement, priorities.

Устойчивое развитие сельскохозяйственного производства региона, повышение уровня жизни сельского населения напрямую связаны с развитием производственной инфраструктуры, со строительством сети дорожно-транспортных коммуникаций как жизненно важных артерий экономики села. Исследование показало, что в тех районах АПК, которые неудовлетворительно обеспечены автодорогами, доля транспортных издержек в себестоимости сельскохозяйственной продукции достигает 30–35 %. В результате каждое такое «бездорожное» хозяйство несет большие потери. При этом скорость движения подвижного состава по грунтовым дорогам падает в 2–3 раза, а расход и износ шин увеличивается в 1,5–2 раза, себестоимость транспортной продукции возрастает 2–2,5 раза, уменьшается межремонтный пробег подвижного состава. При перевозке зерна по бездорожью потери его составляют примерно 3–5 %, растут простои и аварийность.

В Послании Президента России Федеральному Собранию РФ на 2016 год подчеркивается: «Считаю, что нужно проставить задачу национального уровня и к 2020 году полностью обеспечить внутренний рынок отечественным продовольствием. Мы не только можем сами себя накормить с учетом своих земельных, водных, что особенно важно, ресурсов. Россия способна стать крупнейшим мировым поставщиком здоровых, экологически чистых, качественных продуктов питания. Чтобы решить такие масштабные задачи, надо сосредоточить ресурсы на поддержке эффективного функционирования и развития экономики отраслей производственной инфраструктуры. Именно на таких принципах должна строиться государственная программа Республики Дагестан "Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельхозпродукции, сырья и продовольствия на 2014–2020 годы"».

Недостаточный уровень развития производственной инфраструктуры РФ и ее регионов, несовершенство организации управления аграрного сектора наносят существенный ущерб экономике и населению, замедляя темпы импортозамещения продовольственных товаров. В связи с этим совершенствование управления отрасли является приоритетной задачей государственной политики. Производственно-инфраструктурный комплекс СКФО, являясь составной частью аграрного сектора, обеспечивает региональную связанность, свободу передвижения граждан, способствует укреплению федеральных отношений, социально-экономическому развитию территорий, росту предпринимательской активности. Автодорогами в Дагестане занято примерно 21,1 тыс. га земельной площади, что составляет около 1 % территории. В регионе много населенных пунктов, осуществляющих сообщение по дорогам с твердым покрытием с сетью автодорог общего пользования. В основном это сельские населенные пункты.

Концепция развития территорий республики и обеспечения любого сельского населенного пункта хотя бы одним производственно-автомобильным выходом на сеть дорог заслуживает внимания и одобрения. Недостаток хороших, качественных дорог вызывает материальные потери в регионе, главным образом при вывозе аграрной продукции, препятствует развитию производительных сил, сказывается также на социальном развитии села. Развитие экономики горных районов АПК предопределяет дальнейшее улучшение качества производственно-дорожной сети, особенно горных дорог и мостов, снижение стоимости дорожно-строительных работ и быстрейшую ликвидацию остатков бездорожья. Строительство автомобильных дорог между сельскохозяйственными населенными пунктами имеет не только экономическое, но и большое социальное значение.

Решение приоритетных задач регионов СКФО, в том числе и Республики Дагестан, возможно только на основе коренного реформирования деятельности производственной инфраструктуры. В настоящее время главное состоит в том, чтобы обеспечить финансирование этой отрасли, добиться того, чтобы автодороги, особенно в сельской местности, соответствовали экономическим и социальным потребностям. Без развития инфраструктуры АПК полноценная реализация национальных проектов невозможна.

На современном этапе переориентации экономики на рыночные отношения на первый план выдвигаются вопросы улучшения функционирования производственной инфраструктуры горных территорий в стратегии устойчивого развития сельскохозяйственного производства. Укрепление рыночных отношений происходит по пути формирования и развития смешанной экономики, где взаимодействуют рынок и государственное регулирование. Роль и масштабы последнего определяются как общим состоянием экономики, так и особенностями развития

аграрного сектора экономики региона. В совокупности они позволяют определить цели и задачи, а также формы и методы воздействия государства на те или иные сферы экономики АПК. Это в полной мере относится к производственной инфраструктуре, роль и значение которой неуклонно возрастает в ходе создания социально-экономических и организационных основ развития сельскохозяйственного производства. Производство продукции сельского хозяйства Республики Дагестан на начало 2015 года приведены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ производства продукции сельского хозяйства на начало 2015 года (во всех категориях хозяйств) [8, с. 288]

	Объем производства продукции сельского хозяйства, в действующих ценах, млн рублей (оценка)	Индекс сельскохозяйственного производства, в %, к началу 2014 года
Республика Дагестан	86508,6	108,7
Республика Ингушетия	5122,7	106,4
Кабардино-Балкарская Республика	34066,8	101,2
Карачаево-Черкесская Республика	22451,0	95,4
Республика Северная Осетия-Алания	25155,5	100,1
Чеченская Республика	14898,9	98,7
Ставропольский край	145976,9	108,1

Непременным условием комплексного развития производственной инфраструктуры горных территорий в экономическом развитии республики должно стать широкое развитие научных исследований, которые обеспечивают высокий уровень эффективности функционирования аграрного сектора Республики Дагестан. Повышение организационно-технического уровня производственной инфраструктуры непременно потребует создания специального фонда для финансирования актуальных научных исследований и разработок государственной поддержки для устойчивого развития горных районов АПК. Формирование региональной инфраструктурной политики требует совершенствования законодательной базы в этой области, разработки федеральных и региональных целевых программ по развитию производственной инфраструктуры, связанных с решением социально-экономических проблем сельскохозяйственного производства горных районов Дагестана.

Ввиду невозможности решения целого ряда насущных проблем инфраструктуры горных районов, в рамках традиционных методов управления целесообразна разработка и реализация республиканских программ развития отдельных ее составляющих в структуре отраслей экономики горных территорий АПК. Наряду с этим необходима разработка и реализация программы развития всего комплекса производственной инфраструктуры как в масштабе отдельного района, так и Республики Дагестан в целом. Реализация таких программ будет способствовать ускорению рыночных преобразований в отраслях производственной инфраструктуры горных территорий, созданию благоприятных условий для развития бизнеса, производства и экспорта инфраструктурных услуг, а значит, и развитию сельского хозяйства. Кроме того, откроются возможности эффективной интеграции района в региональную инфраструктурную систему, содействия реализации экспортного потенциала национальной инфраструктурной отрасли, надежного и эффективного инфраструктурного обеспечения экономических связей со странами СНГ, ближневосточного рынка и гарантированного использования их инфраструктуры для транспортировки внешнеторговых сельскохозяйственных потоков горных районов.

Появится также возможность координации действий всех ветвей и уровней власти, бизнеса, различных слоев дагестанского общества, обеспечения наиболее эффективного использования возможностей инфраструктуры в интересах социально-экономического развития регионов. В условиях стабилизации и подъема экономики значимость производственной инфра-

структуры страны и ее регионов постоянно возрастает. Растет ее вклад в обеспечение мобильности населения. Повседневное массовое использование видов инфраструктуры является одним из главных факторов становления нового качественного образа жизни. Развитие рынков товаров и услуг, малого и среднего бизнеса объективно расширяет сферу использования всей инфраструктуры, что обусловлено ее высокой адаптированностью к рыночным условиям и носит необратимый характер.

В первую очередь, должна быть обеспечена дорожно-инфраструктурная связанность горных территорий как в национальных границах, так и в региональном разрезе, исходя из возможности доступа к сети по подъездам с твердым покрытием практически для всех населенных пунктов горных районов, в которых проживает значительная часть населения; необходим учет стратегических интересов Дагестана, а именно: бесперебойное движение вне зависимости от сезонности и погодных условий; доведение транспортно-эксплуатационных качеств сельских дорог до уровня международных стандартов; повышение безопасности дорожного движения и сокращение числа происшествий по причине дорожных условий.

Одновременно должны быть созданы условия для строительства и эксплуатации сельских производственных дорог и искусственных сооружений на коммерческих началах с привлечением средств международных финансовых организаций и частных инвесторов. Необходимы также уточнения и изменения в существующей классификации дорог горных территорий АПК с соответствующим перераспределением ответственности за состояние и развитие автомобильных дорог между уровнями местного самоуправления, новыми собственниками, в том числе с учетом проводимой административной реформы и реформы органов местного самоуправления, возможностей финансирования содержания и развития дорог, реальных темпов и пропорций развития коммерческого сегмента дорожного хозяйства аграрного сектора.

Объем производства продукции сельского хозяйства всех сельхозпроизводителей (сельхозорганизации, крестьянские (фермерские) хозяйства, население) в декабре 2014 года в действующих ценах, по расчетам, составил 7 921,5 млн рублей, в январе–декабре 2014 года оценивается в 86 508,6 млн рублей в действующих ценах и составил 108,7 % (в том числе растениеводства — 110,9 %, животноводства — 107,1 %) к соответствующему периоду 2013 года против 105,8 % в январе–декабре 2013 года (табл. 2) [8, с. 55].

Таблица 2

Объем продукции сельского хозяйства по всем видам деятельности

	Январь–декабрь 2014 года, млн рублей	Январь–декабрь 2014 года в % к январю–декабрю 2013 года	Справочно: январь–декабрь 2013 года в % к январю–декабрю 2012 года
Валовая продукция сельского хозяйства – всего,	86508,6	108,7	105,8
в том числе: растениеводства	7016,7	110,8	110,2
животноводства	49491,9	107,1	102,9

Социально-экономическая основа проводимых реформ заключается в переводе финансирования развития и содержания автомобильных дорог горных территорий, включая муниципальные дороги, на механизмы, в основу которых положен принцип «пользователь платит». На первом этапе должен быть осуществлен пересмотр бюджетных полномочий и установлены источники финансирования дорожного хозяйства по уровням бюджетной системы. С учетом недостаточного объема сборов пользовательских налогов для финансирования наиболее крупных и значимых дорожных объектов на первом этапе потребуются привлечение дополнительных бюджетных источников.

Особенно остро стоит проблема обеспечения связью горных и труднодоступных районов, так как их эффективное освоение, рост сельскохозяйственного производства возможны лишь в результате интенсивного развития и строительства автомобильных дорог. Это тем более важно, потому что здесь слабо развиты или совсем отсутствуют другие виды транспорта. Для

нашего региона горных территорий АПК актуально решение задачи создания опорной дорожной сети и обеспечения круглогодичного выхода на нее большинства населенных пунктов путем строительства подъездных дорог. В таких районах с перспективным развитием аграрного сектора экономики предъявляются повышенные требования к формированию местной автодорожной сети в целях решения задачи по созданию автодорожных подъездов с твердым покрытием ко всем сельским населенным пунктам Дагестана.

Необходимо предусмотреть ускоренное строительство и опорной сети магистральных автомобильных дорог, расширение строительства путей сообщения в сельской местности, улучшение качества строительства, ремонта и содержания автомобильных дорог и осуществление необходимых мер по повышению безопасности движения. Поэтому направление дальнейшего строительства сети благоустроенных автомобильных дорог должно соединить все перспективные сельские населенные пункты региона, что необходимо и для полного удовлетворения потребностей хозяйства и населения в перевозках продукции.

Весьма наглядна связь дорожной инфраструктуры с отраслями АПК. Неудовлетворительное развитие объектов дорожной инфраструктуры ведет к существенным потерям выращенной продукции горных районов, что уменьшает конечную продукцию АПК, значительно сужает возможности удовлетворения потребностей населения, тогда как развитие инфраструктуры (в первую очередь автодорожной сети) создает благоприятные условия для эффективного развития аграрного сектора экономики, что является одним из важных приоритетов его интенсификации на современном этапе.

Действующая в настоящее время система государственного регулирования в отрасли инфраструктуры недостаточно эффективна и нуждается в реформировании в направлении, отвечающем стоящим перед регионом задачам и особенностям развития сложившегося в аграрном комплексе региона. При этом надо иметь в виду обстоятельства формирования отрасли, связанные с ломкой отживших экономических и социальных отношений, ошибками приватизации и либерализации экономики, недостаточным обеспечением проводимых реформ. В то же время следует учесть, что все еще отсутствует механизм экономической и социальной стабильности, а это резко снижает управляемость хозяйственными процессами импортозамещения и развития аграрного сектора экономики.

Обеспечить реализацию направлений развития инфраструктурного комплекса позволит разумная инвестиционная политика, предусматривающая участие государства в финансировании в первую очередь тех инфраструктурных объектов АПК, которые имеют особую государственную значимость. При этом важно наращивать инвестиционный потенциал как за счет самих предприятий и объектов аграрного комплекса, так и частных инвесторов. Исследование и прогнозирование производственной инфраструктуры в условиях импортозамещения и подъема экономики аграрного сектора в Дагестане следует вести комплексно как одно целое, имеющее единое функционально-целевое назначение, включающее развитие всех составляющих инфраструктуры и смежных производств.

Одно из приоритетных направлений совершенствования производственной инфраструктуры — усиление комплексности, переход к взаимосвязанной системе прогнозных расчетов. Это служит основой и инструментом реализации программы развития комплекса аграрного сектора в целом. Дальнейшее существование этой отрасли экономики зависит от того, насколько быстро будут приняты меры для обеспечения условий ее устойчивого функционирования в условиях импортозамещения продовольствия. Формирующиеся рыночные механизмы должны сыграть существенную роль в структурной перестройке экономики АПК регион, в результате которых составляющие производственной инфраструктуры наряду с прочими вторичными и третичными секторами экономики (обрабатывающая промышленность, строительство, интеллектуальная деятельность) займут одну из ведущих экономических основ сельскохозяйственного производства.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости увеличения объемов капиталовложений в развитие производственной инфраструктуры на территории Северного Кавказа с целью выравнивания уровней развития и обеспеченности основными фондами инфраструктуры. Данные анализа полезны региональным органам управления АПК для разработки и реализации инвестиционных программ развития инфраструктуры с учетом интересов импортозамещения

всех слоев аграрного сектора как в производственной, так и в социальной сферах экономики в условиях импортозамещения продовольственных товаров и развития рыночных механизмов, важны для разработки основных положений концепции развития объектов производственной инфраструктуры.

Необходимость проведения эффективной и целенаправленной государственной политики в сфере производственно-дорожной инфраструктуры сельских территорий продиктована временем. Стратегической целью ее проведения должно стать формирование такой системы дорожной инфраструктуры, которая бы гарантированно удовлетворяла социальные, экономические и другие специальные требования. Однако вся структурная перестройка возможна при усилении государственного регулирования деятельности дорожной сферы. Это должно быть органично увязано с общими направлениями и прогнозами социально-экономического развития, отвечать требованиям экономической эффективности капитальных вложений и предусматривать существенное повышение технического уровня объектов инфраструктуры АПК горных территорий.

К числу важнейших приоритетов развития и реформирования системы дорожной инфраструктуры следует отнести дальнейшее совершенствование ее и управляющих структур, чтобы обеспечить повышение управляемости предприятиями инфраструктурного комплекса и безусловное проведение государственной политики, осуществлять госрегулирование и контроль деятельности объектов инфраструктуры в аграрном секторе экономики Республики Дагестан.

В рамках этого направления первоочередной представляется задача создания законодательно-правовой и нормативной базы АПК горных территорий, отвечающей новым условиям хозяйствования, обеспечивающей согласование интересов предприятий производственной инфраструктуры с общественными интересами, а также юридическое закрепление прав и обязанностей этих предприятий. Следовательно, комплексное и взаимосвязанное решение поставленных вопросов позволит обеспечить более эффективное функционирование производственной инфраструктуры аграрного сектора экономики в условиях инновационно-технологических преобразований в долгосрочной перспективе развития региона.

Литература

1. Багомедов М. А. Стратегические приоритеты развития социальной сферы региона. Том 1. ISBN 978-5-90 3063-80-2. — Махачкала. Издательский дом «Наука плюс». — 2011.
2. Гимбатов Ш. М. Проблемы социально-экономического развития республик Северного Кавказа // Вопросы структуризации экономики. — 2012. — № 3. С. 114–117.
3. Гимбатов Ш. М. Роль социального капитала в экономическом развитии региона // Вопросы структуризации экономики. — 2011. — № 2. С. 91–93.
4. Гордеев О. И. Комплексное развитие промышленности региона на этапе модернизации и перехода к инновационной экономике // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2013. — № 2. С. 110–116.
5. Дохолян С. В., Экигальцев О. В. Анализ и сравнительная оценка законодательства и несостоятельности и банкротстве. Ежекв. научный журнал «Региональные проблемы преобразования экономики». Махачкала. — 2004. — № 2.
6. Камалова Т. А. Качество и безопасность товаров и услуг. Научный журнал «Апробация». — 2014. — № 7. — 2014. С. 59–61.
7. Курбанов К. К., Петросянц В. З. Роль и место АПК в устойчивом развитии региональной системы (на примере СКФО) // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2014. С. 107–112.
8. Кутаев Ш. К., Сагидов Ю. Н. Современное состояние и проблемы развития промышленности региона // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2014. — № 6. С. 62–66.
9. Наука поможет АПК стать эффективнее. // Дагестанская правда, 10 марта 2016 г.
10. Петросянц В. З., Дохолян С. В., Петросянц Д. В., Баширова А. А. Стратегия регионального развития в условиях инновационных преобразований экономики. — М.: Экономика. — 2011.
11. Послание: приоритеты расставлены. // Дагестанская правда от 4 декабря 2015 года.
12. Социально-экономическое положение Республики Дагестан за январь — декабрь 2014 года. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан (Дагестанстат). Махачкала. — 2014. 28 с.
13. Ясин Е. Г., Акиндинова Н. В., Якобсон Л. И., Яковлев А. А. Состоится ли новая модель экономического роста в России? — М. // Экономист, № 5, 2013 год.

References:

1. Bagomedov M. A. Strategic priorities of development of the social sphere of the region. Volume 1. ISBN 978-5-90 3063-80-2. Makhachkala. Science Plus publishing house, 2011.

2. Dokholyan S. V., Ekigaltsev O. V. *Analysis and comparative assessment of the legislation and insolvency and bankruptcy. Quarterly scientific magazine «Regional Problems of Transformation of Economy».* Makhachkala., 2004. No. 2.
3. *Economic and social situation of the Republic of Dagestan for January – December, 2014. Territorial authority of federal service of the state statistics on the Republic of Dagestan (Dagestanstat).* Makhachkala, 2014. 28 p.
4. Gimbatov Sh. M. *A role of a social capital in economic development of the region // Questions of structurization of economy.* 2011. No. 2. Pp. 91–93.
5. Gimbatov Sh. M. *Problems of social and economic development of the republics of the North Caucasus // Questions of structurization of economy.* 2012. No. 3. Pp. 114–117.
6. Gordeev O. I. *Complex development of the industry of the region at a stage of upgrade and transition to innovative economy//Regional problems of transformation of economy.* 2013, . No. 2. Pp. 110–116.
7. Kamalova T. A. *Quality and safety of goods and services. Scientific magazine «Aprobation».* 2014. No. 7, 2014. Pp. 59–61.
8. Kurbanov K. K., Petrosyants V. Z. *Rol and the place of agrarian and industrial complex in steady development of regional system (on the example of North Caucasus federal district) // Regional problems of transformation of economy.* 2014. Pp. 107–112.
9. Kutayev Sh. K., Sagidov Yu. N. *Current state and problems of development of the industry of the region // Regional problems of transformation of economy.* 2014. No. 6. Pp. 62–66.
10. *Message: priorities are placed. The Dagestan truth of December 4, 2015.*
11. Petrosyants V. Z., Dokholyan S. V., Petrosyants D. V. Bashirova A. A. *The strategy of regional development in the conditions of innovative transformations of economy. M.: Economy, 2011.*
12. *The science will help agrarian and industrial complex to become more effective. Dagestan truth, on March 10, 2016.*
13. Yasin E. G, Akindinova N. V., Jacobson L. I., Yakovlev A. A. *Whether the new model of economic growth in Russia will take place? M// the Economist, No. 5. 2013 of.*

СИМОНОВ КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ

*к.полит.н., Первый проректор по международному сотрудничеству и внешним коммуникациям
ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ*

ПЕТРОСЯНЦ ДАНИЭЛ ВИКТОРОВИЧ

*дк.э.н., заместитель руководителя Департамента Политологии ФГОБУ ВО
Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: dan-basa@yandex.ru*

МАХМУТОВА ЕВГЕНИЯ ВИКТОРОВНА

*к.полит.н., доцент Департамента Политологии, ФГОБУ ВО
Финансовый университет при Правительстве РФ*

КОРНИЛОВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА

*студент факультета "Социология и политология" ФГОБУ ВО
Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: kapyletti228@mail.ru*

ИННОВАЦИОННАЯ РАЗВИЛКА: СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАПРОС ИЛИ ЭЛИТАРНЫЙ ПРОЕКТ?¹

Аннотация. В статье анализируется степень популярности идеи инновационных преобразований в России среди разных слоёв и сословий (страт) общества, определяются предпосылки оптимизации выстраиваемой институциональной и инфраструктурных схем взаимодействия акторов инновационной экономики.

Авторы отслеживают зависимость политических режимов и внедряемой в стране национальной инновационной системы. Делается вывод, что степень согласования интересов в реализации инновационного проекта в России между представителями разных слоев современного общества недостаточна, не находит достаточно точек соприкосновения, что тормозит и даже останавливает позитивные процессы, получившие толчок и устойчивое развитие в период его активизации на государственном уровне с 2006–2008 гг. и последующие несколько лет.

Ключевые слова: инновационная система, инновационная политика, модернизация, институциональная среда, наука, образование.

SIMONOV KONSTANTIN VASILYEVICH

*k.polit.n., First Vice-Rector for International Cooperation and External Communications FGOBU VO
Financial University under the Government of the Russian Federation*

PETROSYANTS DANIEL VIKTOROVICH

*Ph.D., Deputy Head of the Department of Political Science FGOBU VO Financial University the
Government of the Russian Federation, e-mail: dan-basa@yandex.ru*

MAKHMUTOVA EVGENIYA VICTOROVNA

*k.polit.n., Associate Professor, Political Science Department, FGOBU VO
Financial University under the Government of the Russian Federation*

KORNILOVA ANASTASIA SERGEEVNA

*student of "Sociology and Political science" FGOBU VO Financial University under the
Government of the Russian Federation, e-mail: kapyletti228@mail.ru*

INNOVATIVE DIVERGENT PATHS: A SOCIETAL DEMAND OR AN ELITE PROJECT?

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-02-00080а – «Модель регионального инновационного кластера в условиях неопределенности рынка, особенностей экономической и социальной политики государства».

Abstract. *The manuscript analyzes the degree of popularity of the idea of innovative transformations in Russia among different strata and classes of the society, defines the prerequisites for optimization of the constructed institutional and infrastructural schemes of interaction of actors of the innovative economy.*

The authors follow through the dependence of political regimes and the national innovative system being implemented in the country. A conclusion is made that the degree of agreement of interests in the implementation of the innovative project in Russia between representatives of different strata of the modern society is not sufficient and does not find enough points of contact which slows down and even stops the positive processes that have received a kickstart and sustainable development during the period of its activation on the state level between 2006-2008 and for the subsequent several years.

Keywords: *an innovative system, an innovative policy, modernization, an institutional environment, science, education*

1. Суть проблемы

Ведущие экономики наиболее развитых современных государств базируются на инновационной парадигме, что экстраполируется в уровень развития политической, экономической, психообщественной, общественно-культурной и т. п. подсистем [1, с. 22–24; 2, с. 6–7; 3, с. 17–18]. В то же время инновационная экономика приживается только в тех системах общества, где научное знание определяет характер промышленной политики и ярко выражается производительной силой.

Прежде чем выстраивать институциональный каркас, воспользовавшись предыдущим своим опытом или применив наиболее успешные зарубежные практики, крайне важно и актуально для России, с одной стороны, определить приоритетные направления инновационного развития страны, а с другой — выбрать объективно оптимальную правильную политическую и идеологическую мотивацию инновационных преобразований, обеспечить их созвучие национальным традициям, согласовать интересы если не всех акторов инновационного развития, то, по крайней мере, большей их части.

Важным вызовом современности стали проблемы в развитии технологий ведущих стран мира, которые вызваны, во-первых, исчерпанностью прежнего экономического уклада, во-вторых, отсутствием новых идей в рамках традиционных политико-экономических моделей. Многие современные интеллектуалы убеждены в том, что фактически все достижения 1990-х гг. (Интернет, мобильная связь и пр.) принадлежат временным рамкам двумя десятилетиями ранее. Р. Дж. Гордон из Северо-западного университета (Northwestern University) США, считает, что технологические инновации нашего времени, с точки зрения общего эффекта от них, значительно уступают более ранним достижениям человечества: изобретению электричества, водопровода, двигателя внутреннего сгорания и др. [4, с. 56].

В конце XX в. набрала оборот международная конкуренция за ресурсы, с помощью которых появилась бы возможность реализовать гедонистические запросы населения ведущих стран мира. Именно это стало одной из главных причин повышения цен на энергоносители. Но и этого недостаточно для удовлетворения потребностей, которые не прекращают увеличиваться. В связи со сложившейся ситуацией страны — мировые лидеры экономического развития — упор делают на развитие инновационных технологий и проектов, при этом отдавая на аутсорсинг сборку и производство уже отработанных и повсеместно применяемых технологий.

Распространение ценностей потребления поставило под угрозу стабильность в ряде развитых странах мира. Объяснить это несложно. Вся проблема в том, что в условиях либеральной демократии позиции правящих элит в различной степени зависят от волеизъявления граждан. Несмотря на то что с развитием информационного общества у власти появились влиятельные рычаги воздействия на общественное мнение, к тому же и возможности политического манипулирования электоральным поведением, тем не менее абсолютной гарантии от политического поражения они не дают.

Ситуация в современном мире складывается таким образом, что многие демократические современные страны не имеют возможности выйти на новый инновационный уровень, они

даже не делают таких попыток. При этом некоторые авторитарные государства, имея устойчивые политические и экономические системы, делают значительные успехи в инновационном развитии. Из этого можно сделать вывод, что инновационная модернизация не имеет прямой зависимости от модернизации политической в ее либерально-демократическом (западном) понимании.

Иначе говоря, мы приходим к мысли, что два фактора служат условием для формирования инновационного общества:

- особенности трансформации системы взаимоотношений;
- направление вектора инновационного развития.

Значительное влияние имеет последний фактор, ведь представить появление инновационного человека и инновационного общества в отрыве от инновационного развития региона, страны, транснационального образования достаточно сложно.

2. Политические режимы и инновационные модели

Априори универсальных подходов и требований при формировании в той или иной стране инновационного общества быть не может. Рассуждая же о применимости в России бенчмаркинга наиболее успешных зарубежных практик, неизбежно приходим к пониманию, что, выстраивая инновационную экономику в стране, следует учитывать серьезные особенности многонационального, многоконфессионального, сословного и т. п., проживающего и воспитанного в различных климатических и социальных условиях общества, всего двадцать с небольшим лет тому назад сменившие коммунистическую парадигму, на не всегда органично имплантированные элементы рыночной экономики. Инерционные привычки к патернализму государства продолжают превалировать среди большей части населения страны.

Обозначим общие принципы (предпосылки), способные описать предварительно необходимые условия для формирования инновационного потенциала общества. Во-первых, нужно отметить важность наличия соответствующего человеческого потенциала [5, с. 27–28]. Во-вторых, для успешного инновационного развития требуется наличие достаточно развитой образовательной и научно-исследовательской инфраструктуры. В-третьих, не обязательной, но желательной предпосылкой для реализации инновационного проекта становится наличие необходимых ресурсов и производственной базы. Эмпирические исследования в российских регионах показывают, что в тех субъектах Федерации, где в советский период времени были отделения и филиалы РАН, первые три условия уже изначально существовали. Проблема состоит в том, как не растерять этот потенциал и, что ещё более важно, как синергетически его развить? В-четвертых, особая роль в обеспечении инновационно-технологического развития страны принадлежит институциональному фактору. Это отдельный вопрос, требующий усилий по созданию специфических структур инновационной триады и обеспечение их проектного тесного взаимодействия (на базе кластерного подхода, национальной технической инициативы, технологических платформ и др.). В-пятых, это активная роль государства в реализации инновационного проекта. В-шестых, для проведения в жизнь инновационного проекта требуется консолидированная политическая воля элит с обратной рефлексией наиболее активной части всего общества.

Несмотря на то что зачастую инновационные преобразования позиционируются как внеполитические и внеидеологические, их взаимосвязь с политическим режимом все равно сохраняется. Связано это с тем, что направление на инновации задается правящей элитой, политический курс которой накладывает свой отпечаток на характер преобразований.

Ещё одна причина — это зависимость хода реформ от того, какова конфигурация сил в стране в рамках «треугольника»: лидер-элита-общество. Весомым фактором является инновационная мотивация, которая нередко определяется политическими причинами и несет в себе идеологическую составляющую. Успех или провал инновационных преобразований самым непосредственным образом зависит от политической стабильности в государстве и степени единства нации.

Инновационный курс активно впитывает психообщественную инфраструктуру и политическую культуру общества, которая способна либо способствовать, либо мешать модернизации, а также определять специфику реформаторской деятельности. Рассмотрим три основные по-

литико-экономико-социальные инновационные модели: тоталитарная, авторитарная и либерально-демократическая.

I. В соответствии с тоталитарной политико-экономической инновационной моделью, всеобъемлющая идеологизация общества приумножается его тотальной политизацией, полным контролем над всеми процессами аппарата власти. В экономике отличительными чертами тоталитаризма являются этатизация хозяйственной жизни, социальное ограничение, планирование, командно-административные методы управления. Устанавливается монополия государства на распоряжение всеми важнейшими общественными ресурсами и самим человеком.

При этом тоталитарные режимы на определённом этапе своей деятельности вполне могут быть модернизационно-ориентированными и даже инновационными, поскольку заинтересованы в опережающем развитии как для ведения внешней экспансии, так и для успешной конкуренции с идеологическими противниками [2, с. 8]. В качестве примера можно привести, например, политику И.В. Сталина по «индустриализации» и «коллективизации», которая при всей спорности их методов была направлена на то, чтобы форсированно «догнать и перегнать» страны «враждебного Запада».

Тоталитарную инновационную модель определяют следующие характерные признаки.

1. Она носит этатистский и лидерский характер. Государство в лице вождя как главный собственник страны является и основным заказчиком, и потребителем инноваций, а также основным «локомотивом» их реализации.

2. Мотивация инновационного развития в рамках тоталитарного режима, прежде всего, определяется потребностями руководства страны в защите от внутренних и внешних врагов, а также стремлением к идеологической экспансии.

3. Инновационный импульс идет четко сверху вниз и представляет собой необсуждаемую директиву, при этом инновационный приказ сопровождается активной и упрощенной агитационной раскруткой с целью создания благоприятного общественного мнения и пробуждения народного энтузиазма.

4. Патриархальная политическая культура тоталитарных обществ, характеризующаяся политической пассивностью населения, приводит к тому, что граждане воспринимают инновационные указания в качестве руководства к действию и в качестве «задания партии и правительства».

5. «Милитаристский пафос» приводит к тому, что главным драйвером инновационного развития становится военно-промышленный комплекс («гонка вооружений»), который в основном и замыкает на себе инновационную среду. В итоге инновации в основном обслуживают ВПК и силовые структуры, в гражданской сфере — они малозаметны.

В то же время надо отметить, что данная модель в начале XXI в. является практически бездействующей. Во-первых, ввиду того, что тоталитарных государств в мире почти не осталось, во-вторых, в силу того, что все еще существующие немногочисленные тоталитарные режимы в настоящий момент с большим трудом борются за выживание, и у них отсутствуют необходимые ресурсы для реализации инновационной политики.

II. Авторитаризм — это система правления, при которой власть осуществляется конкретным лицом при минимальном участии населения. Этим лицом может быть и семья, и какой-нибудь социальный слой, или же часть элиты. В качестве такого субъекта может выступать и сильная политическая партия (что не обязательно влечет за собой установление однопартийности). Чаще всего авторитарная система устанавливается и обеспечивается с помощью силовых структур [6, с.34].

Определим характерные черты авторитарной инновационной модели.

1. Инициатором и драйвером инновационных реформ является государство в лице либо авторитарного лидера, либо правящей партии, либо элитного альянса. Оно же в дальнейшем регулирует и направляет инновационные процессы.

2. Инновационные импульсы «сверху вниз» идут в виде настоятельных рекомендаций, которые не являются прямым директивным указанием, но ввиду жесткости режима «с пониманием» встречаются населением, бизнесом и чиновниками.

3. При этом для продвижения инновационных реформ власть не ограничивается лишь административными мерами, но использует различного рода стимулы, пробуждающие у обще-

ства интерес к модернизации (финансовые и налоговые преференции для предпринимательских структур, социальные льготы для населения). Именно таким образом — сочетанием политики «кнута и пряника» — формируется инновационная среда.

4. Инновационная мотивация в рамках авторитарного режима может определяться как потребностями защиты от внешних и внутренних угроз, так и иными факторами (региональной экономической конкуренцией, стремлением к преодолению бедности и др.).

5. Авторитарные режимы чаще всего возникают в странах с подданнической, консервативной политической культурой, где политическая активность населения сдерживается не только властью, но и религиозно-мировоззренческими приоритетами, в которых доминирующее место занимают уважение к власти, склонность к поддержанию социальной иерархии, стремление к сохранению традиционных ценностей.

6. Инновационные процессы в авторитарных государствах не являются «прозрачными», во многом они определяются вполне эгоистическими интересами различного рода элитных групп и сообществ, каждое из которых имеет свою заинтересованность в такого рода модернизации. А это влечет за собой распространение таких негативных и тормозящих явлений, как коррупция, местничество, бюрократизм, неэффективное освоение финансовых средств и др.

Тем не менее такого рода издержки зачастую «перекрываются» эффектом прямого «вертикального» руководства, последовательностью и «бескомпромиссностью» проведения реформ (даже непопулярных), сохранением стабильности. Соответственно, данная модель в большей степени характерна для стран «третьего мира», где не смогли прижиться политические, экономические и культурные ценности западной демократии.

III. Современную западную демократию часто называют плюралистической, поскольку она синтезирует различные идеи, пытается сочетать традиционные либеральные ценности с идеями, заимствованными из социалистического, коммунистического, христианского наследия, учитывает реалии постиндустриального и инновационного обществ [7, с. 85].

Демократия представляет собой баланс групповых интересов. Ни одна из групп современного западного общества не может монополизировать власть и принимать решения, не опираясь на поддержку других общественных ассоциаций.

Обозначим общие черты плюралистической демократии.

1. Заинтересованная группа — центральный элемент демократического режима, гарантирующий реализацию прав и свобод личности.

2. Общая воля как результат конфликтного взаимодействия различных групп и их компромиссов.

3. Соперничество и баланс групповых интересов — социальная основа демократической власти, а также ее динамики.

4. Сдержки и противовесы распространяются не только на институциональную, но и на социальную сферы.

5. «Разумный эгоизм», личный и групповой интерес как генераторы политики.

6. Государство не должно пошагово регламентировать все взаимодействия акторов экономических процессов, как в классических либеральных теориях, а структура, ответственная за согласованное функционирование всех страт общества и поддерживающая в этом обществе относительную социальную справедливость.

7. Распыление власти между разнообразными центрами политического влияния (государственными институтами, партиями, группами интересов и т. п.).

8. Наличие в обществе ценностного консенсуса, предполагающего признание и уважение всеми участниками политического соревнования основ существующего государственного строя, демократических правил игры, прав личности, закона.

9. Демократическая организация основных групп как условие адекватного представительства интересов составляющих их граждан.

10. Индивидуализм сохраняется, но приобретает более взвешенные черты.

Несмотря на то что либерально-демократическая модель инновационной модернизации сегодня считается наиболее передовой и оптимальной, тем не менее она испытывает серьезные перегрузки. В частности, к таковым можно отнести издержки социального гедонизма в ведущих европейских странах, линейное понимание исторического прогресса (что нередко

мешает лидерам государств Запада адекватно воспринимать многополярные реалии начала XXI в.), а также стремление к политической, экономической и военной гегемонии, что особенно ярко проявляется в действиях США.

3. Инновационная перестройка в России: политико-экономический проект современной элиты

Исследования предпосылок внедрения в общественное сознание необходимости перестройки хозяйства на инновационный путь развития дают четкое понимание того, что он практически везде в мире инициирован элитами страны вне зависимости от политического режима. По мнению ряда отечественных исследователей, в России подобная инициатива вне властной элиты не имела популярности среди большей части населения, бизнес-сообщества, «традиционной» части бюрократии [8, с. 104].

Для широких слоев российских граждан отношение к идее очередной «шоковой терапии» было, как минимум, «с опаской», любые реформаторские проекты власти воспринимались с большим скепсисом, а всяческие «апгрейды» отвергались в силу специфики отечественной политической культуры, ведь в ней преобладают консервативные взгляды. Большая часть населения страны мысленно привязана к советскому прошлому и не была готова принять и понять новые технологические и информационные реалии, а тем более существовать и действовать в их рамках. Правда, при этом социологические замеры отмечали «гипотетическую» ориентированность населения на проведение инновационных реформ. Однако такого рода настроения либо формировались под влиянием инновационно-ориентированной части элитного сообщества (например, в России «социальный запрос» на инновации стали отмечать лишь в 2006–2008 гг., когда эта тема стала раскручиваться «сверху» через выступления первых лиц государства и властные СМИ), либо в качестве «ностальгии» по ушедшему в прошлое СССР (у данной части граждан инновационное развитие зачастую отождествляется с восстановлением Россией статуса «великой державы»).

Позитивное отношение россиян к инновациям фиксировал и Фонд «Общественное мнение», об этом свидетельствует его опрос периода августа 2011 г. об отношении россиян к иннограду «Сколково». Число респондентов, выразивших свое положительное отношение к данному проекту (63%), в семь раз превысило число отрицательно настроенных (9%). И в общей сложности почти треть всех опрошенных либо ответили равнодушием (21%), либо затруднились ответить (7%) [9].

Если давать оценку отношения частного предпринимательства к инновационному пути развития, то здесь присутствует весомая доля скептицизма и настороженности. После так называемого «равноудаления олигархов» предпринимательские слои абсолютно резонно не исключали того, что именно на их плечи возлагают ответственность за «инновационный подъем», что предполагало участие в рискованных долгосрочных финансовых инвестициях. Соответственно, это породило своего рода инновационное «дезертирство» частного бизнеса, предпочитавшего работать в более привлекательных сферах.

Сказать, что правящая бюрократия, как федеральная, так и региональная, может быть носителем инновационного мышления, не представляется реальным. Ведь представители управленческого класса по своей психологии изначально ориентированы на воспроизводство проверенных и привычных образцов деятельности, а всякого рода отступление от привычных норм вызывает у них отторжение как нарушающее «установленный порядок вещей».

По мнению профессора НИУ ВШЭ Л.Г. Григорьева, описывая модель российского общества будущего, «элита к любым проектам готова приступить лишь тогда, когда она уверена, что это решение не подорвёт её власть» [10, с. 43–46]. Поскольку модернизация, в т. ч. политическая, подразумевает перемены не только в экономике, но и во властных рядах, поэтому политэлите выгоднее «законсервировать» свое положение.

История проектов модернизации в России имеет сложную историю из-за того, что такие проекты зачастую носили форсированный характер и приводились в действие в большей степени жесткими, а иногда и авторитарными методами. В силу этих обстоятельств, сложилось неоднозначное отношение к инновациям у российских элит [11, с. 36–37].

Поэтому обычно основная часть нагрузки в деле продвижения инновационных проектов

ложится на плечи государства, точнее, заинтересованных элитных групп, имеющих соответствующий профиль деятельности. Именно они являются главными инициаторами и лоббистами инновационного законодательства, а также основными бенефициарами по итогам его практического внедрения. Можно констатировать, что и в этом случае в большей степени играет свою роль не фактор политического лидерства, а фактор экономической заинтересованности [12, с. 14].

Формирование инновационной элиты является мировоззренческой проблемой, особую роль в этом процессе следует отводить не только естественнонаучно ориентируемым «технарям», но и гуманитариям. Утопией являются надежды на то, что формирование элитного слоя можно осуществить без глубоких социальных преобразований общества, возможных только при условии, что нарождающаяся инновационная элита будет наделена властными полномочиями.

4. Заключение

Несмотря на демонстративную лояльность большинства представителей российской элиты относительно заявленных властью модернизационных инициатив, их реализация на практике сталкивается с серьёзным сопротивлением подавляющего большинства разобщённых и атомизированных в своих узкокорпоративных интересах элитных групп. Отчасти это происходит бессознательно — из-за отсутствия единой трактовки и понимания задач «модернизации» и «инновационного развития», отчасти — из-за сознательного сопротивления элит и связанной с ними бюрократии (чиновничьего аппарата), которые видят в реализации модернизационного и инновационного проекта угрозу своим официально не декларируемым интересам.

Литература

1. Симонов, К. В. Системное регулирование национального модернизационно-инновационного развития в условиях преобразований общественно-политической среды / К.В. Симонов, Д.В. Петросянц, Е.В. Махмутова // *Экономический анализ : теория и практика*. 2014. № 21. С. 19–28.
2. Симонов, К. В. Социально-политические проблемы общественного согласия при формировании регионального инновационного кластера / К.В. Симонов, Д.В. Петросянц // *Гуманитарные науки : вестник Финансового университета*. 2015. № 4 (20). С. 6–12.
3. Шатилов, А. Б. Инновационный проект модернизации России и позиция властной элиты // *Власть*. 2013. № 9. С. 16–20.
4. Gordon, Robert J. Does the New Economy Measure Up to the Great Inventions of the Past? // *Journal of Economic Perspectives*. 2000. No. 14 (Fall, No. 4). P. 49–74.
5. Петросянц, Д. В. Индекс развития человеческого потенциала в субъектах Российской Федерации // *Региональная экономика : теория и практика*. 2011. № 43. С. 23–31.
6. Политлексикон : понятие, факты, взаимосвязи ; под общ. ред. В.П. Любина, Р. Крумма ; науч. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. — М. : РОССПЭН, 2013.
7. Селезнев, П. С. Инновационное развитие России в начале XXI в. : национальный приоритет и вынужденная необходимость // *Мир и политика*. 2011. № 11. С. 83–88.
8. Горизонты инновационной экономики в России : право, институты, модели ; общ. ред. В.Л. Макарова / Рос. акад. наук. — М. : УРСС, 2010.
9. Две трети россиян считают, что будущее России тесно связано с инновациями // ВЦИОМ [электронный ресурс]. — URL : <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/special.asp?id=233974&sec=1698>, свободный. — Загл. с экрана.
10. Григорьев, Л. Сценарии развития и экономические институты / Л. Григорьев // *Экономическая политика*. 2013. № 3. С. 33–60.
11. Петросянц, Д. В. О некоторых вопросах формирования современной российской элиты / Д.В. Петросянц // *Национальные интересы : приоритеты и безопасность*. 2012. № 41. С. 34–43.
12. Политика как фактор инновационного развития : материалы Международной российско-германской научной конференции, Санкт-Петербург, 23 апреля 2010 г. ; под научн. ред. А.Ю. Сунгурова. — СПб. : Норма, 2010.

References:

1. Simonov, K. V. System regulation of the national modernization and innovative development in the conditions of transformation of the social-political environment / K.V. Simonov, D.V. Petrosyants, E.V. Makhmutova // *The economic analysis : theory and practice*. 2014. No. 21. P. 19–28.
2. Simonov, K. V. The socio-political issues of public consent in the formation of a regional innovation cluster / K.V. Simonov, D.V. Petrosyants // *Humanitarian sciences : Journal of Finance University*. 2015. No. 4 (20). P. 6–12.
3. Shatilov, A. B. The innovative project of Russia's modernization and the position of the ruling elite // *Power*. 2013. No. 9. P. 16–20.
4. Gordon, Robert J. Does the New Economy Measure Up to the Great Inventions of the Past? // *Journal of*

- Economic Perspectives*. 2000. No. 14 (Fall, No. 4). P. 49–74.
5. Petrosyants, D. V. *Human Development Index in the Russian Federation // Regional economy : theory and practice*. 2011. No. 43. P. 23–31.
6. *Politleksikon : concept, facts, relationships ; under total*. ed. V.P. Lubin, R. Krumm ; scientific. ed. S.V. Patrushev, L.E. Filippova. — M. : ROSSPEN, 2013.
7. Seleznev, P. S. *Innovative development of Russia in the beginning of the XXI century : a national priority and a forced necessity / P.S. Seleznev // World and politics*. 2011. No. 11. P. 83–88.
8. *Horizons of innovative economy in Russia : the right institutions, models ; total*. ed. V.L. Makarova / Ros. Acad. Sciences. — M. : URSS, 2010.
9. *Two-thirds of Russians believe that Russia's future is closely linked to innovation // VTsIOM [electronic resource]*. — URL : <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/special.asp?id=233974&sec=1698>, free. — Caps. screen.
10. Grigoriev, L. *Development scenarios and economic institutions / L. Grigoriev // Economic policy*. 2013. No. 3. P. 33–60.
11. Petrosyants, D. V. *On some issues of formation of the modern Russian elite /D.V. Petrosyants // National interests: priorities and security*. 2012. No. 41. P. 34–43.
12. *Politics as a factor of innovation development : proceedings of the International Russian-German conference, Saint-Petersburg, on April 23, 2010 ; under scientific. ed. A.Y. Sungurov*. — SPb. : Norma, 2010.

ИДЗИЕВА МАРЬЯМ КАМИЛОВНА

Институт социально-экономических исследований
Дагестанского ЦН РАН, Махачкала, Российская Федерация,
e-mail: textima@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ И ИНВЕСТИЦИОННЫХ ЭФФЕКТОВ НА РОСТ ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА

Аннотация. В статье рассматривается методика определения синергетических и мультипликативных эффектов, основанная на кейнсианской теории, утверждающей, что основной прирост ВВП происходит в результате инноваций в продуктовой и технологической сферах с целью оценки макроэкономических последствий эффективности реализации экономической политики в регионе и на основе влияния производственных и инвестиционных эффектов на рост валового регионального продукта.

Делается вывод о том, что, несмотря на способность экономики региона к восстановлению и саморегулированию, требуется «инвестиционный допинг» в размере, способном генерировать инвестиционный эффект, перекрывающий отрицательный прирост воспроизводственной капитализации. Расчет региональных мультипликаторов, применяемых при оптимизации отраслевой структуры экономики региона, позволяет учитывать уровень воздействия макроэкономического регулирования и управления на построение структурных характеристик развития экономики региона, а также помогает работать над устранением стихийного инвестирования, которое может стать причиной наличия диспропорций в структуре экономики региона. Сферы применения расчета и анализа мультипликативных эффектов: моделирование параметров и векторов развития экономики региона, определение значимости конкретных масштабных инвестиционных проектов.

Ключевые слова: инвестиции, мультипликативный эффект, регион, эффективность, воспроизводство, экономическая политика.

IDZIEVA MARYAM KAMILOVNA

graduate student FGBUN "Institute for Social and Economic Research DSC RAS",
e-mail: textima@mail.ru

THE IMPACT OF PRODUCTION AND INVESTMENT EFFECTS ON THE GROWTH OF THE GROSS REGIONAL PRODUCT

Abstract. The manuscript discusses a method of determining synergistic and multiplicative effects based on the Keynesian Theory stating that the bulk of the increase in the GDP takes place due to innovations in the product and technological spheres in order to evaluate the macroeconomic consequences of effectiveness of implementation of the economic policy in the region based on the impact of production and investment effects on the growth of the gross regional product.

A conclusion is made that despite the ability of the economy of the region to restore and self-regulate, an "investment doping" is necessary in the size capable to generate the investment effect that takes care of the negative increase in the reproductive capitalization. A calculation of the regional multipliers used to optimize the industry structure of the economy of the region allows to take into account the level of impact of the macroeconomic regulation and management on building structural characteristics of development of the economy of the region, as well as assist in working on eliminating spontaneous investing that may become the reason for having disproportions in the structure of the economy of the region. The spheres of implementing the calculation and analysis of multiplicative effects are the following: modelling of parameters and vectors of development of the economy of the region; determining the importance of specific large scale investment projects.

Keywords: investments, the multiplicative effect, a region, effectiveness, reproduction, the economic policy.

Решение задачи оценки макроэкономических последствий реализации мероприятий в сфере экономической политики лежит в области агрегации соответствующих моделей, рассматривающих экономику с различных точек зрения. Существенные преимущества в этом случае лежат на стороне динамических моделей, которые позволяют определять основные показатели экономического развития и понимать, за счет чего и как будет формироваться дальнейшее направление развития экономики [8].

Следует сказать, что использование большой динамической модели (межотраслевой) не всегда является возможным. Более того, в некоторых случаях исследователю могут быть интересны локальные вопросы. К примеру, оценка реакции экономики на увеличение выпуска продукции в одной из отраслей в условиях сохранения текущей производственной структуры. Для решения этой задачи можно использовать более простые инструменты, которые позволяют оценивать воздействие развития отдельных секторов экономики на ее общую динамику. Способ, в основе которого лежит расчет мультипликативных эффектов, оптимально подходит для этого [4].

Использование межотраслевого баланса и простейших моделей, основанных на нем, позволяет совершить переход к практическому расчету мультипликаторов. При межотраслевом анализе следует рассматривать производственные и инвестиционные мультипликаторы. Первый тип мультипликаторов — производственные — показывает величину изменения валового выпуска в экономике при увеличении объема выпуска вида деятельности, который подвергается анализу. Второй тип — инвестиционные мультипликаторы — отражает изменения выпуска в экономике в условиях роста инвестиций в основной капитал в исследуемом секторе. Следует также отметить, что мультипликатор первого типа проще для обработки полученных результатов, его воздействие состоит из трех основных компонентов, показанных на рисунке 1 [5].

Рис. 1. Компоненты производственного мультипликатора

Формирование инвестиционного мультипликатора имеет подобную схему, в которой существует только одно значимое отличие — первоначальный импульс задается ростом инвестиций в основной капитал определенного сектора [1].

При анализе эффективности отдельных видов экономической деятельности с использованием мультипликаторов могут возникнуть некоторые трудности (рис. 2).

Важным в разработке и обосновании программ и планов-стратегий по социально-экономическому развитию региона представляется вопрос об оценке эффектов на прирост ВРП и бюджетных доходов. При расчете первого цикла взаимодействий учет всех компонентов прироста конечного спроса представляет серьезные трудности — их все невозможно взять во внимание. В связи с такими трудностями при переходе от эффекта на производство к эффектам на ВРП и далее на бюджетные доходы могут быть использованы простые соотношения, которые основываются на двух параметрах: [10]

Рис. 2. Возможные трудности, возникающие при использовании мультипликаторов в анализе эффективности видов экономической деятельности.

- доле добавленной стоимости в валовом выпуске;
- доле поступлений в бюджет в конечном продукте.

Не следует также забывать и о существовании ограничений, которые могут влиять на результаты расчетов. В первую очередь, здесь выделяется фактор времени. Методология расчета мультипликатора основана на матрице межотраслевого баланса за конкретный год. То есть в расчете участвует заданная структура экономики конкретного года. Более точные оценки за долгосрочный временной отрезок основаны на гипотезе об изменении структуры затрат, технологической структуры инвестиций и т. д. Следовательно, исходя из того, что изменения технологической структуры влекут за собой изменения экономической динамики, данный случай требует разработки комплексного (здесь можно говорить и о сценарном) макроэкономического прогноза для получения более точных оценок. Расчеты мультипликативных эффектов в данном случае будут являться обобщенной оценкой возможного влияния на экономическую сферу тех или иных решений [4].

Трансформация уровня издержек в изучаемом виде деятельности не может воздействовать на результаты расчета мультипликативного эффекта. В этом случае положительное влияние повышения уровня эффективности производства воздействует непосредственно на три параметра:

- прибыль;
- величину издержек;
- доступный финансовый ресурс.

При этом снижение уровня затрат дает толчок к уменьшению мультипликатора. Следовательно, при формальном уменьшении мультипликатора мультипликативный эффект может расти из-за большего роста объемов инвестиций и производства.

Логичным будет предположение, что величина мультипликативного эффекта находится под воздействием и структуры затрат, и потребления продукции. Поэтому более высокий уровень затрат на потребление продукции изучаемого вида деятельности другими экономическими секторами также может превышать уровень общего мультипликативного эффекта (снижение уровня затрат его уменьшает). Но здесь нужно помнить о том, что при расчетах простой модели мультипликатора оценка таких эффектов потребует разработки более сложных сценариев и может стать причиной существенного осложнения процедуры расчетов [9].

Обособленно стоит вопрос о соотношении расчетов двух уровней: макроэкономического и уровня отдельных инвестиционных проектов. В межотраслевом балансе отрасли имеют вид единого агрегата с общей структурой затрат. Если же говорить об оценке конкретных решений, которые имеют воздействие только на некоторые компании данной отрасли (особенно это актуально при оценке конкретного инвестиционного проекта), то здесь результаты расче-

тов будут отражением эффективности реализации указанного проекта в сфере среднеотраслевых параметров затрат. Для нивелирования данной проблемы расчеты могут быть модифицированы на основе экзогенного задания в межотраслевом балансе структуры затрат, которая близка к затратам производства компании или к вводимым в действие единицам производства.

Подобные тенденции наблюдаются и в структуре инвестиций в основной капитал. В случае реализации масштабного проекта пропорции технологической структуры инвестиций могут значительно отличаться от среднеотраслевых пропорций и влиять на итоговые результаты [13].

Также нельзя забывать при оценке мультипликативных эффектов о том, что инвестиционные ресурсы в экономической сфере носят конечный характер. При ограничении инвестиционного ресурса финансирование проектов может проходить и со снижением объема финансовых вложений в другие проекты. Очевидным является и тот факт, что воздействие инвестирования на региональную политику зависит только от конкретного региона. К примеру, в депрессивном регионе строительство крупного предприятия может стать основой для значительно большего эффекта, чем эффект для всей российской экономики. Проведение подобных расчетов требует использования региональных межотраслевых балансов или специально разработанных методик перехода такого вида: эффекты на уровне экономики всей страны — расчеты на уровне региона [7].

Хочется отметить, что на сегодняшний день идея мультипликативных эффектов носит дискуссионный характер как в методическом обеспечении, так и в использовании информационной базы. Поэтому в рамках этого исследования мы рассматриваем сам факт мультипликативного эффекта, объективные причины возникновения и его учет при моделировании параметров и векторов развития экономики региона. Исходя из этого мы провели тестирование алгоритма формирования региональных мультипликаторов, применяемых при оптимизации отраслевой структуры экономики региона, которая базируется на региональном межотраслевом балансе производства и распределения продукции. Тестирование проводилось с использованием описанной в специализированной литературе методике определения синергетических и мультипликативных эффектов [10], которая основана на кейнсианской теории, утверждающей, что основной прирост ВВП происходит в результате инноваций в продуктовой и технологической сферах. Продуктовые инновации влияют на расширение рынка и повышают уровень конкурентоспособности. Технологические инновации отвечают за снижение издержек, что, в свою очередь, влечет за собой увеличение объема производства при наличии того же объема ресурсов. Уровень инвестирования существенно влияет на объемы национального производства. Инвестиции являются маркером процесса расширенного производства в масштабах национальной экономики [3].

Таким образом, расчет региональных мультипликаторов, применяемых при оптимизации отраслевой структуры экономики региона:

- дает возможность быстро определять внутренние «силы» и слабые места экономики региона, а также обнаруживать ее скрытые резервы;
- позволяет учитывать уровень воздействия макроэкономического регулирования и управления на построение структурных характеристик развития экономики региона;
- позволяет гарантировать обоснованность и надежность сценариев развития экономики и параметров, которые характеризуют это развитие;
- помогает работать над устранением стихийного инвестирования, которое может стать причиной наличия диспропорций в структуре экономики региона [15].

Сферы применения расчета и анализа мультипликативных эффектов:

- экспертные оценки при взаимодействии бизнеса и региональной власти;
- моделирование параметров и векторов развития экономики региона;
- определение значимости конкретных масштабных инвестиционных проектов.

Оценки возможного экономического эффекта от реализации инвестиционного проекта могут быть использованы при принятии решений об объемах финансовой/административной поддержки региональной власти.

Литература

1. Абдулаев Ш. О., Садыкова А. М. Инновационное развитие субъектов РФ как основа формирования производительных сил // *Вопросы структуризации экономики*. — 2013. — № 4. С. 51–53.
2. Абдулаев Ш. О., Садыкова А. М. Об экономической и производственной специализации субъектов Российской Федерации (на примере Республики Дагестан) // *Региональные проблемы преобразования экономики*. — 2013. — № 3 (37). С. 91–94.
3. Арсланов Ш. Д., Арсланова Х. Д., Рабаданова А. А., Идзиев Г. И. К вопросу развития инвестиционной политики в Республике Дагестан // *Вопросы структуризации экономики*. — 2013. — № 4. С. 48–49.
4. Арсланов Ш. Д., Арсланова Х. Д., Рабаданова А. А., Идзиев Г. И. Политика модернизации промышленности Республики Дагестан // *Вопросы структуризации экономики*. — 2013. — № 4. С. 43–47.
5. Ахмедова Л. Ш., Идзиев Г. И. Устойчивое развитие территории с учетом интересов различных целевых групп // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. — 2012. — № 36. С. 28–32.
6. Ахмедова Л. Ш., Идзиев Г. И. Энергетический потенциал устойчивого развития региона // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. — 2012. — № 42. С. 15–22.
7. Багомедов М. А. Методологические подходы к анализу ресурсного потенциала экономики отстающих регионов // *Вопросы структуризации экономики*. — 2011. — № 2. С. 4–14.
8. Дохолян С. В., Петросянц В. З., Садыкова А. Особенности структурных преобразований в трансформационной экономике // *Вопросы структуризации экономики*. — 2008. — № 1. С. 36–43.
9. Зуев В. Е. Факторы экономического развития и структурные реформы в России // *Вопросы экономики*. — 2013. — № 5. С. 56–72.
10. Идзиев Г. И. Инновационная модернизация и новые требования к промышленной политике регионального уровня // *Региональные проблемы преобразования экономики*. — 2014. — № 3 (41). С. 62–66.
11. Идзиев Г. И. Институты модернизации региональной экономики // *Региональная экономика: теория и практика*. — 2014. — № 41 (368). С. 10–17.
12. Идзиев Г. И. Модернизация промышленности региона с позиции системного подхода // *Экономический анализ: теория и практика*. — 2013. — № 10 (313). С. 63–68.
13. Идзиев Г. И. Синергетический подход к анализу инновационного фактора экономического роста // *Вопросы структуризации экономики*. — 2011. — № 3. С. 19–25.
14. Корнейчук Б. В. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // *Вопросы экономики*. — 2014. — № 3. С. 141–149.
15. Макаров Ю. Н., Хрусталева Е. Ю. Механизмы реструктуризации наукоемких производств (на примере ракетно-космической промышленности) // *Экономика и математические методы*. — 2010. — Т. 46. — № 3. С. 31–42.
16. Молчан А. С., Полиди А. А., Кабанова Н. И. Мультипликативный эффект капитализации финансово-экономического потенциала региональных социально-экономических систем: расчет и практическое применение // *Политэкономический сетевой научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. — Краснодар: КубГАУ. — 2013. — № 07(091). С. 1286–1301.
17. Петросянц В. З., Дохолян С. В. Прогнозные оценки и сценарные варианты регионального развития // *Региональная экономика: теория и практика*. — 2011. — № 27. С. 2–10.
18. Рудцкая Е. Р., Хрусталева Е. Ю. Интеграционная методология инновационного развития наукоемких производств // *Инновации*. — 2008. — № 8. С. 83–90.
19. Хрусталева Е. Ю., Славянов А. С. Проблемы формирования инвестиционной стратегии инновационно-ориентированного экономического роста // *Проблемы прогнозирования*. — 2011. — № 3. С. 19–30.

References:

1. Abdulaev Sh. O., Sadykova A. M. Innovative development of RF subjects as the basis for the formation of the productive forces structuring // *Questions of structuring the economy*. 2013. No. 4. P. 51–53.
2. Abdulaev Sh. O., Sadykova A. M. On economic and industrial specialization of subjects of the Russian Federation (on the Republic Dagestan example) // *Regional problems of economic transformation*. 2013. No. 3 (37). P. 91–94.
3. Arslanov Sh. D., Arslanova H. D., Rabadanova A. A., Idziev G. I. On the issue of investment policy in the Republic of Dagestan // *Questions structuring of the economy*. 2013. No. 4. P. 48–49.
4. Arslanov Sh. D., Arslanova H. D., Rabadanova A. A., Idziev G. I. Industrial upgrading policy of the Republic of Dagestan // *Questions structuring of the economy*. 2013. No. 4. P. 43–47.
5. Akhmedova L. S., Idziev G. I. Sustainable development of the territory, taking into account the interests of different target groups // *Financial analytics: problems and solutions*. 2012. No. 36. P. 28–32.
6. Akhmedova L. S., Idziev G. I. The energy potential of the region's sustainable development // *National interests: priorities and security*. 2012. No. 42. P. 15–22.
7. Bagomedov M. A. Methodological approaches to the analysis of the resource potential of the economy lagging regions // *Questions structuring of the economy*. 2011. No. 2. P. 4–14.
8. Dokholyan S. V., Petrosyants V. Z., Sadykova A. Features of structural change in the transformational economy // *Questions structuring of the economy*. 2008. No. 1. P. 36–43.
9. Zuev V. E. Factors of economic development and structural reform in Russia // *Questions of economy*. 2013. No. 5. P. 56–72.
10. Idziev G. I. Innovative modernization and new requirements for industrial policy at the regional level // *Regional problems of economic transformation*. 2014. No. 3 (41). P. 62–66.
11. Idziev G. I. The institutions of the regional economy modernization // *Regional economy: theory and practice*. 2014. No. 41 (368). P. 10–17.
12. Idziev G. I. Modernization of regional industry with a systematic approach position // *The economic analy-*

sis: *theory and practice*. 2013. No. 10 (313). P. 63–68.

13. Idziev G. I. *Synergetic approach to the analysis of the innovation factor of economic growth // Questions structuring of the economy*. 2011. No. 3. P. 19–25.

14. Korniychuk B. V. *The theoretical and ideological foundations of the doctrine of «new industrialization» // Problems of economics*. 2014. No. 3. P. 141–149.

15. Khrustalev E. Y., Slavyanov A. S. *Problems of formation of investment strategy of innovation-based economic growth // Problems of Forecasting*, 2011. No. 3. P. 19–30.

16. Makarov Y. N., Khrustalev E. Y. *Mechanisms of restructuring knowledge-intensive industries (for example, aerospace industry) // Economics and Mathematical Methods*. 2010. T. 46. No. 3. P. 31–42.

17. Molchan A. S., Polidi A. A., Kabanov N. I. *The multiplicative effect of the capitalization of the financial and economic capacity of the regional socio-economic systems: the calculation and practical application of multi-disciplinary network // scientific journal of the Kuban State Agrarian University. Krasnodar: KubGAU*, 2013. No. 07 (091). P. 1286–1301.

18. Petrosyants V. Z., Dokholyan S. V. *The forward-looking estimates and scenarios for regional development // Regional economy: theory and practice*. 2011. No. 27. P. 2–10.

19. Rudtskaya E. R., Khrustalev E. Y. *The integration of innovative development methodology knowledge-intensive industries // Innovations*. 2008. No. 8. P. 83–90.

ПОЛИЩУК ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА

к.э.н., доцент, доцент кафедры «Менеджмент предпринимательской деятельности»
Института экономики и управления (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», e-mail: pea.znu@mail.ru

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Аннотация. Исследование посвящено выделению приоритетных направлений оптимального регулирования рынка труда молодёжи Республики Крым в составе Российской Федерации: обеспечение реального сектора экономики молодой рабочей силой, необходимой для стабильного социально-экономического развития республики; осуществление мероприятий, способствующих занятости молодёжи отдельных возрастных групп, испытывающих трудности в поиске работы; совершенствование профессиональной образовательной траектории молодёжи, в частности обучающихся образовательных организаций, в современных условиях развития республики с учётом основных потребностей реального сектора экономики; стратегическое партнёрство основных субъектов рынка труда; совершенствование системы мониторинга ситуации и детального моделирования процессов по разработке и реализации кадровых потребностей на рынке труда. Реализация перечисленных мероприятий позволит создать условия для достижения главной цели, заключающейся в обеспечении эффективной занятости на рынке труда, повысить уровень трудового потенциала, конкурентоспособности и благосостояния молодёжи среди трудоспособного населения, а в целом — обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие Крымского региона.

Ключевые слова: рынок труда, регулирование, государственные программы, молодёжь, трудоустройство, самозанятость, временные работы, адаптация.

POLISHCHUK ELENA ANATOLIEVNA

Ph.D., associate professor, assistant professor of "Management of business" of the Institute of Economics and Management (a division) FGAOU VO "Crimean Federal University named after VI Vernadsky ", e-mail: pea.znu@mail.ru

THE PRIORITY AREAS OF FOCUS OF REGULATION OF THE LABOR MARKET OF YOUTH IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Abstract. The study is devoted to distinguishing the priority areas of focus of optimal regulation of the labor market of the Republic of Crimea as part of the Russian Federation: providing the real sector of economy with young workforce necessary for sustainable social-economic development of the republic; performing arrangements promoting employment of youth of specific age groups that suffer difficulties when searching for work; improvement of professional educational trajectory of the young, particularly of students of educational institutions in the modern conditions of development of the Republic taking into account the main needs of the real sector of the economy; a strategic partnership of the main subjects of the labor market; improving the system of monitoring of the situation and a detailed modelling of processes of development and implementation of human resource needs in the labor market. Implementation of the listed arrangements will allow to create conditions to achieve the main goal that is in providing effective employment in the labor market, improve the level of labor potential, competitive ability and welfare of the young among the population able to work, and overall to create sustainable social-economic development of the Crimean region.

Keywords: the labor market, regulation, state programs, the youth, employment, self-employment, temporary work, adaptation.

Существенные изменения, происходящие с марта 2014 г. в Крыму, определили необходимость формирования новых подходов к организации системы приоритетных направлений оптимального регулирования рынка труда, в т. ч. молодёжи всех возрастных групп, в составе Российской Федерации для устранения существующих диспропорций и обеспечения эффективной занятости населения.

Разработка и утверждение федеральной программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 г.» [1] поспособствовали принятию более двадцати первоочередных государственных программ на среднесрочный период (2015–2017 гг.), большинство из которых [2–7] внесли вклад в формирование современной политики в сфере социально-трудовых отношений.

Исполнение утверждённых постановлением Совета министров Республики Крым государственных программ и регламентов, представляющих комплекс организационных, социальных и экономических действий, направленных на обеспечение государственных гарантий в области повышения занятости молодёжи, предполагает существенные изменения в секторе реальной экономики, а следовательно, и на рынке труда молодёжи, обладающей значительным трудовым потенциалом, используемым ею не в полной мере.

Выбор приоритетных направлений реализации региональной политики занятости предполагает необходимость определения основных задач, непосредственно влияющих на экономическую активность молодёжи на рынке труда Республики Крым (рис. 1).

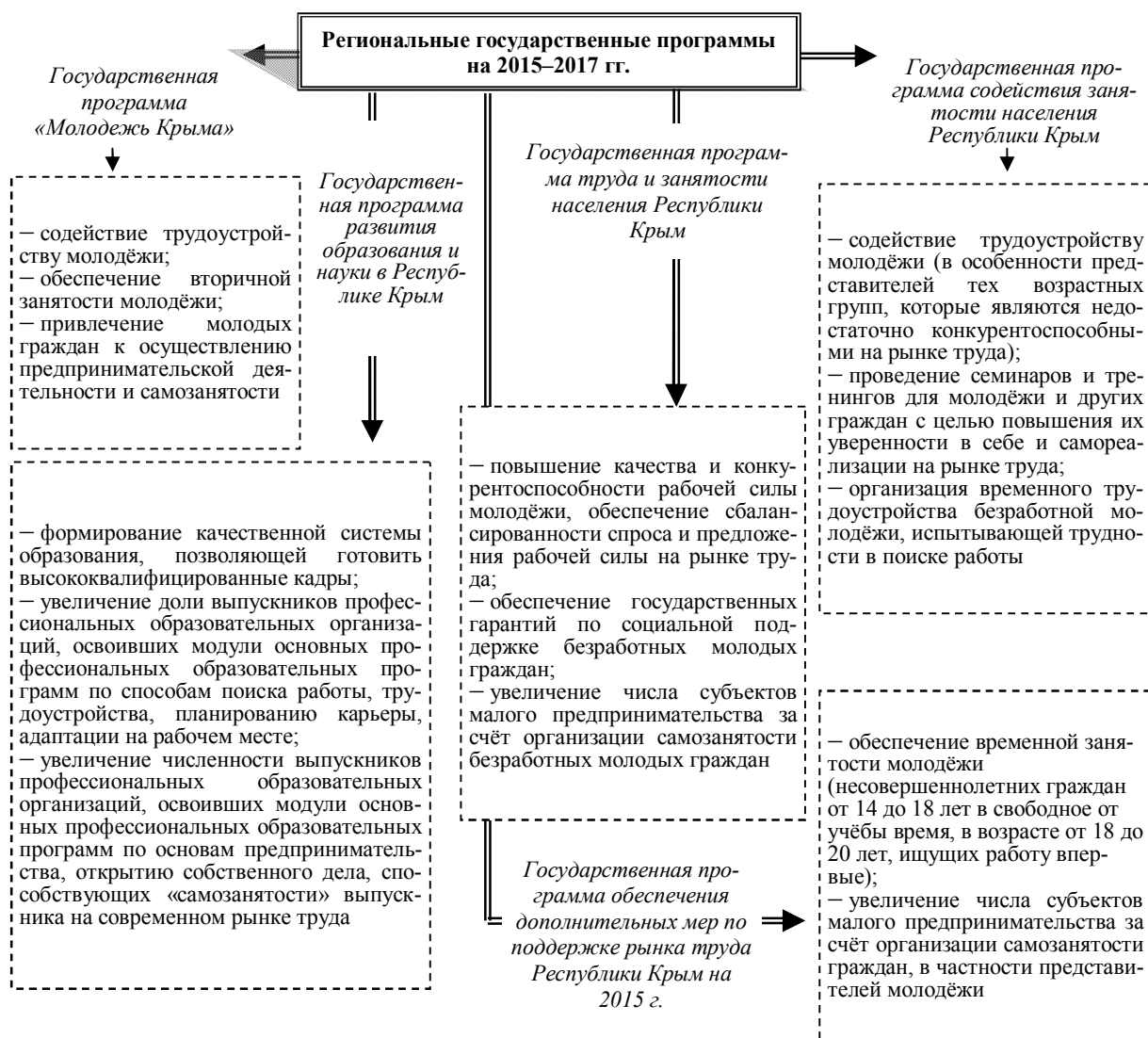

Рис. 1. Основные задачи среднесрочных государственных программ, непосредственно влияющих на экономическую активность молодёжи на рынке труда Республики Крым [2-4, 6, 7]

Выделенные задачи могут быть реализованы за счёт осуществления активной государственной политики в области содействия занятости молодёжи, направленной на содействие улучшению ситуации на региональном рынке труда, повышение качества и доступности оказываемых государственных услуг в сфере содействия занятости населения; повышение качества и конкурентоспособности рабочей силы молодёжи, обеспечение сбалансированности спроса и предложения рабочей силы на рынке труда; обеспечение государственных гарантий по социальной поддержке безработных граждан и т. п.

В этой связи необходима реализация основных приоритетных направлений, сконцентрированных на поддержании и стимулировании процессов, происходящих на рынке труда молодёжи:

- обеспечение реального сектора экономики молодой рабочей силой, необходимой для устойчивого социально-экономического развития республики;

- осуществление мероприятий, способствующих занятости молодёжи отдельных возрастных групп, испытывающих трудности в поиске работы;

- совершенствование профессиональной образовательной траектории молодёжи, в частности выпускников образовательных организаций, в современных условиях развития республики с учётом основных потребностей реального сектора экономики;

- стратегическое партнёрство основных субъектов (органы региональной власти, работодатели, образовательные организации) рынка труда;

- совершенствование системы мониторинга и детального моделирования процессов по разработке и реализации кадровых потребностей на рынке труда и др.

Основные мероприятия, необходимые для достижения выделенных приоритетных направлений, представлены ниже:

1. Обеспечение реального сектора экономики молодой рабочей силой, необходимой для стабильного социально-экономического развития республики.

Для реализации данного направления необходимо, во-первых, совершенствование действующего законодательства в области соблюдения прав и государственных гарантий граждан, в особенности молодёжи, в сфере труда и занятости (внесение необходимых изменений), по причине того, что, имеющаяся законодательная база не всегда адекватна процессам, происходящим на рынке труда.

Во-вторых, повысить уровень демографического потенциала экономики республики, зависящего от эффективного социально-экономического развития: стабильный экономический рост, рост уровня жизни населения, эффективная социальная инфраструктура, гибкий рынок труда и т.п.

В настоящее время в Крыму наблюдается демографический спад, следствием которого является:

- сокращение численности экономически активного населения и его старение: экономически активное население региона (15–72 года) составляет 1418824 человек (74,8% от общей численности населения республики), из которого 24% населения составляют молодые люди, в то время как граждане республики возрастом 50–72 года составляют 39% (544674 человек) [8];

- низкая рождаемость (современные параметры рождаемости в регионе значительно меньше в сравнении с необходимыми для простого замещения), основные причины которой заключаются в следующем: переход семей, в частности молодых, на малодетность; жилищные проблемы, которые испытывает молодёжь, невысокий уровень оплаты труда, в особенности у молодых специалистов; ухудшение репродуктивного здоровья населения, в частности молодых женщин и др. [9];

- особенности миграционных процессов, влекущие за собой как положительные, так и отрицательные последствия для развития региона. Несмотря на то что в настоящее время наблюдается положительный миграционный прирост молодёжи (5347 чел.), проблемной данная ситуация считается по причине выезда молодых крымчан, обладающих высоким уровнем интеллектуального капитала, не планирующих обратного возвращения, с целью продолжения образования или поступления в ведущие образовательные организации, расположенные в крупных городах материковой России, трудоустройства в российские организации (предприятия), нуждающиеся в высококвалифицированной молодой рабочей силе, для достойного применения

своих способностей, улучшения качества жизни и т. п. [10].

В-третьих, повысить уровень мобильности рабочей силы молодёжи на рынке труда региона, позволяющий снизить территориальный дисбаланс спроса и предложения с помощью реализации мероприятий по перераспределению рабочей силы молодёжи, например, поддержка молодых специалистов, занятых в сельской местности, по основным видам экономической деятельности и регионам республики с учётом структурных сдвигов, происходящих в реальном секторе экономики Республики Крым.

В-четвертых, развитие малого и среднего предпринимательства, осуществляющего инновационную деятельность и снижающего зависимость занятости населения, в т. ч. молодых специалистов, от экономически нестабильных организаций (предприятий), уменьшающего риск молодёжной безработицы за счёт создания новых рабочих мест; стимулирование самозанятости молодых граждан, в первую очередь, за счёт вовлечения их в предпринимательскую деятельность, и создание ими дополнительных рабочих мест.

В-пятых, повышение качества действующих рабочих мест за счёт увеличения оплаты труда квалифицированной молодёжной рабочей силы и улучшения условий труда (безопасность и комфортность), в т. ч. для работников малых организаций.

В-шестых, сокращение уровня неформальной молодёжной занятости за счёт реализации комплекса мероприятий, направленных на стимулирование заинтересованности работодателей в официальном приёме на работу молодых специалистов и выплате легальной заработной платы.

В-седьмых, повышение уровня информированности молодых граждан, находящихся в поиске первичного рабочего места, о ситуации на рынке труда и в сфере социально-трудовых отношений, например, разъяснение алгоритма работы с общероссийской базой вакансий «Работа в России»; создание единого информационного пространства регионального рынка труда, позволяющего работодателям и представителям молодёжи получать своевременную и достоверную информацию о спросе и предложении на рынке труда республики.

2. Осуществление мероприятий, способствующих занятости молодёжи отдельных возрастных групп, испытывающих трудности в поиске работы.

Одним из приоритетных направлений в реализации такого рода мероприятий в Российской Федерации являются:

– организация временных рабочих мест для трудоустройства безработной молодёжи, зарегистрированной в установленном порядке. Данная государственная услуга предоставляется территориальными центрами занятости населения несовершеннолетним гражданам в возрасте от 14 до 18 лет, зарегистрированным в целях поиска подходящей работы, а также гражданам в возрасте от 18 до 20 лет из числа выпускников образовательных организаций начального и среднего профессионального образования, ищущих работу впервые [5];

– содействие организации оплачиваемых общественных работ, в т. ч. сезонных, в качестве дополнительной социальной поддержки молодых граждан (дополнительный источник дохода, сохранение мотивации к труду и т. п.), находящихся в поиске работы. В ряде случаев временное рабочее место становится постоянным для представителей молодёжи, хорошо зарекомендовавших себя за время участия в таких видах работ. В настоящее время к наиболее распространённым видам оплачиваемых общественных работ в Крымском регионе относят: проведение сельскохозяйственных работ; заготовка, переработка и хранение сельскохозяйственной продукции, строительство автомобильных дорог, их ремонт и содержание; уход за престарелыми, больными и инвалидами; озеленение и благоустройство территорий, зон отдыха и туризма и другие виды трудовой деятельности [5].

3. Совершенствование профессиональной образовательной траектории молодёжи, в частности, обучающихся образовательных организаций, в современных условиях развития республики с учётом основных потребностей реального сектора экономики.

Для реализации данного направления необходимо: во-первых, развивать систему профессиональной ориентации молодёжи, в частности, школьников, в целях выбора сферы трудовой деятельности по направлениям подготовки и специальностям, востребованным на региональном рынке труда, в особенности дефицитных рабочих специальностей; во-вторых, развитие сотрудничества основных социальных институтов (рынок труда и рынок образования) по во-

просам организации целевого и опережающего профессионального обучения молодых специалистов: использование в процессе обучения современных инновационных технологий и методик, гибких форм обучения, позволяющих оптимизировать сроки, стоимость и качество обучения.

Формирование современного портрета молодёжи Республики Крым в условиях интеграции невозможно без тесного взаимодействия данных институтов, преследующих одну из важных социально-экономических целей, выражающуюся в увеличении благосостояния каждого члена общества, через удовлетворение личных потребностей, реализации образовательной услуги и эффективного трудоустройства (рис. 2).

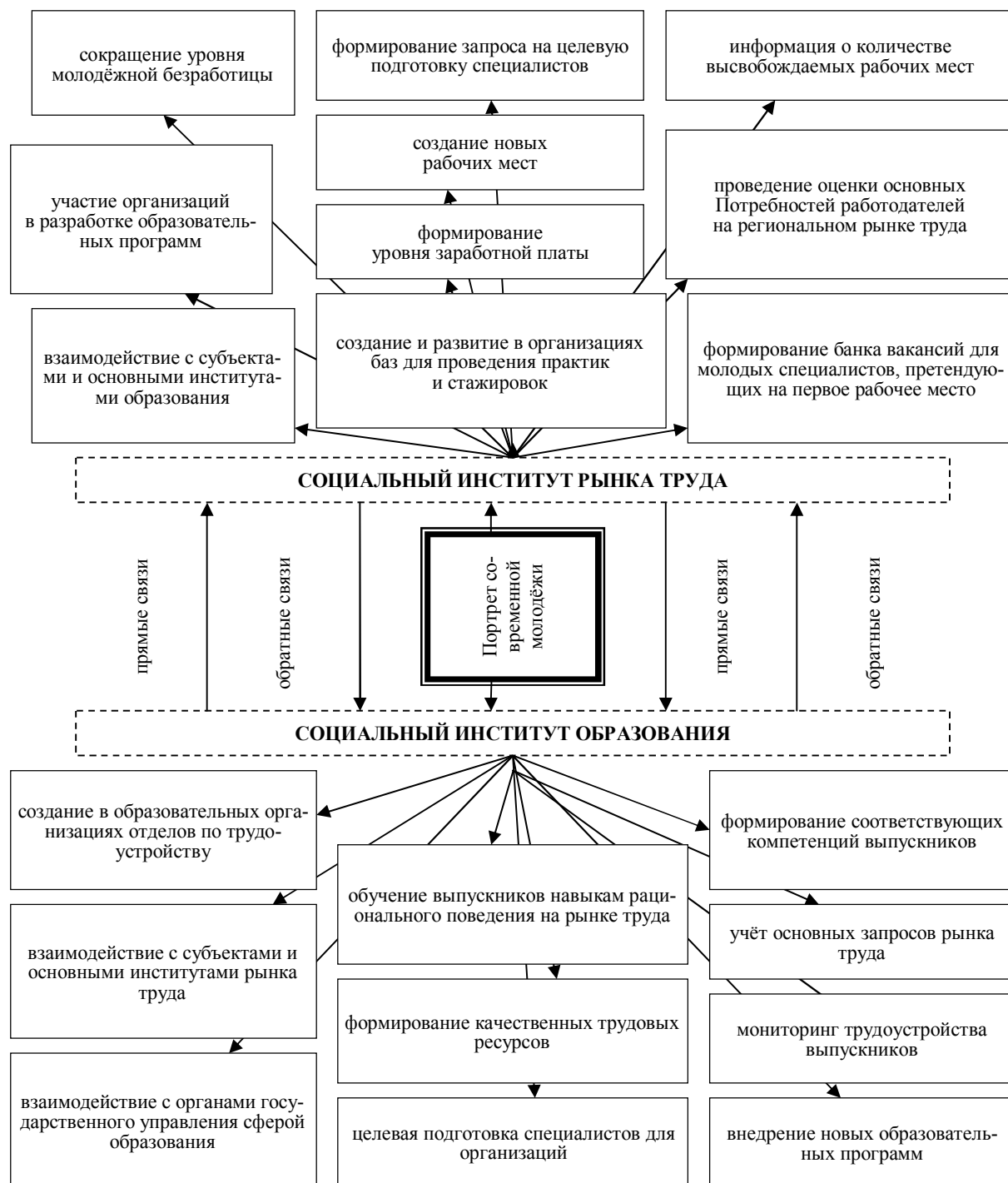

Рис. 2. Модель взаимодействия социальных институтов образования и рынка труда, влияющих на формирование современного портрета молодёжи Республики Крым

Согласно предложенной модели, между анализируемыми социальными институтами в процессе взаимодействия и формирования портрета молодёжи должны быть установлены как прямые, так и обратные связи:

– институту образования в своём формировании и развитии необходимо готовить востребованных институтом рынка труда специалистов по качественным образовательным программам, учитывать спрос на квалификационный состав рабочей силы, предъявляемый со стороны института рынка труда, активно влиять на него посредством формирования предложения подготовленной рабочей силы;

– при этом институту рынка труда необходимо предоставлять вовремя институту образования необходимую информацию об условиях труда, свободных вакансиях, совокупном спросе на подготовленных специалистов, создании новых и количестве высвобождаемых рабочих мест в регионе и т. д.

4. Стратегическое партнёрство основных субъектов (органы региональной власти, работодатели, образовательные организации) рынка труда, результаты которого будут заключаться в целевой подготовке обучающихся; повышении уровня адаптации молодёжи на рынке труда; организации стажировок, общественных и временных работ, предоставляющих возможность молодёжи наработать практический стаж работы и повысить уровень конкурентоспособности на региональном рынке труда и т. п. [11, с. 122].

5. Совершенствование системы мониторинга ситуации и детального моделирования процессов по разработке и реализации кадровых потребностей на рынке труда.

Для изучения, прогнозирования структуры и динамики основных индикаторов (уровень экономической активности, уровень занятости, уровень безработицы, коэффициент напряжённости, миграционная нагрузка и др.), профессиональных мотиваций населения, поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов с учётом приоритетных направлений развития региона необходимо совершенствование системы мониторинга по установленным российским нормам с применением обратной связи как с институтом образования (удовлетворение основных потребностей рынка труда), так и с институтом рынка труда (удовлетворённость уровнем подготовки выпускников, освоения ими профессиональных компетенций; количественная потребность в кадрах с учётом основных видов деятельности).

Помимо мониторинга в современных условиях развития регионального рынка труда крайне необходимо детальное моделирование процессов по разработке и реализации кадровых потребностей, являющееся оптимальным средством, позволяющим выявлять и минимизировать потенциальные группы рисков, достоверно оценивать не только отдельно взятый процесс, но их совокупность, определять текущие проблемы и предвидеть будущие, а также обеспечивать поиск оптимальных способов для эффективного развития рынка труда в новых экономических условиях.

Реализация перечисленных приоритетных направлений позволит создать условия для достижения основной цели, заключающейся в обеспечении эффективной занятости на рынке труда, повысить уровень трудовой потенциала, конкурентоспособности и благосостояния молодёжи среди трудоспособного населения как результат учёта всех рассмотренных составных, воздействующих друг на друга, а в целом — обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие республики.

Литература

1. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 г.»» от 11 августа 2014 г. № 790. — URL : <http://government.ru/media/files/41d4fa3a896280aaadfa.pdf> (дата обращения: 10.09.2014).
2. Государственная программа содействия занятости населения Республики Крым на 2015–2017 гг. [Электронный ресурс] : утв. Постановлением Совета министров Республики Крым от 23.12.2014 г. № 541. — URL : www.rk.gov.ru (дата обращения: 05.01.2015).
3. Государственная программа Республики Крым «Молодёжь Крыма» на 2015–2017 гг. : утв. Постановлением Совета министров Республики Крым от 30.12.2014 г. № 653. — URL : www.rk.gov.ru (дата обращения: 15.01.2015).
4. Государственная программа развития образования и науки в Республике Крым на 2015–2017 гг. : утв. Постановлением Совета министров Республики Крым от 30.12.2014 г. № 651. — URL : www.rk.gov.ru (дата обращения: 15.01.2015).

5. *Административный регламент предоставления государственной услуги по организации временного трудоустройства несовершеннолетних граждан* : утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты Республики Крым от 06.02.2015 г. № 30. — URL : www.mtrud.rk.gov.ru (дата обращения: 17.03.2015).
6. *Государственная программа обеспечения дополнительных мер по поддержке рынка труда Республики Крым на 2015 г.* : утв. Постановлением Совета министров Республики Крым от 31.03.2015 г. № 173. — URL : www.rk.gov.ru (дата обращения: 15.05.2015).
7. *Государственная программа труда и занятости населения Республики Крым на 2015–2017 гг.* : утв. Постановлением Совета министров Республики Крым от 23.12.2015 г. № 836. — URL : www.rk.gov.ru (дата обращения: 02.02.2016).
8. *Численность и состав рабочей силы в возрасте 15–72 лет по Республике Крым в 2015 г.* — URL : crimea.gks.ru (дата обращения: 24.04.2016).
9. *Концепция демографического развития Республики Крым на период до 2025 г.* — URL : www.rk.gov.ru (дата обращения: 16.05.2016).
10. *Общие итоги миграции в Республике Крым в 2015–2016 гг.* — URL : crimea.gks.ru (дата обращения: 20.07.2016).
11. Полищук, Е. А. Анализ динамики факторов, влияющих на уровень занятости молодежи в Республике Крым // Теория и практика экономики и предпринимательства. 2016. С. 120–126.

References:

1. RF Government Resolution «On approval of the federal target program “Social and economic development Republic of Crimea and Sevastopol till 2020”» (August 11, 2014, № 790) — URL : <http://government.ru/media/files/41d4fa3a896280aaadfa.pdf> (available on-line 10.09.2014).
2. *State program to promote employment of the Republic of Crimea population in 2015–2017 years* (December 23, 2014, №541). — URL : www.rk.gov.ru (available on-line 05.01.2015).
3. *State program of Republic of Crimea «Crimean youth» in 2015–2017* (December 30, 2014, № 653). — URL : www.rk.gov.ru (available on-line 15.01.2015).
4. *State Program for Development of Education and Science in the Republic of Crimea in 2015–2017 years* (December 30, 2014, № 651). — URL : www.rk.gov.ru (available on-line 15.01.2015).
5. *Administrative regulations of the state service in organizing temporary employment for minors* (February 2, 2015, № 30). — URL : www.mtrud.rk.gov.ru (available on-line 17.03.2015).
6. *State program to provide additional measures for the support of the labor market of Republic of Crimea in 2015* (March 13, 2015, № 173). — URL : www.rk.gov.ru (available on-line 15.05.2015).
7. *State Labour and Employment Programme of the Republic of Crimea population in 2015–2017 years* (December 23, 2015, № 836). — URL : www.rk.gov.ru (available on-line 02.02.2016).
8. *The size and composition of the labor force aged 15–72 years in the Republic of Crimea in 2015.* — URL : crimea.gks.ru (Available on-line 24.04.2016).
9. *The concept of demographic development of the Republic of Crimea for the period until 2025.* — URL : www.rk.gov.ru (Available on-line 20.07.2016).
10. *The overall results of the migration in the Republic of Crimea in 2015–2016.* — URL : crimea.gks.ru (Available on-line 20.07.2016).
11. Polishchuk, Ye. A. *An analysis of the dynamics of the factors affecting the level of youth employment in the Republic of Crimea* // Theory and practice of economics and entrepreneurship. 2016. P. 120–126.

ШАХБАНОВА МАДИНА МАГОМЕДКАМИЛОВНА

д.соц.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН
«Институт истории, археологии и этнографии» ДНЦ РАН, e-mail: madina2405@mail.ru

АБДУЛАГАТОВ ЗАИД МАГОМЕДОВИЧ

к.фил.н., заведующий Отделом социологии ФГБУН
«Институт истории, археологии и этнографии» ДНЦ РАН, e-mail: zaid48@mail.ru

ТИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ: СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА

Аннотация. В статье рассматривается проявление типов социальной идентичности в массовом сознании дагестанских народов. По результатам социологических исследований сделан вывод о доминировании республиканского типа социальной идентичности, при одновременном укреплении пассивных и деструктивных форм этнической идентичности в виде гипо- и гиперидентичности. Превалирование одного из типов социальной идентичности в массовом сознании сопровождается, с одной стороны, усилением соперничества между ними, с другой, отождествлением разных типов. Наше исследование показывает, что для каждого типа социальной идентичности характерна своя ценностно-символическая система их воспроизводства. Индикаторами этнической идентичности выступают «национальный язык», «национальные традиции, обычаи», «религия», «совместная жизнь на определённой территории», «историческая территория моего народа», «историческое прошлое», «общность характера, схожесть поведения», республиканской идентичности — «длительность совместного проживания на одной территории», «общая история всех дагестанских народов», «схожесть традиций, обычаев, национальной культуры», «историческая память всех дагестанских народов» «национальный характер, национальная психология» «религия», российской идентичности — «общее государство», «ответственность за страну», «родная земля, общая территория проживания», «русский язык — как язык межнационального общения», «общее историческое прошлое, историческая память», «единая правовая система». В ходе проведённого исследования установлено, что религия не является важным этноинтегрирующим и этнодифференцирующим показателем, однако её важность в процессах формирования этнической идентичности довольно значительна. Поэтому наряду с индикаторами воспроизводства этнической идентичности религиозная само-идентификация является неизменным элементом построения этнической идентичности и играет важную роль в процессах формирования этногрупповой солидарности.

Ключевые слова: этническая, религиозная, республиканская, государственно-гражданская идентичность, типы социальной идентичности, дагестанские народы.

SHAKHBANOVA MADINA MAGOMEDKAMILOVNA

d.sots.n., leading researcher FGBUN "Institute of History, Archaeology and Ethnography" DSC RAS,
e-mail: madina2405@mail.ru

ABDULAGATOV ZAID MAGOMEDOVICH

PhD on Philology Sciences, Head of the Department of Sociology FGBUN "Institute of History,
Archaeology and Ethnography" DSC RAS, e-mail: zaid48@mail.ru

TYPES OF SOCIAL IDENTITY IN THE MASS CONSCIENCE OF DAGESTAN NATIONS: THE STATE AND DYNAMICS

Abstract. The manuscript discusses the manifestation of types of social identity in the mass conscience of the Dagestan nations. Based on the results of sociological studies, a conclusion has been made about the domination of the republican type of social identity with a simultaneous strengthening of passive and destructive forms of ethnic identity in the form of hypo- and hyper-

identity. The prevalence of one type of social identity in the mass conscience is accompanied by, on the one hand, strengthening the rivalry between them, and, on the other hand, with matching of different types of identity. Our study shows that a separate value-symbolic system of reproduction is characteristic for each type of social identity. Indicators of ethnic identity are "the national language", "national traditions, customs", "religion", "common living on a certain territory", "the historical territory of my nation", "the historical past", "common character, similar behaviour", the republican identity of "long-term common living on the same territory", "common history of all Dagestan nations", "similarity of traditions, customs, national culture", "the historical memory of all nations living in Dagestan", "the national character, national psychology", "the religion", the Russian identity with the "common state", "responsibility for the country", "the native land, common territory of living", "the Russian language as the language of international communication", "common historical past, historical memory", "one legislative system". It has been established in the study performed that religion is not an important ethno-integrating and ethno-differentiating indicator, however, its importance in the processes of forming ethnic identity is quite significant. Therefore, together with the indicators of reproduction of ethnic identity, religious self-identification is a constant element of building an ethnic identity, and plays an important role in the processes of forming ethnic group solidarity.

Keywords: *ethnic, religious, republican, state-civil identity, types of social identity, Dagestan nations.*

В современных обществах механизмы формирования межэтнического согласия во многом опираются на политику идентичности и процессы управления ею, поэтому феномен идентичности граждан привлекает внимание исследователей, поскольку в ней отражается состояние общества, его интегрированность и направление консолидации, а также ценностные ориентации. Идентификационные процессы в российском обществе сопровождались ухудшением межэтнических отношений в национальных республиках, ослаблением этнической идентичности по типу «нормы» и усилением её деструктивных/пассивных форм при углублении глобализационных тенденций и миграционных процессов.

Сложные этнические процессы постсоветского периода обусловили рост интереса специалистов самого различного профиля к исследованию типов социальной идентичности, поэтому идентичность россиян остаётся полем дискуссий общественных сил: «... именно поэтому в последнее время институты государственной власти, так же, как и лидеры политических направлений, озабочены формированием идентичности с ценностями, в которых они заинтересованы» [1, с. 3].

В основном внимание отечественных исследователей акцентировано на изучении факторов усиления деструктивного и пассивного типов этнической идентичности и их влияния на характер и состояние межэтнических контактов, а также этнического самочувствия народов: «Важно показать, что рост этничности, самосознания у национальностей имеет объективные и субъективные причины, что позитивная идентичность не представляет опасности для общества, а угрозы исходят от гипертрофирования этнической идентичности, нацизма, и надо искать их причины» [2, с. 10], ибо «не постигнув логику идентичности и специфику её трансформаций, невозможно понять современный мир — и, в частности, Россию с её поликультурным и многонациональным составом населения» [3, с. 4]. Распад советской системы надэтнической интеграции, не замещённой новой, российской системой, привёл к появлению этнических и религиозных идентичностей, враждебных российскому социально-культурному и политико-правовому полю [4, с. 4].

Таким образом, в данной статье рассматриваются этническая, религиозная, республиканская, государственно-гражданская (российская) идентичности дагестанских народов, компоненты их воспроизводства, соотношение государственно-гражданской и этнической, религиозной и этнической идентичностей, специфика совместимости позитивной этнической и российской идентичностей.

1.1. Типы социальной идентичности дагестанских народов

При исследовании типов социальной идентичности (государственно-гражданский, этнический, республиканский, религиозный) актуализировано выявление их иерархии, установление

существующей между ними корреляции, индикаторов их воспроизводства. Причём важнейшее место в структуре социальной идентичности, как правило, занимает этническая идентичность, которая является своеобразным стержнем, от которой «ответвляются» иные типы самоидентификации. Такой статус этнической идентичности в ряду других типов социальной идентичности обусловлен как сложностью самого феномена, так и выполняемой ею большой ролью в сохранении межнациональной стабильности и согласия в полиэтнических образованиях. От типов проявления этнической идентичности (пассивного, деструктивного) напрямую зависит межнациональный климат, ориентированность на поддержание или игнорирование межэтнической коммуникации, характер и частотность этноконтактов. Выраженность гипо- и гиперидентичных установок в массовом сознании и поведении дагестанских народов дестабилизируют межнациональную ситуацию в республике.

Характеристика выборки социологического исследования.

1. Социологическое исследование по изучению этнической идентичности дагестанских народов проведено в 2013 г. в Бабаюртовском, Дербентском, Казбековском, Кайтагском, Карабудахкентском, Кизилюртовском, Кизлярском, Кумторкалинском, Хасавюртовском районах, г. Махачкала, Кизляр, Кизилюрт, Дербент. N – 1143.

2. Социологическое исследование по изучению религиозной идентичности и религиозного поведения дагестанских народов проведено в 2014 г. в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизилюртовском, Хасавюртовском районах, г. Дербент, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт. N – 904.

3. Социологическое исследование по изучению государственно-гражданской идентичности дагестанских народов проведено в 2015 г. в Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кизилюртовском, Хасавюртовском районах, г. Махачкала, Дербент, Каспийск, Кизилюрт, Кизляр, Хасавюрт. N – 903.

Опросы проведены методом случайного отбора, охватив при этом все 3 географические зоны республики (равнинная, предгорная, горная), различающиеся между собой по социально-экономическому развитию и полиэтничностью. Выборка построена с учётом пропорционального представительства дагестанских народов в структуре населения республики, образовательного уровня и половозрастной специфики.

В нашем исследовании респондентам был задан вопрос, выявляющий соотношение типов социальной идентичности и их проявление в общественном сознании дагестанских народов (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Представителем только своего народа	Представителем дагестанского народа	Россиянином	Представителем Кавказа	Представителем своей религии
Аварцы	8,0	44,8	25,0	7,3	15,6
Азербайджанцы	5,4	59,5	18,9	5,4	5,4
Даргинцы	3,2	43,7	27,8	12,7	9,5
Кумыки	10,1	38,9	30,6	11,5	6,3
Лакцы	6,9	51,7	17,2	6,9	13,8
Лезгины	4,0	56,0	29,3	6,7	5,3
Ногайцы	15,8	36,8	36,8	5,3	5,3
Русские	8,4	14,7	55,9	10,5	4,2
Чеченцы	16,1	35,5	25,8	12,9	19,4
Другие	16,7	41,7	12,5	4,2	29,2
Всего:	7,9	40,0	31,0	9,4	10,1

Результаты нашего исследования показывают актуализацию республиканской идентичности в установках каждого второго опрошенного среди дагестанских народов, проявляющуюся в форме осознания себя на территории республики, в первую очередь, «представителем дагестанского народа»; по этнической принадлежности республиканскую идентичность демонстрируют больше половины опрошенных азербайджанцев, лакцев и лезгин, каждый второй опрошенный среди аварцев и даргинцев, каждый третий опрошенный среди кумыков, ногайцев и чеченцев. Второе ранговое место занимает государственно-гражданская (российская) идентичность, отмеченная каждым третьим опрошенным, как по всему массиву, так и среди кумыков, лезгин, ногайцев; каждым четвертым опрошенным среди даргинцев, аварцев и чеченцев, каждым пятым опрошенным среди азербайджанцев, каждым шестым опрошенным среди лакцев. По сравнению с другими опрошенными в позициях русских респондентов доминирует российская идентичность. Следует отметить, что русским характерно своеобразное восприятие понятий «представитель своего народа» и «россиянин», даже можно предположить, что они их отождествляют, на что совершенно справедливо указывает Ю.В. Арутюнян: «Некоторые теоретики и наблюдатели воспринимают понятия "россияне" и "русские" как синонимы. Между тем в общественном сознании эти понятия по-разному воспринимаются и ассоциируются в одном случае как этническое, а в другом в образе россиян, как преимущественно гражданское сообщество» [5, с. 43].

На третьей позиции располагается самоидентификация опрошенных со своим вероисповеданием, причём здесь, по сравнению с другими подгруппами, заметно выделяются респонденты чеченцы (каждый пятый опрошенный), аварцы (каждый шестой опрошенный) и лакцы (каждый седьмой опрошенный), а доля остальных опрошенных составляет менее 10%. Четвёртое ранговое место занимает осознание себя «представителем Кавказа», и доля таковых относительно больше среди опрошенных даргинцев, кумыков, русских и чеченцев. Результаты нашего исследования констатируют низкое проявление самоидентификации — «представитель своего народа», т. е. ориентированность на обозначение этнической идентичности, и, по сравнению с другими опрошенными, выделяется каждый шестой опрошенный среди респондентов ногайцев и чеченцев, а также каждый десятый опрошенный среди кумыков.

Таким образом, длительность совместного проживания на относительно небольшой территории обуславливает приоритетность в общественном сознании опрошенных дагестанских народов республиканской (общедагестанской) идентичности. Но при этом в позициях респондентов наблюдается рост государственно-гражданской (российской) идентичности, сопровождающийся низкой оценкой значимости как республиканской, так и общероссийской политической символики (герб, гимн, флаг). Кроме того, религиозная идентичность относительно сильнее выражена в позициях аварцев, даргинцев и чеченцев, которые обозначили её как этнообъединяющий признак со своим и с дагестанскими народами, одновременно подчёркивая её важность в структуре ценностно-символической системы этнической идентичности.

При сопоставлении вопроса «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?» с типами этнической идентичности независимо от них (пассивный или деструктивный) в массовом сознании превалирует республиканская идентификация — «осознание себя представителем дагестанского народа» (41,3%) и на второй позиции располагается российская идентичность (28,6%). На особенности проявления типов социальной идентичности обратил внимание Э. А. Паин, по мнению которого, «для нерусских народов России, особенно для титульных национальностей, в условиях постсоветской модернизации характерна актуализация этнической идентичности. Рост этнической идентичности нерусских народов сопровождается усилением их региональной идентичности» [6, с. 19].

Вывод о доминировании общедагестанской идентичности над другими типами социальной идентичности подтверждается и результатами ответа на другой вопрос (см. табл. 2).

**Распределение ответов на вопрос «Можно ли утверждать, что представители
Вашего народа по характеру...» (варианты ответов даны по группам
национальностей в % от общего количества опрошенных)**

Варианты ответов // Национальности	Такие же, как представители других дагестанских народов	Мы по характеру немного другие	Мы люди совершенно другого характера
Аварцы	49,7	33,3	12,5
Азербайджанцы	56,8	32,4	8,1
Даргинцы	63,9	22,8	6,3
Кумыки	44,4	39,6	12,8
Лакцы	69,0	20,7	6,9
Лезгины	49,3	38,7	12,0
Ногайцы	68,4	15,8	10,5
Русские	31,5	41,3	24,5
Чеченцы	61,3	32,3	6,5
Другие	45,8	41,7	12,5
Всего:	49,1	34,6	12,8

По всему массиву опрошенных превалирует суждение «Представители моего народа такие же, как представители других дагестанских народов», хотя каждому третьему опрошенному ближе суждение «Мы по характеру немного другие». Вместе с тем придерживающихся позиции «Мы люди совершенно другого характера» немного, хотя отличаются опрошенные, которых мы условно обозначаем «коренные дагестанские народы», — аварцы, лезгины, кумыки и ногайцы. Респонденты-русские, у которых преобладает российская идентичность, считают представителей своего народа «людьми совершенно другого характера», хотя они «длительность совместного проживания на одной территории» и «единую территорию проживания» обозначили в качестве объединяющих с дагестанскими народами факторов.

Таким образом, наше исследование показывает доминирование в структуре социальной идентичности республиканской идентичности при относительно слабой выраженности этнической самоидентификации, и, на взгляд, авторов, неостребованность этнической идентичности в установках дагестанских народов является существенным фактором сохранения межнационального согласия и стабильности в нашей республике.

В рамках изложения специфики проявления типов социальной идентичности у дагестанских народов не менее актуализировано изучение каждого из её типов, а также индикаторов их воспроизводства.

1.2. Этническая идентичность дагестанских народов и индикаторы её воспроизводства

Специфика формирования этнической идентичности прослеживается в ответах на блок вопросов относительно этнического самоопределения, значимости этнической группы, отношения к людям иной национальной принадлежности, обоснования причин межнационального противостояния и межэтнической напряжённости. Вопрос о том, что такое быть представителем своего этноса, является ключевым в исследовании.

Представления дагестанских народов об основных этнообъединяющих признаках своей этнической общности показывают ответы респондентов на вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?». Эти компоненты, или структурообразующие этнической идентичности, одновременно являются факторами этнической самоидентификации, влияющими на её формирование, содержание и развитие.

Признак «национальный язык» (70,9%) является значимым этноинтегрирующим компонентом и занимает первое ранговое место как по всему массиву, так и в суждениях лакцев (93,1%), аварцев (78,8%), лезгин (72,0%), русских (69,2%), чеченцев (64,5%), второе место у даргинцев (65,8%); в позициях даргинцев (67,7%) и ногайцев (84,2%) доминирует маркер «национальные традиции и обычаи» (62,4% по всему массиву), в то время как опрошенные чеченцы (58,1%), аварцы (58,7%), русские (58,7%), кумыки (62,8%), лезгины (66,7%), лакцы

(75,9%) и ногайцы (63,2%) по важности определили его на второе место. В массовом сознании дагестанских народов признак «религия» (53,6%) выполняет важную этнообъединяющую функцию, поэтому он располагается по значимости на третьем месте, и по этнической принадлежности ответы распределились следующим образом: аварцы и азербайджанцы (по 62,2%), лакцы (62,1%), чеченцы (54,8%), лезгины (52,0%), кумыки (49,7%), ногайцы (47,4%), даргинцы (45,6%) и русские (45,5%). Индикатор «совместная жизнь на данной территории» (51,1%) является одним из значимых показателей для опрошенных азербайджанцев (62,2%), кумыков (58,0%), даргинцев (56,3%), аварцев (51,7%), лакцев (51,7%), лезгин (46,7%), ногайцев (47,4%), чеченцев (45,2%) и русских (35,0%). Более того, данный маркер находится в тесной связи «с исторической территорией моего народа» (27,9%), и выбравших его больше всего среди ногайцев (42,1%), лакцев (37,9%), чеченцев (32,3%), аварцев (29,5%) и лезгин (28,0%).

Отечественные исследователи-этнопсихологи придерживаются мнения, что национальный характер является одним из важных этноинтегрирующих признаков, на что указывают опрошенные аварцы (35,4%), лакцы (34,5%), лезгины (30,7%) и русские (26,6%), подчеркнув значимость «общности характера, схожести поведения» (27,1%). Определённую роль, как маркер воспроизводства этнической идентичности, выполняет «историческое прошлое» (22,3%), поэтому на его важность в идентификационных процессах указывают опрошенные кумыки (18,4%), лезгины (21,3%), аварцы (25,0%), русские (28,7%) и чеченцы (35,5%). Далее в позициях респондентов проявляется низкая оценка маркера «национальная одежда, жилище, быт» (16,7%), и по сравнению с другими опрошенными больше всего указавших на него среди аварцев (19,4%), даргинцев (19,0%), кумыков (18,4%), лезгин (14,7%) и русских (11,9%). Как показывают результаты опроса, статус признака «национальная литература, народное творчество», который составляет основу духовной культуры народа, заметно ниже в структуре маркеров воспроизводства этнической идентичности, и на него указал каждый шестой среди опрошенных чеченцев (16,1%), каждый восьмой среди опрошенных аварцев (12,2%), каждый девятый среди опрошенных лезгин (10,7%) и каждый десятый среди опрошенных кумыков (10,1%), в то время как другие респонденты не считают его важным в процессе воспроизводства этнической идентичности. Из всего массива опрошенных статистически незначимая часть придерживается позиции, что их «ничего не объединяет с представителями своего народа», и таковых 2,8% и 1,3% среди опрошенных русских и лезгин, соответственно.

Далее на вопрос «Что, по Вашему мнению, в первую очередь, необходимо учитывать при определении национальности человека?» доминирует критерий «национальность отца» (31,1%), затем располагаются индикаторы «национальный язык» (24,6%), «самосознание человека (к какому народу он себя относит)» (23,8%), «особенности поведения, мышления» (14,1%) и «национальность матери» (4,5%). Национальная принадлежность одного из родителей, в данном случае отца, является решающей в определении этнической принадлежности индивида для опрошенных аварцев (30,6%), лакцев (34,5%), азербайджанцев (35,1%), кумыков (36,5%), лезгин (37,3%), чеченцев (45,2%) и ногайцев (52,6%). Как идентификационный признак, «национальный язык» на первое место поставили респонденты-даргинцы (32,3%), в то время как в позициях кумыков (21,2%), азербайджанцев (21,6%), аварцев (28,1%), чеченцев (29,0%), лезгин (30,7%) и ногайцев (31,6%) он занимает второе ранговое место. Для опрошенных русских (14,7%) и лакцев (14,7%) «национальный язык» как критерий определения этнической принадлежности человека занимает третье место. Язык является одним из символов единства народа и основным этноидентифицирующим маркером. Исследователи отмечают, что этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами этноса, сколько с его символической ролью в процессе формирования чувства родственности с общностью и межгрупповой дифференциацией. Чем в меньшей степени люди владеют своим национальным языком, тем более значимой среди этноидентифицирующих признаков они считают общность исторической судьбы и исторической памяти своего народа. В массиве опрошенных выделяются русские и лакцы, поставившие на первое место «самосознание человека (к какому народу он себя относит)», отодвинув иные компоненты — 41,3% и 41,4%, соответственно. В отличие от других опрошенных, в процессе определения этнической принадлежности человека для кумыков (16,0%), лезгин (17,3%) и чеченцев (22,6%), определённое значение имеют «особенности поведения и мышления». Таким обра-

зом, анализ результатов вопроса «Что, по Вашему мнению, в первую очередь, необходимо учитывать при определении национальности человека?» показывает кардинальные изменения в позициях респондентов. Опрошенные, отмечавшие в качестве этноопределителя национальный язык, в ответах на вопрос «Что, по Вашему мнению, в первую очередь, необходимо учитывать при определении национальности человека?» отодвинули его на вторую позицию. Можно предположить, что респонденты, выделяя в качестве этноопределителя национальный язык, подразумевают владение им необязательным, следовательно, этническая самокатегоризация у современных дагестанских народов осуществляется, в первую очередь, не на основании культурно-языковых характеристик.

При снижении интегрирующей роли языка повышается значимость других компонентов этнической идентичности, не связанных столь тесно с языком, к числу которых относятся единство происхождения, историческое прошлое, общность религии, соционормативной культуры, неязыковых форм духовной культуры (музыка, танцы), выполняющих компенсаторную роль. Можно предположить характерность для дагестанских народов ситуации «размывания» их этничности, что подтверждается снижением значимости национального языка для некоторых народов, национальности родителей при существующем осознании принадлежности к своей этнической группе.

1.3. Республиканская идентичность дагестанских народов и индикаторы её воспроизводства

Уже было отмечено, что в настоящее время в иерархии типов социальной идентичности наблюдается усиление общедагестанской (республиканской) идентичности, которое объясняется исторически сложившейся полиэтничностью республики, поэтому в ходе нашего исследования выявлялись маркеры воспроизводства республиканской идентичности дагестанских народов (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какие признаки объединяют Вас с дагестанскими народами?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальностей	Длительность совместного проживания на одной территории	Общая история всех дагестанских народов	Схожесть традиций, обычаев, национальной культуры	Историческая память всех дагестанских народов	Национальный характер, национальная психология	Религия	Ничего не объединяет, мы самостоятельный народ
Аварцы	42,4	49,7	51,7	20,8	28,8	61,8	1,4
Азербайджанцы	56,8	40,5	32,4	10,8	18,9	43,2	0
Даргинцы	35,4	48,1	58,9	23,4	19,6	31,6	2,5
Кумыки	50,7	39,9	52,1	25,7	19,1	42,4	3,5
Лакцы	55,2	55,2	44,8	20,7	17,2	41,4	3,4
Лезгины	37,3	40,0	52,0	24,0	37,3	57,3	0
Ногайцы	47,4	42,1	57,9	21,1	26,3	42,1	10,5
Русские	68,5	28,0	10,5	17,5	14,7	4,2	21,0
Чеченцы	64,5	25,8	51,6	12,9	25,8	58,1	3,2
Другие	54,2	25,0	50,0	20,8	25,0	62,5	4,2
Всего:	48,6	41,1	46,5	21,2	22,7	43,0	5,6

По результатам социологического опроса, выполняющим важнейшую объединяющую функцию является маркер «длительность совместного проживания на одной территории». Не менее существенным является значимость национальных традиций и обычаев, которые обладают элементами сходства и в многонациональной среде легко перенимаются, при сохранении

важности исторической памяти и общего исторического прошлого. Однако в иерархии интегрирующих дагестанские народы признаков особое место занимает религия, и табличные данные показывают характерное ей варьирование: если в опросе 2001 г. она по значимости занимала 4 ранговое место, то в опросе 2005 г. располагается на первом месте, отодвинув собственно «этнические признаки». При этом значимость «религиозной принадлежности» подчёркивается опрошенными кумыками (2001 г.), аварцами (2005 г.) и чеченцами (2005 г.). Такая же тенденция проявляется в опросе 2013 г. в позициях опрошенных аварцев и лезгин, хотя и другие респонденты обозначают «религию» как объединяющий дагестанские народы признак.

Мононациональная среда изначально формирует признаки, определяющие осознание своей принадлежности к определённому народу, в отличие от полиэтнической местности, где многие этнические отличия стёрты. Отождествляя себя с определённым этносом, индивид воспринимает и включает в свой внутренний мир те ценности, идеи, убеждения, образцы, которые выработаны и характерны по преимуществу для этой общности, являются во многом уникальными и специфическими [7, с. 42].

Таким образом, результаты нашего исследования констатируют, что для опрошенных интегрирующими с дагестанскими народами признаками являются «длительность совместного проживания на одной территории» и «схожесть традиций, обычаев, национальной культуры», хотя не теряют своей значимости маркеры «общая история всех дагестанских народов» и «религия». Из общего массива выделяются опрошенные русские, наибольшая доля которых придерживается позиции «ничего не объединяет, мы самостоятельный народ», что объясняется тем, что русские являются государствообразующим этносом и их ориентацией на осознание себя на территории Республики Дагестан, в первую очередь, «россиянином». Среди собственно дагестанских народов выделяются и ногайцы, из которых каждый пятый опрошенный придерживается суждения «ничего не объединяет, мы самостоятельный народ». По мнению известного дагестанского этнографа М.Б. Гимбатовой, наличие такой позиции в общественном сознании опрошенных ногайцев объясняется тем, что они, согласно письменным источникам, осели на территории Дагестана в начале XV в.; кроме того, от дагестанских народов они отличаются своей самобытной этнокультурой [см.: 8].

Обозначение респондентами в качестве объединяющих признаков совместное проживание, сходство этнокультурных компонентов и элементов исторической памяти свидетельствует об активизации роли республиканской идентичности в массовом сознании дагестанцев. Если в перестроечный период этнолидерами дагестанских народов поднимался вопрос о необходимости федерального переустройства республики, то провозглашённые ими лозунги в массовом сознании дагестанских народов не получили поддержки и распространения.

В исследовании ставилась задача показать взаимосвязь типа этнической идентичности с процессом самоидентификации опрошенных, поэтому применялся «метод "вопрос на вопрос"», который позволил бы глубже проанализировать специфику формирования типов социальной идентичности, в данном случае этнической идентичности. Так, каждый восьмой опрошенный, осознающий себя «представителем только своего народа», является носителем этноцентристских установок — «нередко чувствует превосходство своего народа над другими» (12,4%) и «люди другой национальности должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории» (12,3%); далее каждый шестой респондент разделяет мнение, что «взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей» (16,7%).

В позициях носителей пассивной формы этнической идентичности («этноиндифференты»), разделяющих суждение «мы такие же, как представители других дагестанских народов», закономерно проявляется равнодушие «к своей национальной принадлежности» (51,9%), при этом они «не отдают предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную» (50,3%), «часто испытывают стыд за людей своей национальности» (44,8%) и «трудно уживаются с людьми своей национальности» (40,0%).

Однако носители деструктивных форм этнической идентичности (этноцентризм, этнофаворитизм, этнодоминирование), считая, что они «такие же, как представители других дагестанских народов», акцентируют внимание на следующих позициях: «я такой человек, который

нередко чувствует превосходство своего народа над другими» (40,0%), «я такой человек, который считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только моему народу» (40,7%), «настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности» (42,7%), «взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей» (43,3%), «мой народ имеет право решать свои проблемы за счёт других народов» (44,2%), «считает строго необходимым сохранять "чистоту" народа» (46,0%), «предпочитает образ жизни своего народа» (46,8%), «считает необходимым "очищение" культуры моего народа от влияния других культур» (47,9%) и «любые средства хороши для защиты интересов моего народа» (50,8%).

Все вышесказанное предполагает, что этноцентристские установки должны подпитывать позицию «мы люди совершенно другого характера», однако как показывают результаты нашего исследования у «этноцентристов» довольно слабо проявляется «противопоставление» себя другим дагестанским народам как носителям отличного от них национального характера и поведения.

Таким образом, изучение специфики формирования типов этнической идентичности констатирует, что центральной и доминирующей является «нормальная этническая идентичность», в то же время по краям располагаются её пассивная (этноиндифферентность, этнонигилизм, амбивалентность) и деструктивная (этноцентризм, этнодоминирование, этнофаворитизм) формы, оказывающие определённое влияние на позитивную идентичность, в конечном итоге, возможно «расшатывание» её содержания. Кроме того, результаты нашего исследования показывают ярко выраженную этническую индифферентность, которая может привести, с одной стороны, к «размыванию» позитивного образа «мы», с другой, способствовать усилению этнонационализма у разных социальных прослоек внутри каждого народа.

1.4. Религиозная идентичность дагестанских народов в структуре социальной идентичности

Уже было отмечено, что при рассмотрении типов социальной идентичности возникает вопрос об их корреляции. По мнению П.И. Пучкова, «этнические и конфессиональные общности — два разных вида социальных общностей людей. Нередко они функционируют на одном территориальном пространстве и представлены в одной совокупности людей. При этом границы между этими видами общностей иногда причудливо пересекаются между собой» [9, с. 87].

Проблема соотношения национального и религиозного образований имеет длительную историю. В советский и постсоветский периоды при подготовке переписи населения этот вопрос неоднократно поднимался и обсуждался. Если в дореволюционный период определение соотношения этнического и конфессионального относительно спокойно воспринималось, то в 1937 г. такая попытка была жёстко пресечена, потому что в «новом атеистическом обществе», разумеется, невозможно было ставить вопрос о степени религиозности применительно к новому поколению людей, которые строили социалистическое (атеистическое) общество. Однако и в «другой», в современной России со свободой вероисповедания включить пункт о соотношении национального и религиозного компонентов в программу переписи населения, к сожалению, не удалось. Существование такого подхода, не поддающегося научному объяснению, создаёт определённые сложности для исследователей. В связи с этим возникает вопрос: «Зачем нужно выявлять соотношение этнического и конфессионального?». А это имеет несколько аспектов, в частности, «выяснение приоритета этнического или религиозного в сознании человека, определение конфессиональной структуры этносов, определение этнического состава конфессий, возникновение этноконфессиональных групп и т. д.» [10, с. 88]. Вместе с тем нельзя упускать из виду, что тесная связь между этническим и религиозным составляющими значительно выпячивается в ситуации межнационального или религиозного противостояния, потому что очень часто национальные конфликты окрашиваются в межрелигиозные, и наоборот.

В связи с вышесказанным в рамках данного исследования для нас важно установление значимости этнической и религиозной идентичностей в массовом сознании дагестанских народов, выявление существующей между ними взаимосвязи.

Исторически сложившееся переплетение религиозной и этнической принадлежности следует учитывать при анализе отношения дагестанских верующих к национальным проблемам,

поэтому в ходе исследования религиозной идентичности была поставлена задача определить статусы (значимость/незначимость) религиозной и национальной принадлежности и их соотношение в массовом сознании дагестанских народов (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Какое из суждений для Вас важнее?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Для меня очень важна только моя религиозная принадлежность	Для меня очень важна только моя национальная принадлежность	Для меня очень важна моя религиозная и национальная принадлежности	Для меня вообще не важна моя религиозная и национальная принадлежности
Аварцы	19,4	3,1	62,7	7,1
Азербайджанцы	20,0	10,0	48,3	13,3
Даргинцы	16,9	7,8	63,6	6,5
Кумыки	11,5	6,6	68,9	8,2
Лакцы	14,8	14,8	51,9	18,5
Лезгины	24,1	5,8	52,6	12,4
Русские	9,3	9,3	31,5	38,0
Чеченцы	37,8	5,4	40,5	8,1
Другие	19,2	5,5	54,8	9,6
Всего:	18,8	6,0	55,1	12,6

Полученные результаты опроса показывают характерную опрошенным «двойственную» или «множественную» идентичность, т. е. желание одновременно демонстрировать важность «национальной и религиозной принадлежности». По этнической принадлежности больше половины опрошенных, а также каждый второй опрошенный подчёркивает важность «религиозной и национальной принадлежности», и таковых больше среди аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев и лезгин. Разделяющих это суждение, по сравнению с другими опрошенными, относительно меньше среди русских респондентов, причём каждый третий опрошенный из них с небольшой разницей подчёркивает противоречивые позиции: «для меня очень важна моя религиозная и национальная принадлежности» и «для меня вообще не важна моя религиозная и национальная принадлежности». Придерживающихся позиции «для меня очень важна только моя национальная принадлежность» меньше всего среди опрошенных аварцев и чеченцев. Таким образом, наше исследование демонстрирует характерную дагестанским народам этноконфессиональную идентичность. Исторически российским народам, в нашем случае дагестанским, свойственно демонстрировать, вернее, отождествлять два фактора — национальный и конфессиональный: «часто на уровне обыденного сознания, понятие "мусульманин" приобретает не только религиозное, но и этническое содержание» [11, с. 61]. Далее подгруппы мусульман (58,3%) и православных (31,5%) отмечают важность «национальной и религиозной принадлежности», хотя каждый пятый опрошенный среди мусульман подчёркивает важность только «религиозной принадлежности», а таковых среди православных каждый одиннадцатый опрошенный.

С целью глубокого изучения значимости религиозной идентичности в массовом сознании дагестанских народов им был задан «контрольный вопрос» (см. табл. 5).

Конкретизация вопроса показывает изменение в суждениях респондентов: если в вопросе «Какое из суждений для Вас важнее?» опрошенным характерна демонстрация «двойственной идентичности», можно сказать этноконфессиональной идентичности, («для меня очень важна моя религиозная и национальная принадлежности»), то во втором вопросе больше половины опрошенных подчёркивают суждение «для меня очень важна моя религиозная принадлежность», причём наблюдается рост значимости конфессиональной принадлежности даже в тех подгруппах, которые не выделяли маркер «религия» в качестве этноинтегрирующего компонента, не осознавали себя «представителем своей религии» и не испытывали чувство общности «с представителями своей религии».

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Для меня очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня не очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность
Аварцы	71,9	6,5	1,5
Азербайджанцы	46,7	21,7	1,7
Даргинцы	58,4	11,7	3,9
Кумыки	67,2	14,8	1,6
Лакцы	59,3	25,9	0
Лезгины	51,1	17,5	2,9
Русские	29,6	24,1	22,2
Чеченцы	62,2	5,4	0
Другие	57,5	17,8	2,7
Всего:	58,6	13,7	4,4

Таким образом, полученные результаты социологического опроса показывают характерные для религиозности сложнейшие процессы: с одной стороны, проявление в массовом сознании опрошенных дагестанских народов чувства общности с «представителями всех дагестанских народов» и «осознание себя представителем дагестанского народа», с другой, подчёркивается важность «религиозной и национальной принадлежности» (этноконфессиональная идентичность) с уточнением больше половины опрошенных важности своей религиозной принадлежности.

1.5. Российская идентичность дагестанских народов и индикаторы её воспроизводства

Государственно-гражданская идентичность включает лояльность государству, отождествление человека со своими согражданами, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны, стремление служить на её благо и процветание, испытываемые при этом эмоции.

Исследование процесса формирования государственно-гражданской идентичности требует установления консолидирующих российскую идентичность факторов, поэтому в нашем исследовании были затронуты вопросы, позволяющие выявить индикаторы её воспроизводства (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Что Вас объединяет с россиянами?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Азербайджанцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Табасаранцы	Чеченцы	Другие	Всего:
Общее государство	51,4	72,2	46,3	56,3	56,6	54,3	61,1	34,8	35,0	48,1	51,6
Ответственность за страну	20,3	5,6	14,8	21,3	10,6	9,5	19,4	21,7	27,5	22,8	17,4
Родная земля, общая территория проживания	37,9	50,0	39,8	33,8	38,1	27,6	41,7	56,5	40,0	36,7	37,3
Политические символы (герб, гимн, флаг)	8,6	5,6	10,2	8,8	6,2	8,6	8,3	13,0	5,0	6,3	8,2

Продолжение таблицы 6

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Азербайджанцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Табасаранцы	Чеченцы	Другие	Всего:
Общее историческое прошлое, историческая память	17,2	11,1	20,4	16,3	21,2	14,7	30,6	17,4	17,5	15,2	17,9
Общие государственные праздники	5,5	5,6	3,7	7,5	6,2	7,8	5,6	4,3	7,5	11,4	6,4
Русский язык — как язык межнационального общения	40,0	22,2	37,0	42,5	41,6	37,9	47,2	30,4	32,5	38,0	39,0
Общая российская культура	6,6	11,1	11,1	11,3	4,4	7,8	16,7	17,4	12,5	6,3	8,4
Схожесть национальных традиций, обычаев	4,1	11,1	3,7	2,5	3,5	6,0	13,9	4,3	2,5	5,1	4,7
Единая правовая система	10,7	33,3	13,9	16,3	13,3	12,9	5,6	26,1	15,0	22,8	14,1
Ничего не объединяет	3,1	5,6	2,8	2,5	1,8	4,3	2,8	0	5,0	5,1	3,2

Полученные результаты показывают, что больше половины опрошенных дагестанских народов интегрирующим с россиянами маркером считают «общее государство», каждый третий опрошенный указывает на «русский язык — как язык межнационального общения» и «родную землю, общую территорию проживания», каждый шестой опрошенный подчёркивает необходимость иметь «ответственность за страну» и «общее историческое прошлое, историческая память», каждый седьмой опрошенный «единую правовую систему», в то время как статус признаков «политические символы (герб, гимн, флаг)», «общая российская культура» заметно ослаблены; по сравнению с другими подгруппами среди опрошенных аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, русских, табасаранцев относительно больше доля выбравших суждение «политические символы (герб, гимн, флаг)» в качестве консолидирующего фактора. Позиции «ничего не объединяет» придерживается статистически небольшая доля опрошенных, причём больше всего отметивших данное суждение среди азербайджанцев, чеченцев и лезгин. По этнической принадлежности больше половины опрошенных аварцев, азербайджанцев, кумыков, лакцев, лезгин, русских, каждый второй среди даргинцев, каждый третий среди табасаранцев и чеченцев подчёркивают признак «общее государство». На возможности «русского языка — как языка межнационального общения», способного выполнить консолидирующую с россиянами роль, указывает каждый второй опрошенный среди аварцев, кумыков, лакцев, русских, каждый третий опрошенный среди даргинцев, лезгин, табасаранцев и чеченцев. Больше всего указавших на данный маркер по сравнению с другими опрошенными среди русских, аварцев, кумыков, лакцев и меньше всего среди чеченцев. Важность «единой правовой системы» как объединяющего с россиянами признака обозначена в суждениях каждого третьего опрошенного среди азербайджанцев и каждого четвертого среди табасаранцев. На связывающий их с россиянами маркер «общее историческое прошлое, историческая память» указал каждый третий опрошенный среди русских, каждый пятый среди даргинцев и лакцев, в то время как доля таковых среди других дагестанских народов менее 20%.

Если вышеперечисленные признаки являются важнейшими в общественном сознании дагестанских народов при определении символов и ценностей их характеризующих, то в ходе исследования были выявлены и малозначимые для них символы, в частности, политические, которые оказались слабо выраженными в их массовом сознании.

Литература

1. Арутюнова, Е. М. Формирование государственно-гражданской идентичности молодёжи : на примере московских студентов : автореф. ... канд. соц. н. — М., 2007.

2. Дробизжева, Л. М. Государственная и этническая идентичность : выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России ; отв. ред. В.С. Магун. — М., 2006. С. 10–29.
3. Санина, А. Формирование российской идентичности : гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 57–65.
4. Зорькин, В. Д. Как сохранить государство в эпоху этносоциального многообразия // Российская газета. № 5579. 13 сентября 2011 г.
5. Арутюнян, Ю. В. Об этнических диаспорах в русской среде // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 34–44.
6. См.: Паин, Э. А. Проблемы самоидентификации россиян : со страной, с регионом, с этническим сообществом // Проблемы идентичности : человек и общество на пороге третьего тысячелетия. — М., 2003. С. 5–21.
7. Файзуллин, Ф. С., Зарипов, А. Я. Грани этнической идентификации // Социологические исследования. 1997. № 8. С. 40–47.
8. См.: Гимбатова, М. Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – нач. XX в.). — Махачкала : ИД «Эпоха», 2007; Гимбатова, М. Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана XIX – начало XX в. — Махачкала : ИД «Эпоха», 2014; Гимбатова, М. Б. Гендерная асимметрия социализации детей в семье у тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. № 25. С. 36–47; Гимбатова, М. Б. Коммуникативные формы поведения ногайцев в обычае взаимопомощи «шавшеке» // Изучение культурного наследия народов России — актуальная задача : материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. — Махачкала, 2007. С. 146–150.
9. Пучков, П. И. Соотношение этнического и конфессионального в России // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). — М. : Институт социологии РАН, 2008.
10. Пучков, П. И. Указ. соч. С. 88.
11. Курбанов, М. Р., Курбанов, Г. М. Религия в культуре народов Дагестана. — Махачкала : Изд.-полиграф. центр ДГУ, 1996.

References:

1. Arutyunov, E. M. Formation of public-civil identity of youth : the example of the Moscow students : abstract ...to. soc. n. — M., 2007.
2. Drobizheva, L. M. National and ethnic identity : the choice and mobility // Civil, ethnic and religious identity in modern Russia ; ed. V.S. Magoon. — M., 2006. P. 10–29.
3. Sanin, A. Formation of Russian identity : civil-state approach // Sociological studies. 2012. No. 12. P. 57–65.
4. Zorkin, V. D. How to save the state in the era of diversity ethnosocial // Russian newspaper. No. 5579. September 13, 2011.
5. Arutyunyan, Y. On the ethnic diasporas in the Russian media // Sociological studies. 2013. No. 7. P. 34–44.
6. See: Pain, E. A. Problems of Russian identity : the country, the region, with an ethnic community identity // Problems of man and society on the threshold of the third millennium. — M., 2003. P. 5–21.
7. Fayzullin, F. S., Zaripov, A. Y. Facets of ethnic identification // Sociological studies. 1997. No. 8. P. 40–47.
8. See: Gimbatova, M. B. Culture of behavior and the Nogai etiquette in the family and public life (XIX – The beginning of XX century). — Makhachkala : ID «Epoch», 2007; Gimbatova, M. B. A man and a woman in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Dagestan XIX – early XX century. — Makhachkala : ID «Epoch», 2014; Gimbatova, M. B. Gender asymmetry of socialization of children in the family of Turkic-speaking peoples of Dagestan in XIX – early XX century // Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography. 2011. No. 25. P. 36–47; Gimbatova, M. B. Communicative behaviors Nogai customary mutual aid «shavsheke» // The study of the cultural heritage of the peoples of Russia — an urgent task : proceedings of the scientific-theoretical conference. — Makhachkala, 2007. P. 146–150.
9. Puchkov, P. I. The ratio of ethnic and confessional in Russia // Religion in the consciousness of the people (the religious factor in the identification process). — M. : Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2008.
10. Puchkov, P. I. Ibid. P. 88.
11. Kurbanov, M. R., Kurbanov, G. M. Religion in the culture of the peoples of Dagestan. — Makhachkala : Publishing and printing center of DSU, 1996.

КУРГАНОВ СЕРГЕЙ ДЕНИСОВИЧ

студент факультета экономики НОЧУ ВПО «Институт стран Востока»,
г. Москва, e-mail: Kurser5281@yandex.ru

РАЗВИТИЕ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИИ И КИТАЕ

Аннотация. В статье ставится задача проанализировать малые и средние предприятия России и Китая. И в результате проведенной работы выявить особенности того или иного вида, выделить схожие стороны и противоположности. Помимо этого, в статье имеется большое количество числовых данных, которые помогают лучше проводить исследование, делать сопоставления на конкретных цифрах. Также содержится ряд постановлений и законопроектов, которые демонстрируют государственную политику в данной сфере, тем самым подчеркивая то, что государство заинтересовано в продвижении данных видов предприятий. Описывается поэтапная история формирования бизнесов России и Китая, особое внимание уделено организации китайской промышленности, так как Китай на данный момент является одним из лидеров в мировой экономике, следовательно, изучить пошаговое развитие просто необходимо. На основе анализа устанавливается то, что, несмотря на многие идентичности в развитии российских и китайских предприятий, отличия слишком велики, именно поэтому Китай смог в кратчайшие сроки стать могущественной экономической державой. В заключении рассматривается перспективное направление для малого и среднего бизнеса в России, а также излагаются взгляды на то, почему Китай смог преуспеть в этой среде экономики.

Ключевые слова: бизнес, предприятие, производство, развитие, Россия, Китай, постановление, этап, закон, экономика.

KURGANOV SERGEY DENISOVICH

student of the faculty of Economics of NOCHU VPO "Institute of East countries",
Moscow, e-mail: Kurser5281@yandex.ru

DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM SIZED ENTERPRISES IN RUSSIA AND IN CHINA

Abstract. The manuscript has the task of analyzing small and medium sized enterprises in Russia and in China. As a result of the work performed, the task is to find typical features of different types, highlight similarities and opposites. Besides, the manuscript contains a large amount of data that better assist in performing the study, and comparing specific figures. There is also a number of enactments and bills that demonstrate the state policy in this field, therefore, emphasizing that the state is interested in advancing these types of enterprises. The step-by-step history of forming businesses in Russia and in China is described. Special attention is given to the organization of Chinese manufacturing industry because China is one of the leaders in the world economy at the moment, therefore it is simply necessary to study the step-by-step development. Based on the analysis performed, it is determined that despite many identical features in the development of both Russian and Chinese enterprises, the differences are far too great, therefore China was able to have become a powerful economic superpower in the shortest amount of time. In conclusion, the forward-looking area of focus of development for small and medium-sized business in Russia is discussed, and views are stated on the issue of why China managed to become successful in this economic field.

Keywords: business, an enterprise, manufacturing production, development, Russia, China, an enactment, a stage, a law, the economy

Как показывает мировой опыт (Япония, Германия, Италия, США и др.), малое предпринимательство может служить хорошим источником решения экономических и социальных проблем в стране. Именно эта проблема должна быть решена в России в ближайшем будущем.

Первые шаги в направлении развития малого бизнеса в России были сделаны в 70–80 годы XX века. В Советском Союзе, в соответствии со статьей 17 Конституции СССР, было запрещено гражданам осуществлять трудовую деятельность, которая основывается на личном труде в сфере сельского хозяйства и услуг.

Все предприятия на тот период управлялись без учета размера предприятия и особенностей той или иной отрасли. Отсутствие конкуренции в экономике привело к низкой эффективности деятельности предприятий.

Поэтому в 80-е годы был принят целый ряд законов, которые имели большое значение: 1986 году — закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», 1987-м — закон «О государственном предприятии» (распространенный на все предприятия с 1989 года), а также Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании совместных предприятий с участием иностранного капитала (1987 год). И уже в 1986 и 1988 годах была узаконена предпринимательская деятельность в сфере услуг. В результате чего начался бурный рост кооперативов, вследствие этого потребовалось создать новый закон «О кооперации». Несколькими годами позже, в связи с расширением самостоятельности и инициативности предприятий, правительство издает новый документ «О предприятиях СССР». Ключевым же было то, что бизнес теперь сам мог устанавливать цены на собственные товары.

Начало 90-х годов сопровождалось расширением деятельности частных и развитием малого бизнеса. В этот период закладывались условия для формирования малых предприятий, в результате чего выходят такие законы, как: СМ СССР № 790 «О мерах по созданию и развитию малых предприятий» от 08.08.1990 года, Постановление СМ РСФСР «О мерах по поддержке и развитию малых предприятий в РСФСР» от 18.07.1991 года № 404. Однако даже со всеми предоставленными возможностями для малых предприятий государство все еще жестко относилось к ним. Это выражалось в сильном финансовом давлении: высокий процент НДС (28 %), налог на прибыль составлял больше 1/3 (35 %), огромный процент по кредитам (50 % и выше).

Развитие малого бизнеса в России можно разделить на следующие периоды развития.

1. Первый этап (1992–1994).

Правительство, выпуская ряд документов, таких как: Указ Президента РФ «Об организационных мерах по развитию малого и среднего бизнеса в РФ» № 1485 от 30.11.1992 года, Постановление СМ и Правительства РФ «О первоочередных мерах по развитию и государственной поддержке малого предпринимательства в РФ» от 11.05.1993 года № 446, Указ Президента РФ «О кадровом обеспечении экономических реформ» № 272 от 22.02.1993 года, Приказ Федеральной службы занятости России «Об утверждении положения о порядке работы органов службы занятости с безработными гражданами, желающими организовать собственное дело в условиях выдачи им субсидий» № 37 от 30.03.1993 года, Постановление Правительства РФ от 29.04.1994 года № 409 «О мерах по государственной поддержке малого предпринимательства в РФ на 1994–1995 гг.», Указ Президента РФ «О некоторых вопросах налоговой политики» № 1004 от 23.05.1994 года, Постановление Правительства РФ «О сети региональных агентств поддержки малого бизнеса» от 29.12.1994 года № 1434, делает малое предпринимательство чуть ли не ключевым направлением в экономике, устанавливает наиболее важные отрасли малого предпринимательства, снижает налогооблагаемую базу. В результате за 3 года (1992–1994 годы) число малых предприятий увеличилось в 1,6 раза и в 1994 году составило 896,6 тысячи предприятий. Однако не все предприятия были успешными. Многие (около 1/3) были связаны с теневой экономикой, а 1/3 были на грани банкротства.

В целом, если давать характеристику данному периоду, несмотря на значительный рост количества предприятий, радикальных изменений не произошло.

2. Второй этап (1995–1998 годы).

Данный этап можно охарактеризовать тем, что государство начинает вырабатывать конкретные меры, направленные на помощь малым предприятиям. И уже в 1995 году создается Государственный комитет по развитию малого предпринимательства (ГКРП РФ). 14 июня

1995 года был принят Федеральный закон РФ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» № 88-ФЗ, который статьей 3 законодательно определил статус малого предприятия.

Таблица 1

Занятость населения в малом бизнесе (1995 год)

Отрасль	Среднесписочная численность занятых на МП, тыс. чел.	Отраслевая структура занятости на МП, в %	Удельный вес в общей численности занятых в отрасли, в %
ВСЕГО	8 944,8	100	15,7
Промышленность	2 589,7	29	15,6
Сельское хозяйство	93,4	1	1,3
Строительство	2 624,4	29,3	48,5
Транспорт и связь	185	2,1	3,9
Торговля	2 235	24,6	46,4
Общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка	320,8	3,6	93,9
ЖКХ, бытовое обслуживание	106,8	1,2	4,7
Наука и научное обслуживание	231,9	2,6	15,8

Источник: Гипельсон В. Рынок труда в частном секторе. Предпринимательство в России. — 1997. — № 1.

Как можно видеть, только около 15 % трудоспособного населения было занято в деятельности малых предприятий.

В этом периоде Правительство РФ постановлением от 18.12.1995 года № 1256 утверждает «Федеральную программу государственной поддержки малого предпринимательства в РФ на 1996–1997 гг.» Главными целями этой программы были: предоставление новых рабочих мест, создание крепкой правовой и законодательной базы, предоставление льгот и дешевых кредитов, создание возможностей для инновационной активности, поддержка конкурентоспособности на рынке. Однако, несмотря на предпринятые государством меры, малые предприятия развивались очень медленно.

Подводя итог по этому периоду, нельзя сказать, что развитие имело большой успех. Большинство производителей оставались монополистами, конкурентная среда так и не была сформирована. Задачи государства оставались прежними — любыми способами развивать малое предпринимательство, но реальных действий и изменений не наблюдалось.

3. Третий этап (1999 – по наше время).

Начало этого этапа не предвещало ничего хорошего из-за кризиса 1998 года, и уже к 1999 году около трети существующих предприятий прекратили свою деятельность. Кроме того, внутри каждого из этих предприятий были проведены сокращения и снижение заработной платы. Большие проблемы были с получением кредитов на финансирование производственной деятельности.

Поэтому необходимо было реструктурировать банковскую систему. Несмотря на то, что снижалась ставка по кредитам, получить его было большой проблемой. В развитых странах предоставляли кредиты на долгосрочной основе, в России же на краткосрочной, и в залог брали имущество. По этой же причине иностранные инвесторы не желали вкладывать деньги в российские предприятия. Следующей задачей было создание четкого механизма, который позволял страховать малые предприятия и его работников, плюс создавались резервы в казне на инвестирование малых бизнесов, создание фондов, где более крупные предприятия смогли бы нанимать мелкие, вследствие чего бы увеличилась конкуренция на рынке, а, следовательно, и экономический рост. Еще одной целью было облегчить процедуру договоров в сфере франчайзинга.

К настоящему времени ситуация несколько ухудшилась, так как политика, проводимая в этой сфере, стала жестче: вводятся новые административные барьеры, увеличивается фискаль-

ная и не фискальная нагрузка. Это все крайне негативно влияет на положение малого бизнеса в нелегкий для страны период.

Главной особенностью МСБ РФ является его сфера деятельности, а именно сфера продаж и оказание услуг проживающим на территории России.

В законодательстве РФ установлены критерии для малых предприятий:

– количество работников за календарный год не должно превышать 100 человек, у микропредприятий — не более 50;

– годовой оборот не должен превышать 400 млн рублей и 60 млн у микропредприятий.

Чаще всего малый бизнес занимается экономической деятельностью в форме ООО, хозяйствующих товариществ или кооперативов. Для малого бизнеса характерно то, что ему необходимо создавать юридическое лицо, а если и создавать, то в форме индивидуального предпринимателя (ИП). Еще одной отличительной чертой можно считать то, что малые предприятия РФ, как правило, недолговечны. Именно поэтому для МП характерны большие риски и трудность в долгосрочном прогнозировании. Малые предприятия не являются лидерами на рынке. У малого бизнеса РФ низкая клиентская диверсификация — это, пожалуй, одно из слабейших сторон предприятия. Поэтому малые и средние бизнесы в России хоть и привлекательные, но и рискованные.

К середине XX века КНР практически была аграрной страной. Уже спустя 4 года, после прихода к власти Мао Цзэдуна, начались проводиться экономические реформы. Мао в 1958 году выдвинул свою теорию дальнейшего экономического развития. Она заключалась в следующем: коллективизация, развитие с/х и металлургии. В результате чего созданные коммуну очень сильно мешали крестьянам на полях, из-за технической неграмотности работников на заводах металлургия не дала ожидаемый результат, а из-за того, что часть рабочих на заводе были крестьянами, то и рук на полях не хватало. Нехватку рабочих попытались ликвидировать с помощью внедрения новой техники, но она лишь усугубила ситуацию, поэтому часть урожая была потеряна. Государственная казна пополняла свои хранилища за счет крестьян, что привело к голоду и многомиллионным смертям.

После смерти Мао Цзэдуна было принято решение перейти к социально рыночной экономике, то есть соблюдать социалистический строй, где главенствующей экономикой является плановая, а второстепенной (вспомогательной) — рыночная. Реформы положили свое начало в 1978 году и имели название «Политика реформ и открытости».

Четкого плана осуществления политики не было, прежде всего ликвидировались последствия предыдущих реформ. Но Китай стал более открытым для инвестиций. Спустя время это оказалось правильным решением. Инвесторы несли свои деньги КНР, предоставляли обучение, технику, а Китай перенимал западный опыт и внедрял его. В тот период влияние государства снизилось, и рыночная экономика «вздохнула с облегчением». Производительность крестьян возросла во много раз. Бывшие безработные крестьяне создавали собственные малые предприятия, а поддержка местных властей только способствовала их быстрому росту.

Уже к 80-м годам уровень жизни населения Китая вырос. Однако этот уровень все еще не соответствовал уровню западноевропейских держав. Характерным для данного периода было то, что ресурсы перераспределялись между регионами и вводились жесткие ограничения в управлении и распределении доходов.

Начались 90-е годы для КНР с того, что был осуществлен переход к рыночной экономике, вследствие чего было необходимо создавать законопроекты, которые бы позволили управлять финансовой политикой. Но государственным предприятиям повезло меньше: начался спад их производительности, поэтому государство приватизировало и закрыло многие предприятия, что вылилось в сокращение рабочих рук. В этот же период государство всесторонне способствовало развитию малого бизнеса, начиная с обеспечения информацией и заканчивая помощью в переговорах с иностранными партнерами.

В 2001 году Китай вступает в ВТО, что служит очередным ростом в развитии. Позже, в 2002 году, принимается закон «О стимулировании развития малых и средних предприятий», целью которого было увеличить правовые возможности малых и средних предприятий. С этим же законом связано то, что теперь малый бизнес может заниматься любой сферой деятельности, даже той, которая была в полной юрисдикции государства.

Но переход к рыночной экономике вызвал ряд проблем, таких как: коррумпированность чиновников, труд детей, нелегальные производства, несоответствие технологии производства на некоторых предприятиях, что потянуло за собой снижение качества продукции, а, следовательно, и спроса на нее.

При этих обстоятельствах руководство КНР продолжало проводить меры по регулированию малого и среднего бизнеса, всесторонне помогало бедному населению и способствовало поставкам предприятиям нового оборудования и технологий.

В целом, если говорить про экономическое «чудо» Китая, то, несмотря на плохое реформирование в начале пути, КНР смог превратиться из полностью аграрной страны в одну из первых экономик мирового масштаба.

Китайский малый бизнес, так же как и любой бизнес в другом государстве, обладает рядом исключительных особенностей.

Согласно ст. закона КНР от 29.06.2002 года «О содействии малым и средним предприятиям» установлены критерии для МСБ.

Таблица 2

Критерии оценки МСБ в КНР

Отрасли	Показатели	Средние предприятия	Малые предприятия
Промышленность	Численность занятых, чел.	300–2000	≤ 300
	Производство товаров и услуг, млн юаней	30–300	≤ 30
	Общие фонды, млн юаней	40–400	≤ 40
Строительство	Численность занятых, чел.	600–3000	≤ 600
	Производство товаров и услуг, млн юаней	30–300	≤ 30
	Общие фонды, млн юаней	40–400	≤ 40
Оптовая торговля	Численность занятых, чел.	100–200	≤ 100
	Производство товаров и услуг, млн юаней	30–300	≤ 30
Розничная торговля	Численность занятых, чел.	100–500	≤ 100
	Производство товаров и услуг, млн юаней	10–150	≤ 10
Транспорт	Численность занятых, чел.	500–3000	≤ 500
	Производство товаров и услуг, млн юаней	30–300	≤ 30
Связь	Численность занятых, чел.	400–1000	≤ 400
	Производство товаров и услуг, млн юаней	30–300	≤ 30
Гостиницы	Численность занятых, чел.	400–800	≤ 400
Рестораны	Производство товаров и услуг, млн юаней	30–150	≤ 30

Источник: Доклад о развитии малых и средних предприятий Китая в 2004 году.

По форме предприятия чаще всего выступают в роли ООО, что способствует богатым инвестициям со стороны иностранцев. Еще одной особенностью можно считать то, что для иностранцев открытие бизнеса в Китае — это большая проблема. По закону для многих предприятий нужно иметь не менее 50 % уставного капитала гражданина КНР, а в некоторых иностранец вообще не может открыть. Также особенностью является то, что на одних и тех же предприятиях могут изготавливать изделия разного качества. Ярчайшим примером этому может послужить то, что на одном и том же заводе в дневную смену шьют обувь в Германию более грамотные специалисты, а уже вечером или ночью производят ту же обувь в более бедные страны и с более низким качеством, потому что приходит другая смена малоквалифицированных рабочих.

Помимо этого, сам Китай поделен на провинции, где каждая провинция занимается своим родом деятельности, например, юг занимается легкой промышленностью, а север — тяжелой промышленностью.

Таблица 3

Численность работников на малых предприятиях (2007–2011)

Годы	2007	2008	2009	2010	2011
Численность работников (тыс. чел.)	56362,2	60520,7	68671	67877	69827

Источник: Национальное бюро статистики Китая.

Таблица 4

«Обороты малых предприятий в млрд юань (2007–2011)»

Годы	2007	2008	2009	2010	2011
Оборот малых предприятий (млрд юань)	19729,07	25462,11	32728,24	39993,86	48827,44

Источник: Национальное бюро статистики Китая.

Китайские производства — очень перспективные объекты для инвестиций как со стороны государства КНР, так и со стороны иностранцев.

Если сравнивать малые и средние предприятия России и Китая, то в первую очередь надо сказать о разных подходах к развитию этих форм: в Китае более протекционистский подход, чем в России; в Китае масштабы этих предприятий значительно больше, проще инвестируются, могут осуществлять деятельность практически во всех отраслях экономики и менее бюрократизированы.

Литература

1. Федеральная программа государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 2000–2001 годы.
2. Постановление Правительства Российской Федерации «О комплексе мер по развитию и государственной поддержке малых предприятий в сфере материального производства и содействию их инновационной деятельности», № 1460 от 31 декабря 1999 года.
3. Материалы к парламентским слушаниям «Малое предпринимательство — одно из направлений промышленного развития России», 23.09.1997 год.
4. Федеральный закон от 24.07.2007 года № 209-ФЗ (ред. от 27.12.2009) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».
5. Постановление Правительства РФ от 22.07.08 года № 556 «О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства».
6. Тезисы выступления директора департамента развития малого и среднего предпринимательства А. В. Шарова на II ежегодном деловом форуме «Развитие малого и среднего бизнеса». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minrec/about/structure/depmb/doc20100518_07.
7. Доклад о развитии малых и средних предприятий Китая в 2004 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pg.jrj.com.cn/acc/pdf/2005/gp/nb/0322/600415_2004_n.pdf
8. Политика в области развития малого и среднего предпринимательства в КНР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinairn.com/doc/70270/252682.html>
9. Национальное бюро статистики Китая. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/english/InternationalCooperation/201311/t20131112_459590.html

References:

1. The Federal program of state support of small entrepreneurship in the Russian Federation for 2000-2001.
2. The resolution of the Government of the Russian Federation "On complex of measures on development and state support of small enterprises in the sphere of material production and promote their innovative activity", No. 1460 of December 31, 1999.
3. Materials to the parliamentary hearings "Small business is one of the directions of industrial development of Russia", 23.09.1997 year.
4. Federal law of 24.07.2007, № 209-FZ (as amended on 27.12.2009) "About development of small and medium entrepreneurship in the Russian Federation".
5. The decree of the RF Government dated 22.07.08 year № 556 "On the limit values of the proceeds from the sale of goods (works, services) for each category of subjects of small and average business".
6. Theses of the speech of the Director of Department of development of small and medium enterprises A. V. Sharov at the II annual business forum "Development of small and medium business". [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.economy.gov.ru/minrec/about/structure/depmb/doc20100518_07.
7. Report on the development of small and medium enterprises of China in 2004 [Electronic resource]. Mode of access: http://pg.jrj.com.cn/acc/pdf/2005/gp/nb/0322/600415_2004_n.pdf
8. Policy of development of small and medium enterprises in China. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.chinairn.com/doc/70270/252682.html>
9. National Bureau of statistics of China. — [Electronic resource]. Mode of access: http://www.stats.gov.cn/english/InternationalCooperation/201311/t20131112_459590.html

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулагатов Заид Магомедович	к.фил.н., заведующий Отделом социологии ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии» ДНЦ РАН, E-mail: zaid48@mail.ru
Баранов Александр Васильевич	д.биол.н., п. Караваево, Костромская область, тел.: +7159018429
Баранова Надежда Сергеевна	д.с.-х.н., доцент, ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия», п. Караваево, Костромская область, E-mail: baranova-ns2@yandex.ru
Вартанова Марина Львовна	к.э.н., доцент, начальник отдела аспирантуры Московского психолого-социального университета, доцент кафедры «Экономика и финансовое право» ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет», E-mail: 11marina11@mail.ru
Гасанов Магомед Алиевич	д.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», тел.: (8722) 626686
Идзиева Марьям Камиловна	аспирант ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», тел.: (8722) 626686, E-mail: textima@mail.ru
Корнилова Анастасия Сергеевна	студент факультета "Социология и политология" ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: kapyletti228@mail.ru
Курганов Сергей Денисович	студент факультета экономики НОЧУ ВПО «Институт стран Востока», г. Москва, e-mail: Kurser5281@yandex.ru
Махмутова Евгения Викторовна	к.полит.н., доцент Департамента Политологии, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: EVMahmutova@fa.ru
Наминова Кермен Антоновна	к.э.н., доцент кафедры «Мировая экономика и финансы» ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань, e-mail: kermen.09@yandex.ru
Петросянец Даниэл Викторович	к.э.н., заместитель руководителя Департамента Политологии ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: dan-basa@yandex.ru
Подречнева Ирина Юрьевна	аспирант ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия», п. Караваево, Костромская область, E-mail: irina-podrechneva017@rambler.ru
Полищук Елена Анатолевна	к.э.н., доцент, доцент кафедры «Менеджмент предпринимательской деятельности» Института экономики и управления (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», E-mail: pea.znu@mail.ru
Симонов Константин Васильевич	к.полит.н., Первый проректор по международному сотрудничеству и внешним коммуникациям ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, тел.: (499) 943-93-70
Шахбанова Мадина Магомедкамиловна	д.соц.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии» ДНЦ РАН, E-mail: madina2405@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Abdulagatov Zaid Magomedovich	<i>PhD on Philology Sciences, Head of the Department of Sociology FGBUN "Institute of History, Archaeology and Ethnography" DSC RAS, E-mail: zaid48@mail.ru</i>
Baranov Alexander Vasilyevich	<i>D. Biol.N., p. Karavaevo, Kostroma oblast, tel: +7159018429</i>
Baranova Nadezhda Sergeevna	<i>d. agricultural Sciences, associate Professor, FGBOU VO "Kostroma state agricultural Academy", p. Karavaevo, Kostroma oblast, E-mail: baranova-ns2@yandex.ru</i>
Vartanova Marina L	<i>Ph. D., associate Professor, head of Department of postgraduate study of the Moscow psychology-social University, associate Professor of Department "Economy and Finance" FGBOU VPO "Russian state social University", E-mail: 11marina11@mail.ru</i>
Gasarov Magomed Aliyevich	<i>Doctor of Economics, professor, leading researcher FGBUN "Institute for Social and Economic Research DSC RAS", tel.: (8722) 626686</i>
Idzieva Maryam Kamilovna	<i>graduate student FGBUN "Institute for Social and Economic Research DSC RAS", tel.: (8722) 626686, E-mail: textima@mail.ru</i>
Kornilova Anastasia Sergeevna	<i>student of "Sociology and Political science" FGOBU VO Financial University under the Government of the Russian Federation, e-mail: kapyletti228@mail.ru</i>
Kurganov Sergey Denisovich	<i>student of the faculty of Economics of NOCHU VPO "Institute of East countries", Moscow, e-mail: Kurser5281@yandex.ru</i>
Makhmutova Evgeniya Victorovna	<i>k.polit.n., Associate Professor, Political Science Department, FGOBU VO Financial University under the Government of the Russian Federation</i>
Naminova Kermen Antonovna	<i>Ph.D., assistant professor of "World Economy and Finance" FGOBU IN "Astrakhan State University", Astrakhan, e-mail: kermen.09@yandex.ru</i>
Petrosyants Daniel Viktorovich	<i>Ph.D., Deputy Head of the Department of Political Science FGOBU VO Financial University the Government of the Russian Federation, e-mail: dan-basa@yandex.ru</i>
Podrechneva Irina Yuryevna	<i>graduate student of FGOBU VO "Kostroma state agricultural Academy", p. Karavaevo, Kostroma oblast, E-mail: irina-podrechneva017@rambler.ru</i>
Polishchuk Elena Anatolievna	<i>Ph.D., associate professor, assistant professor of "Management of business" of the Institute of Economics and Management (a division) FGAOU VO "Crimean Federal University named after VI Vernadsky ", E-mail: pea.znu@mail.ru</i>
Simonov Konstantin Vasilyevich	<i>k.polit.n., First Vice-Rector for International Cooperation and External Communications FGOBU VO Financial University under the Government of the Russian Federation, tel.: (499) 943-93-70</i>
Shakhbanova Madina Magomedkamilovna	<i>d.sots.n., leading researcher FGBUN "Institute of History, Archaeology and Ethnography" DSC RAS, E-mail: madina2405@mail.ru</i>

Научное издание

Ежемесячный научный журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Главный редактор: Дохолян С.В.
Компьютерный дизайн-верстка: Джамилев А.М.
Корректур: Брезман А., Мирохватова М.

Подписано в печать 27.08.2016 г. Сдано в печать 29.08.2016 г.
Формат 60*84 /8. Гарнитура «Times». Бумага офсетная
Тираж 1000. Усл. п.л. 9,5. Заказ № 330.

© НП «Редакция журнала «Региональные
проблемы преобразования экономики»
Тел.: 8-8722-62-45-16, 8-928-800-222-0
e-mail: rpre@mail.ru

Отпечатано на типографской базе
ООО «Апробация»
367008, РД, г. Махачкала, ул. Дзержинского, 17^б
Тел.: 8 (989)-669 –15 –15